

Антон Орлов
Антираспад
Серия «Мартин Паад», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124353
Антираспад: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-18865-9

Аннотация

Когда рушатся высокоразвитые империи, их военные технологии попадают в руки проходимцев. Спецслужбы многих звездных государств жестоко конкурируют в поисках Нуль-Излучателя – страшного имперского оружия, способного сокрушать целые планеты. Включаются в смертельно опасную борьбу и члены охранного агентства «Антираспад», нанятые владыкой Зеруатом, который жаждет завладеть Нуль-Излучателем, чтобы покорить Вселенную. Однако у «Антираспада» имеются собственные планы...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	50
Глава 5	65
Глава 6	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Антон Орлов

Антираспад

Глава 1

«Денег нет и не будет». Эта фраза, произнесенная служащим банка, отказавшего «Антираспаду» в очередном кредите, представлялась Норберту эпиграфом ко всей его жизни. Денег нет и не будет, и в желудке пусто. Он посмотрел в окно: там громоздились сугробы, со вчерашнего дня заметно подтаявшие, дальше перекрывала обзор глухая оранжевая стена соседнего здания. Потом взглянул на свой стол и обнаружил, что кое-чего не хватает.

– Где фото моей сестры? Вот здесь лежало.

– В сканере, – оторвавшись от компьютера, бросил через плечо Олег. – Ты говорил, у нее скоро день рождения, хочу сделать подарок.

– Ладно, тебе можно.

– Вот, я уже.

Норберт осторожно просунул объемный снимок под стекло. Слева от него лежал календарь, справа – рекламный проспект.

«Визитные карточки!!! Погрузочно-разгрузочные работы!!! Оформление витрин!!! Оригинальные сценарии презентаций и семейных торжеств!!! Компетентное посредничество при сделках и переговорах!!! Составление букетов!!! Грамотное консультирование по вопросам дешевого ремонта жилых квартир и другой недвижимости!!! Выгуливание собак!!! И прочее!!! Обращайтесь в „Антираспад“, господа!!!» – призывал проспект.

Взгляд задержался на «Оформлении витрин!!!», и Норберт шепотом выругался. Три недели назад к ним в офис пришел владелец продуктового магазина как раз по этому вопросу. Его угораздило спяну заключить сделку с недобросовестным партнером, и тот вместо первосортного балыка подsunул ему тонну рыбьих хвостов. «Антираспад» получил заказ: оформить витрину позавлекательней, чтобы народ валом повалил за хвостами. Расплатиться заказчик обещал с выручки.

Аманда Мерриато, директор «Антираспада», согласилась (что-то все же лучше, чем ничего), и Олег сделал три компьютерных эскиза: озаренное таинственным зеленоватым светом морское дно, выставка великолепных рыбных блюд, пирующая кошачья компания – на выбор. Заказчик долго рассматривал их, неопределенно хмыкал, чесал в затылке и наконец объяснил: ему бы что-нибудь попроще, без зауми, например – выложить в витрине сердечки из рыбьих хвостов, домохозяйкам это понравится.

В тот день, когда Норберт и Олег оформляли витрину, начался затяжной снегопад, потом резко похолодало. Оба заоченели и насквозь пропахли рыбой, но работу выполнили. Теперь заказчик тянул с оплатой: несмотря на сердечки в витрине, рыбы хвосты не расходились, а на дворе весна, температура поднялась выше нуля, и та часть товара, которая не поместилась в холодильниках, как пить дать сгниет; «Антираспад» должен войти в его положение, тем более что во всем виноваты бездарные оформители – не сумели сделать витрину достаточно броской. Норберт предлагал нанять для него киллера, но Аманда не на шутку рассердилась: во-первых, у фирмы нет денег на зарплату сотрудникам, не то что на киллера, а во-вторых, нехорошо решать проблемы таким способом.

Хлопнула дверь. В офис, обставленный стильной, но разношерстной мебелью (вся она досталась «Антираспаду» по бартеру, из разных источников), влетела Аманда. Ее черные кучерявые волосы, тронутые еле заметной проседью, походили на грозовую тучу, высокие

белые сапоги были измазаны лиловой глиной. Поглядев на своих подчиненных, она присела на край стола и устало вздохнула:

– Ребятки, надо как-то спасать «Антираспад»! Не представляю, что делать...

– А кредит? – спросил Олег.

– Никто не даст нам кредита. Нас уже все знают.

– Нужно как следует прижать того типа с хвостами, – буркнул Норберт.

– Он согласен расплатиться, только не наличными, а товаром.

– Рыбьими хвостами, да?

Аманда хмуро кивнула.

– Из них можно сварить уху, – заметил Олег. – И поесть...

Норберт удивленно посмотрел на друга – такая мысль ему в голову не приходила – и поддержал:

– А что, идея... По крайней мере, будет чем питаться. Бизнесмены не должны голодать.

– Надо заплатить налоги, – печально напомнила Аманда. – И еще от нас бухгалтер ушел.

– Здорово! – обрадовался Норберт. – Вам все-таки удалось его вытурить?

Последний бухгалтер «Антираспада», сварливый нудный старик, донимал Норберта с Олегом постоянными придирками и вдобавок считал, что денег сотрудникам лучше вообще не платить – «тем больше средств у нас останется на развитие бизнеса». Аманда хотела его уволить, но он пригрозил ей судом.

– Я его не вытурила, сам ушел. Что мы теперь будем делать без бухгалтера? Ребятки, нас всего трое осталось...

– Аманда, вы же не в первый раз на грани банкротства, – рассудительно напомнил Олег. – Что вы раньше делали в таких случаях?

– Находила кредит... – Голос директора прозвучал жалобно. – Выплачивала налоги, зарплату и долги по старым кредитам... Больше это не сработает – нам никто ничего не даст. Нор, ты не мог бы поговорить со своим папой?

– Бесполезно, – поморщился Норберт. – Извините, Аманда, это правда бесполезно. Ему на всех наплевать.

– Нельзя так говорить про своего отца!

Он пожал плечами. Аманда принадлежала к старшему поколению – при том, что у нее в голове то и дело рождались рискованные бизнес-проекты, а ее словно выточенное из черного дерева лицо до сих пор оставалось привлекательным, ей было далеко за пятьдесят. Подобно большинству своих ровесников, она порой проявляла качество, которое Норберт, еще будучи подростком, определил для себя как «круговую поруку взрослых».

– Выход наверняка есть, – хмыкнул Олег. – Вопрос в том, чтоб его найти.

– Если перерегистрировать «Антираспад»... – наморщив лоб, начала Аманда. – Перерегистрировать на другой профиль, понимаете... Надо узнать, предприятия какого профиля имеют сейчас максимальную льготу по налогообложению, это ведь через каждые полгода меняется... У меня есть один старый знакомый, он поможет и с информацией, и с быстрым переоформлением... – Она медленно, как сомнамбула, поднялась и надела белый плащ, который перед этим бросила на директорское кресло, внезапно ее глаза заблестели: – Если мы получим льготу по налогообложению, мы выкарабкаемся!

Норберт ощутил неясную тревогу.

– Погодите, Аманда! На какой профиль вы хотите нас перерегистрировать?

– На такой, чтоб была льгота! Я сама еще ничего не знаю.

– Но это должно быть что-то такое, с чем мы справимся!

– Да, разумеется! – Директор энергично закивала. – Конечно, я имею это в виду... Мы не будем банкротами, пускай сейчас неудачное для бизнеса время.

– Что делать, мы живем в эпоху заката Империи, – философски заметил Норберт.

– Не заката, а развала, – поправила Аманда. – Закат уже кончился. Я пошла, ребятки, пожелайте мне удачи!

Она стремительно, как черно-белый вихрь, пересекла комнату, в коридоре застучали, удаляясь, каблучки.

– Думаешь, у нее получится?

Норберт уныло пожал плечами. Потом подумал, поглядев на затылок друга, опять отвернувшегося к монитору: если «Антираспад» обанкротится, Олег среди них будет единственным, кто найдет новую работу без проблем. Потому что он больше чем первоклассный компьютерщик – возможно, гениальный. Норберт подозревал, что он сумеет заставить работать любую вычислительную технику, которая в принципе способна работать. Компьютер «Антираспада», доставшийся Аманде по бартеру, в течение долгих лет лежал у нее дома мертвым грузом – это была древняя машина, времен расцвета Империи. Олег разобрался с ним за четыре дня. Из «Антираспада» он не уходил, не желая расставаться с такой великолепной игрушкой и садиться за «современную рухлядь». В остальном запросы у него были скромные, небольшая зарплата его вполне устраивала, лишь бы хватало на жилье и еду.

– Я пойду проветрюсь, – бросил Норберт. – Все равно делать нечего.

– Ага.

На улице было тепло. Вдоль тротуара громоздились снежные руины, под ногами хлюпало, а за углом, где еще в прошлом году непонятно зачем выкопали канаву, обнажилось месиво лиловой глины. «Спасибо, папа», – поскользнувшись на глине и с трудом сохранив равновесие, процедил сквозь зубы Норберт. Уйдя из дома, он продолжал поддерживать отношения с отцом и теткой – из-за Илси – и однажды спросил у отца, кому нужна эта чертова канава. Тот, как всегда, ушел от прямого ответа, зато произнес целую речь о том, что «город нужно благоустраивать», словно давал очередное интервью.

Спустившись в подземку, Норберт доехал до северо-восточной окраины Венеды. Там, неподалеку от Гипортала, находилось кафе, принадлежавшее его двоюродному дяде по материнской линии. Там его, как хронического неудачника, кормили бесплатно.

Получив три пирожка с мясом и чашку бульона, он после недолгой внутренней борьбы завернул один пирожок в салфетку и спрятал в карман – для Олега. Поев, вышел на улицу и еле успел увернуться от громадной сосульки, свалившейся с карниза. По счастью, он был неудачником с хорошей реакцией. Сосулька разлетелась у его ног на множество бугристых прозрачных кусков. Поглядев вверх – там еще много таких висело, – Норберт отошел к краю тротуара.

Мокрая, забитая расползшимися сугробами улица сверкала на солнце, электромобили поднимали тучи брызг, пешеходы осторожно обходили полные снежной каши лужи. Только один парень шагал напрямую, не разбирая дороги. Он широко улыбался всем встречным, а его одежда, несмотря на прохладную погоду, состояла из брюк, заправленных в сапоги, и безрукавки. Норберт сразу понял, в чем дело. Поравнявшись с парнем, взглянул на его левую руку, и догадка подтвердилась: чуть выше локтя на загорелой коже серебрилась татуировка – эмблема Чантеомского Тренажера. Наверное, только что оттуда, еще не опомнился.

– Жизнь – отличная штука! – заметив взгляд Норберта, ухмыльнулся парень.

– Ага, – без особого энтузиазма согласился Норберт.

Для него жизнь была непролазным нагромождением проблем, малоинтересных и трудноразрешимых.

Еще один поворот, и улица кончилась, впереди открылась равнина, вымощенная серыми квадратными плитами. Снега тут не было – стоило ему появиться, как его сразу убирала специальные автоматы. Вдали виднелась группа зданий. С массивными, геометрически правильными постройками времен поздней Империи соседствовали современные,

более вычурные и легкие. Там находились вокзал, таможня, ангары, гаражи. Дальше поднималась темная стена пятидесятиметровой высоты – первый противоударный барьер, определил, прищурившись, Норберт. Служащие Гипортала готовились к прибытию очередного транспорта. Засунув руки в карманы, он повернул обратно.

«Валена, планета земного типа, вторая в системе желтого карлика Тай-5011. Колонизирована в 423 году от основания Империи. С 426 года находилась в личной собственности императоров. С 5262 года является самостоятельной государственной единицей.

Социальное устройство: бюрократическая олигархия. После распада Империи верховная власть на Валене автоматически перешла к местным имперским чиновникам.

Экономическое устройство: государственный капитализм. Сельскохозяйственную продукцию производят фермеры-арендаторы. Все земельные угодья принадлежат государству (монополия). Частный капитал существует на уровне мелкого предпринимательства.

Административное устройство: одиннадцать административно-территориальных областей под управлением губернаторов. Назначает губернаторов Премьер-Губернатор (должность псевдовыборная), которому принадлежит верховная власть на планете.

Самая крупная из областей – Руада. Ее столица, Соледад, является одновременно официальной столицей Валены. Там находятся правительство планеты и резиденция Премьер-Губернатора.

Вторая по величине и значимости область после Руады – Чантеома. Там находятся Гиперпространственный Портал Валены, а также Чантеомский Тренажер. Столица – Венеда».

Зеруат отложил электронный блокнот и печально посмотрел в окно: небо и пустыня. Тонированное стекло приглушало буйство красок, и все равно у него зарябило в глазах. Янда – ненормальный мир, слишком горячий и пестрый. Но именно здесь находится один из узловых Гипорталов, а земляне еще не закончили ремонтировать генератор Кружавина. Через час после того, как Зеруат прибыл на Янду, в работе генератора были замечены сбои, такое изредка случалось. Ремонт затянулся почти на неделю, в течение которой Гипортал Янды не функционировал: опасаясь аварии, земляне решили подстраховаться. Древняя техника нуждается в тщательном уходе, иначе недалеко до беды. Зеруат был очень старым человеком и вдобавок – Ответственным по Безопасности Теневого Сената Раглоссы. Только из ряда вон выходящие обстоятельства могли заставить его пуститься в такое путешествие. Например, легендарный императорский Нуль-Излучатель, следы которого как будто обнаружились на Валене.

Если верить сохранившимся с древних времен секретным документам, Нуль-Излучатель мог превращать в пыль целые планеты. Состоял он из трех частей: непосредственно излучателя (установки размером с гиперкорабль), пульта-чемоданчика (воспользоваться им мог только император, и его постоянно носил за властителем доверенный офицер), а также миниатюрного зонда. С помощью пульта зонд отправляли через гиперпространство в нужное место; оказавшись там, он давал сигнал-наводку – и тогда излучатель посылал через гиперпространство разрушительный импульс, а зонд за долю секунды до этого возвращался обратно.

Если верить все тем же документам, Нуль-Излучатель пускали в ход всего два раза. Никто не знал, куда он делся после распада Империи. По данным Теневого Сената, ни одна из трех составляющих супероружия до сих пор не всплыла... до недавнего времени. Но вдруг Сенат получил информацию о том, что зонд находится на Валене. Ответственный по Безопасности отправился за ним лично – жизнь давно уже научила его, что полностью доверять нельзя никому.

Нуль-Излучатель – слишком опасная вещь, чтобы полагаться на подчиненных. Если он попадет в руки врагов Раглоссы, родной мир Зеруата попросту исчезнет. Зато, если им завладеет Теневой Сенат, враги Раглоссы в кратчайший срок уйдут в небытие. Все враги, как нынешние, так и потенциальные, включая тех, кто пока еще бежит с дубинками и каменными топорами, но уже проявляет агрессивные наклонности. Вселенная должна принадлежать мудрым и кротким. Когда миролюбивая Раглосса останется в космосе в полном одиночестве, Зеруат наконец-то сможет сказать, что его миссия выполнена.

Харо Костангериос, губернатор Чантеомы, смотрел сверху на парк, заваленный раскисшими сугробами. Весна в этом году была ранняя и бурная. Губернатор надеялся, что к тому времени, как на Валену прибьет «Таран», снег полностью растает. Пробил его час! Улыбнувшись приятным мыслям, он неторопливо побрел по галерее.

Обычно прилетавшие на гиперлайнерах инопланетные туристы в Венедде надолго не задерживались. Те, кого интересовал Чантеомский Тренажер, выкладывали деньги и исчезали в Тренажере. Остальные посещали Исторический музей, а после отправлялись в Руаду, где находились Большая Императорская Резиденция, Мемориал Трех Принцесс, Звездные Пляжи и прочие достопримечательности. Отныне все будет иначе! Прошлым летом группа археологов-энтузиастов обнаружила в Бесканских горах на юге Чантеомы заброшенный городок. Вскоре выяснилось, что это не просто городок, а Малая Императорская Резиденция! На протяжении веков никто не подозревал о ее существовании: древнее поселение раскинулось на дне котлована, сверху затянутого маскировочной пленкой, имитирующей безжизненный скалистый ландшафт.

В рекордные сроки было построено шоссе, соединившее находку с обитаемым миром, на южной окраине Венеды вырос новый шикарный отель. Пока он пустовал, но скоро в нем поселятся туристы, об этом губернатор позаботился: рекламные проспекты с красочными иллюстрациями разошлись с гиперпочтой по всей бывшей Империи. Начиная с этой весны Чантеома станет, наряду с Руадой, крупнейшим центром межзвездного туризма.

Миновав поворот, губернатор опять поглядел в окно: вдаль, на юге, виднелся над крышами еле заметный туманный контур – Бесканские горы. Найдку еще не успели как следует отреставрировать, но даже в сыром виде она произведет впечатление на туристов. Вот что значит быть предприимчивым человеком! Вдруг он заметил внизу, возле крыльца своей собственной резиденции, группку людей с плакатами, и настроение упало. Пикетчики. Очередная акция протеста на тему «Когда в нашем доме починят канализацию?!» или «Руки прочь от музейных экспонатов!» (случалось, что губернатор одалживал, для торжеств в узком кругу, императорские сервизы и столовые приборы из Исторического музея, а кое-кому это не нравилось). Сверху невозможно было разобрать, что на этот раз написано на плакатах.

– Дерьмо, – процедил Харо Костангериос.

Как бы ему хотелось вызвать отряд спецназа и показать этим одуревшим бездельникам, кто в Чантеоме хозяин... Но нельзя. Чертова инопланетная общественность будет шокирована, на Премьера обрушатся ноты протеста, а ублюдки-земляне, чего доброго, повысят плату за Гипортал – в качестве штрафной санкции, предусмотренной международными соглашениями. На самом-то деле земляне интересуют только прибыль, ущемление прав человека для них всего лишь повод побольше урвать. Они уже проделывали этот трюк на Ите, на Хальцеоле, на Гинайре и т. п. Губернатор фыркнул. Интересно, что, когда пресловутые права попираются на Деноре (вот уж где никакой демократии нет и в помине!) или на Алзоне, о санкциях никто не вспоминает – ведь это влиятельнейшие миры с мощным военным и техническим потенциалом, миры первой десятки. Точно так же земляне предпочитают игнорировать разгул варварства на Тигоне: пусть Тигона – не шибко развитый мир, зато, если ее обитатели почувствуют себя задетыми, они пошлют по твою душу целую армию фана-

тичных террористов-мстителей, и не один, так другой доберется до цели... Увы, в первую десятку Валена не входила и вдобавок была миром цивилизованным, высококультурным – а это значит, на скидки рассчитывать нечего, лучше дерьмовых пикетчиков не трогать. Брезгливо поморщившись, Харо Костангериос направился к лестнице. На площадке между вторым и третьим этажами стояла дочь – вялое, нежизнеспособное создание, она тоже смотрела на людей с плакатами.

– Тебе давно пора взяться за ум! – раздраженно бросил губернатор.

Девчонка вздрогнула. Она всегда вздрагивала, услышав его голос.

– Посмотри, на кого ты похожа! – Он еще больше разозлился. – Тебе скоро стукнет пятнадцать, а ты не можешь без посторонней помощи через дорогу перейти, как столетняя старуха! Дохлятина неполноценная, кому ты нужна? Никому! На таких, как ты, не женятся, с тобой на людях показаться стыдно!

Губернатор уже не в первый раз беседовал с ней на эту тему, но девчонка все равно не хотела меняться в лучшую сторону. Вот и сейчас она молча пошла прочь, опустив голову.

– Илси, деточка, ты не должна обижаться на папу – он так говорит, потому что любит тебя и желает тебе добра! – услышал губернатор кудахчущий голос Лионеллы, когда дочь спустилась вниз. – Мы все хотим тебе добра...

Харо Костангериос со вздохом двинулся дальше. Лионелла права: он хороший отец, пусть его неудавшиеся детки и не спешат это признавать.

Надев темные очки и широкополую шляпу, Зеруат вышел в лоджию. Воздух был горячий и сухой, громадное белое солнце стояло в зените. Желтые, розовые, алые, пурпурные, коричневые, оранжевые барханы простирались до горизонта. Местами их оживляли бледно-зеленые кустики или отталкивающего вида клубки длинных синих иголок. Боже, на Янде еще способно что-то расти... Он перевел взгляд на сверкающие сахарной белизной здания – отели, ангары, офисы. Янда была перевалочным пунктом для гиперкораблей, постоянно здесь жили только служащие Гипортала. Раз в шесть месяцев персонал менялся.

Зеруат подозревал, что на Янде собралось немало его конкурентов и все ожидают рейса на Валену. Самые опасные – денорцы и тигонцы. Эти две расы друг друга стоили. Эмиссара Тигоны Зеруат вычислил без труда: мрачный смуглый парень с испуганным блеском в глазах принципиально не ел некоторые сорта мяса, презрительно кривил губы всякий раз, когда ему приходилось уступать дорогу дамам, и был подчеркнуто вежлив с пожилыми людьми (можно не сомневаться: если он сообразит, кто такой Зеруат, он перережет горло эмиссару Раглоссы очень вежливо и почтительно). Однако денорца Зеруат до сих пор не обнаружил, и это его весьма тревожило. Олигархи Денора наверняка узнали о зонде, кто-то из них наверняка находится здесь... Зеруат очень хотел бы выяснить, кто это. Денорцы и тигонцы внушали ему ужас в гораздо большей степени, чем представители всех остальных миров. И те и другие исповедуют культ силы, сверхагрессивны, жестоки, в любой момент готовы к насилию. Когда Раглосса завладеет Нуль-Излучателем, Денор и Тигона исчезнут в первую очередь. А пока стоит отправить в небытие их эмиссаров. Ответственный по Безопасности постоянно носил с собой похожий на игрушку пистолетик, заряженный миниатюрными капсулами с ядом. Надо прервать жизненный путь денорца и тигонца до прибытия на Валену... самое лучшее – на борту корабля; их смерть будет выглядеть как результат внезапного сердечного приступа. Он это сделает ради блага Раглоссы.

Есть один признак, по которому можно безошибочно отличить денорского олигарха: серебристая татуировка на левой руке чуть выше локтя, эмблема Денорского Тренажера. Таких древних Тренажеров всего четыре: Императорский на Алзоне, Австралийский на Земле, Чантеомский на Валене и Денорский на Деноре. Эмблема у каждого своя. Денорец не станет олигархом, если он не прошел через Тренажер; за зондом, безусловно, отправился

кто-то из олигархов, а не простой гражданин Денора. Татуировку можно заклеить кусочком искусственной кожи, но это будет заметно... Зеруат каждый день ходил в душ и ко всем внимательно присматривался – кончилось это тем, что его превратно поняли. Словечко «извращенец», несколько раз произнесенное шепотом у него за спиной, заставило Ответственного по Безопасности горько вздохнуть: он ведь глубокий старик, у него одышка и геморрой. До чего нездоровое у людей воображение! А денорского эмиссара он так и не вычислил. Может, ради конспирации тот вообще не моется? Из-за недостатка воды на Янде только один общественный душ, с замкнутым циклом. А жара такая, что без купания тяжело... Но денорские олигархи недаром гордятся своей сверхчеловеческой выносливостью.

Зеруат вернулся в комнату, закрыл жалюзи. Как бы там ни было, он выполнит свою миссию. Теневой Сенат Раглоссы потому и назывался Теневым, что его члены умели добиваться своего, оставаясь в тени. Но без помощников не обойтись, придется кого-нибудь нанять для грязной работы. Да, ему нужен молодой помощник с мозгами и мускулами... Он найдет его на Валене, когда прибудет на место.

Забрав из кабинета портфель с документами, губернатор связался с секретарем и велел подавать машину. В холле третьего этажа остановился перед зеркалом. Он был представительным мужчиной с благородным и мужественным лицом – недаром у него такой высокий рейтинг среди слабого пола! Глядя на свое отражение, сурово нахмурился, потом обольстительно улыбнулся.

– Харо, тебе давно пора взяться за ум!

Губернатор чуть не выронил портфель. Он и не заметил, как появилась Лионелла. Блеклая и сухая, аккуратно причесанная, она пристально смотрела на младшего брата, склонив голову набок.

– Я знаю, о чем ты думаешь, когда корчишь такие рожи! Ты такой же развратник, как все, а еще губернатор!

– Отстань! – в нем опять начало закипать раздражение. – У меня через час совещание!

– Харо, твоя беда в том, что ты падок на женщин. Тебе давно пора уgomониться. – Она ехидно прищурилась. – Какая-нибудь тебя поманит – и ты сразу начнешь за ней бегать, высунув наружу язык и еще кое-что!

– Лионелла, да ты соображаешь, что говоришь?! – прошипел губернатор. – Дочь ведь услышит...

Похожая на поникший цветок Илси вышла из арки, которая вела к лестнице, губернатор видел ее в зеркале.

– Ох, и правда... – сокрушенно пробормотала Лионелла и, сладко улыбнувшись, повернулась к девочке: – Илси, ты лучше иди к себе, мы с папой тут о взрослых делах разговариваем. Только за перила, деточка, держись – ты ведь у нас слабенькая, неловкая, тебе надо осторожненько по лесенке спускаться! Держись крепче, а то ножку подвернешь!

Дочь исчезла, и тогда Лионелла, согнав с лица улыбку, злобно процедила:

– Тебя так и тянет под каждую юбку! Не губернатор, а позорище, и всегда таким был...

Скрипнув зубами, губернатор устремился к лестнице. Обогнал Илси (та спускалась медленно, глядя под ноги), в вестибюле на секунду задержался перед зеркалом – строгое, озабоченное лицо, все как надо. Охранник распахнул перед ним массивную дверь.

– Почему Мехтобия Гусла выпустили на свободу? – скороговоркой выпалил парень с видеокамерой на плече, едва губернатор вышел на крыльцо.

Пикетчики тоже зашевелились. Теперь он видел, что написано на плакатах: «Смерть убийце!», «Приговорить Мехтобия Гусла к смертной казни!», «Наши дети не должны погибать от рук психопатов!» К четвертому приклеена фотография ребенка в траурной рамке.

Мехтобий Гусл, умственно отсталый двадцатипятилетний парень, в прошлом году вышел на улицу с топором и зарубил десятилетнего мальчика. Потом бросил топор и начал мыть руки в луже, тут-то его и взял подъехавший по вызову полицейский наряд. Суда не было. Гусла поместили в психиатрическую клинику, откуда он был выписан две недели назад. Губернатор уже получил несколько посланий от родителей убитого мальчика и их единомышленников.

– Его выпустили, потому что он больше не опасен. Можете посмотреть заключение профессора Улервака, психиатра. Еще вопросы есть?

– Есть! – Репортер опять выдвинулся вперед, губернатор заметил на отвороте его куртки значок телеканала ЧТВ. – Почему вы, господин губернатор, так упорно защищаете убийцу?

– Потому что мы живем в цивилизованном правовом государстве! – отчеканил губернатор. – Мы не дикари! Мехтобий Гусл – больной человек, и он будет жить среди нас как свидетельство гуманности нашей социальной системы!

Повинуясь его знаку, секретарь оттеснил репортера, распахнул дверцу машины.

– Тогда мы сами с ним разберемся! – крикнул кто-то из пикетчиков.

– И ответите по закону, – холодно бросил, полуобернувшись, губернатор.

Кажется, отец мальчика... В прошлом году, когда произошла трагедия, Харо Костан-герис выразил родителям официальные соболезнования – так чего им еще надо?!

– Вот что... – Машина тронулась, он искоса взглянул на секретаря. – ЧТВ потеряло чувство меры... Распорядись-ка, чтоб у них отключили отопление.

– Будет исполнено, – понимающе улыбнулся секретарь.

– И воду на сутки, – вспомнив, что отопительный сезон и так заканчивается, добавил губернатор. – В качестве первого предупреждения.

Мартин Паад, эмиссар Лидоны, прятался за пурпурным барханом. На шее у него висел мощный бинокль, в кармане лежал миниатюрный лучевой пистолет. Мартин был опытным бойцом, прошел через Австралийский Тренажер на Земле, владел всеми видами известного оружия и умел убивать голыми руками. Другое дело, что он не любил убивать без крайней необходимости. Он привык относиться к жизни с уважением, однако сейчас ситуация была та самая – крайняя. Императорский Нуль-Излучатель ни в коем случае не должен попасть к раглоссианам, тигонцам или слакианам. С остальными можно договориться, но эти три сообщества были достаточно сумасшедшими для того, чтобы начать истреблять всех подряд.

Раглосса, тихий замкнутый мирок, придерживалась концепции, что агрессивность есть зло – а потому разумные расы и неразумные живые виды, которые проявляют эту самую агрессивность, должны быть уничтожены (у себя на планете раглоссиане уже извели всех хищных животных, что вызвало экологический дисбаланс). Тигона была миром довольно-таки суровым, там царили патриархальные нравы и культ мужской доблести. Всех прочих тигонцы считали «нечистыми»; убийство «нечистого» у них расценивалось как подвиг. Нетрудно догадаться, что они сделают, если дорвутся до Нуль-Излучателя. Слак после распада Империи скатился на уровень рабовладельческого общества. На инопланетян там смотрели как на потенциальных невольников, и в придачу слакиане были ярыми ксенофобами. Эмиссаров Слака, Тигоны и Раглоссы придется ликвидировать. Чем скорее, тем лучше.

Сейчас Мартин собирался вывести из игры слакианина. Тот с утра посетил душ, а потом отправился бродить по окрестностям Гипортала. Слак был жаркой планетой, и убийственный климат Янды его эмиссар переносил лучше, чем большинство других транзитных пассажиров (а инопланетные рабы умирали на раскаленном Слаке за два-три месяца – Мартин знал об этом, так как дважды участвовал в спасательных рейдах и вытаскивал оттуда угодивших в плен граждан Лидоны). Тощий слакианин в просторных шароварах, белой

рубашке, желтом берете и сверкающих на солнце зеркальных очках рассматривал колючее синее растение, остановившись в ложбине между двумя барханами. Еще раз оглядевшись, Мартин вытащил пистолет, прицелился, нажал на спуск. Слакианин упал. Приблизившись к нему короткими перебежками, Мартин забросал тело песком. Свидетелей не было – они забрели достаточно далеко, постройки Гипортала еле виднелись у горизонта.

Теперь надо убрать тигонца. А вот эмиссара Раглоссы Мартин Паад до сих пор не вычислил.

Лимузин губернатора мчался по середине широкого проспекта. Здесь, в древней части города, все улицы были очень широкие, а высотные здания сверкали псевдостеклом и мрамором. Напоминание об Империи... Потом машина вылетела на мост через Чант – новый мост, надежный. Старый обвалился девять лет назад. Тогда погибло много народу, в том числе Петра.

Он сделал все, что мог. Он ее предупреждал. Он достаточно ясно дал ей понять, что мост еле держится, лучше им не пользоваться.

Внизу ярко белел снег, кое-где сверкала открывшаяся вода, на металлическом ограждении плясали блики, выше блестело весеннее небо. Губернатор прикрыл глаза – он не мог на это смотреть. Надо напомнить дураку-шоферу, чтобы в следующий раз выбирал другую дорогу.

Петру Ларре он встретил двадцать три года назад, еще когда был вице-губернатором. Высокая и статная, с царственной осанкой, она торговала овощами с лотка на Фермерском рынке. Харо Костангериос посетил рынок с инспекцией перед визитом в Чантеому тогдашнего Премьер-Губернатора. Красивая продавщица произвела на него сильное впечатление; он потребовал у нее, якобы для проверки, документы и лицензию, запомнил адрес и несколько дней спустя наведился к ней домой. Конечно, у него были и другие женщины, но связь с Петрой на протяжении четырнадцати лет оставалась прочной и постоянной. Случалось, что он не мог с ней сладить (например, так и не заставил ее сделать аборт), однако это его только еще больше возбуждало. Он давал ей деньги, купил для нее хорошую квартиру, устроил их сына в престижную школу. По его протекции ее взяли на работу в один из крупных муниципальных универмагов в центре Венеды. Когда ему пришлось жениться на Наоми, племяннице Премьер-Губернатора, Петра отнеслась к этому шагу с пониманием и не закатывала истерику.

А с женитьбой он просчитался... Здорово просчитался. Он надеялся упрочить таким образом свое положение, но через две недели после свадьбы верховный правитель Валены скоропостижно скончался, а Харо остался один на один с бесполезной теперь Наоми. Как женщина она ему не нравилась. Вначале он терпел, потом сорвался и высказал наболевшее:

– Ты неполноценная, ты отмечена печатью вырождения! Твой чертов дядя меня обманул!

Наоми сидела на полу (ну да, в сердцах он ее толкнул, и она притворялась, что не может встать без посторонней помощи), смотрела на него снизу вверх, в синих глазах блестели слезы.

– Харо, я не понимаю, в чем дело... Почему ты не можешь относиться ко мне по-человечески?

Он брезгливо поморщился: тонкая, бледная, с выпирающим животом, Наоми выглядела отвратительно (а Петра даже беременная оставалась красивой).

– У тебя совсем нет гордости! Ты мне противна!

– Харо, ты хочешь, чтобы я умерла?

– Да, я хочу, чтобы ты умерла! – огрызнулся он – его распирало бешенство – и повернулся к двери.

– Харо, помоги мне, я не могу сама! – испуганно попросила Наоми.

– Ты ничего не можешь сама! – бросил он через плечо. – Ты законченное ничтожество!

С тех пор он больше не старался изображать идеального мужа. Через девять месяцев после свадьбы Наоми умерла, родив дочь. А еще через полгода умер предшественник Харо Костангериоса, и он все-таки стал губернатором Чантеомы.

Илси унаследовала от матери хрупкую изысканную красоту и дурной характер. Последний проявлялся в том, что девчонка редко улыбалась, часто плакала, а отца боялась и не любила. Ее воспитанием занималась Лионелла, у губернатора просто не было сил с ней возиться. В особенности после того, как он однажды спросил у пятилетней Илси, почему она дуется и не хочет идти за ручку с папой. Та печально посмотрела на него и пролепетала: «Ты хочешь, чтобы я умерла». Губернатора словно обожгло – ведь он уже слышал эту фразу от Наоми, а теперь то же самое повторяет ее отродье! Он ударил девчонку по лицу так, что она отлетела на несколько шагов. К счастью, дело было в парке около губернаторской резиденции, и никто этой сцены не видел. Несмотря на противное поведение Илси, он был образцовым родителем и давал ей все, что следует: дорогие игрушки, нарядные платья, лакомства. Только вот благодарности никак не мог дожждаться.

С кем ему было по-настоящему хорошо, так это с Петрой. Теперь, когда вся власть в Чантеоме принадлежала ему, никто им не мешал. Иногда губернатор брал в Историческом музее императорскую посуду, и они ужинали вдвоем при свечах. В теплом полумраке искрились драгоценные камни на черенках столовых приборов, хрустальные бокалы отбрасывали на скатерть длинные дрожащие тени, тускло поблескивали тяжелые золотые тарелки с острыми, как бритва, краями (по древней легенде, они символизировали богатство и несокрушимость Империи). Чудесные были вечера... И так продолжалось, пока Петра не погибла.

Она ехала с работы в автобусе, маршрут которого пролегал через мост. Ее тело достали потом из Чанта, вместе с другими телами. Он ее предупреждал. Он весьма прозрачно намекал: «Петра, журналисты про этот мост всякое говорят... Бьют тревогу, как это у них называется. Закрывать его на ремонт нам сейчас не с руки, не вовремя, но есть ведь и другие мосты... Тебе совсем не обязательно ездить в свой универмаг коротким путем». Петра была умной женщиной, так неужели она не поняла?..

Губернатор несколько дней пребывал в шоке, он никак не мог смириться с тем, что Петры больше нет. Потом немного отошел – и совершил поразивший всех безрассудный поступок: официально усыновил Норберта.

Дверь женского душа была не только закрыта на задвижку, но еще и приперта изнутри чем-то тяжелым. Ксакан Смирл, эмиссар Ючана, в конце концов отступила, угрюмо вздохнула и уселась на диванчик в небольшом холле с зеркалами, декоративными растениями и автоматическим баром с прохладительными напитками. Тут уже сидело несколько пассажиров, тоже не попавших в душ. Сытые, ухоженные индивидуалистки в дорогих купальных халатах.

В бывшей Империи царило неравенство: на одних планетах – высокий уровень благосостояния, на других – низкий. Получалось, что первые жируют за счет вторых. Конечно, если доходило до полемики, жители таких процветающих миров, как Алзона, Лидона, Земля, Денор, Белт и т. п., нагло заявляли, что они никого не грабят, а то, что им удается поддерживать у себя достойный человека жизненный уровень, – их собственная заслуга. Но суть-то от этого не менялась! Золотое меньшинство потребляло за десятерых, остальные все больше и больше нищали. Ксакан знала: если она выполнит свою миссию, с несправедливостью будет покончено. Завладев Нуль-Излучателем, Ючан вынудит зажавшихся обитателей благополучных планет отказаться от безудержного потребления и переключиться на правильный образ жизни.

В холл вошла еще одна пассажирка.

– Разве душ закрыт?

– Там кто-то заперся, – пожала плечами пожилая дама с крупным черным бриллиантом, вживленным между бровей.

– Ну, если там занимаются любовью – это надолго, придется подождать. – Вошедшая повернулась к стойке бара. – Шойту с персиковым сиропом и ромом, только не тепленькую.

Ксакан передернуло от омерзения. Потом она напредила себе, что золотое меньшинство доживает свои последние дни, скоро все изменится. Граждане всех планет объединятся в Общины, откажутся от нездоровых потребностей, избавятся от индивидуализма и эгоизма. И все будут жить одинаково, как на Ючане. Нуль-Излучатель – аргумент более веский, чем любые философские выкладки!

Прошло еще пять минут. Ксакан хотелось вскочить, забарабанить по двери и крикнуть: «А ну, выходите оттуда! Общественный душ – это не ваша собственность!» На Ючане ни частной, ни личной собственности не было, там все вещи, техника, постройки и т. п. принадлежали Общинам. Тех, кто проявлял индивидуализм и пытался что-то присвоить, наказывали. Ничего, скоро и здесь так будет, и во всех обитаемых мирах... Плеск воды стих. Через некоторое время раздался скребуший звук, словно передвигали что-то массивное, лязгнула задвижка, дверь распахнулась. В холл вышла высокая женщина в длинном пушистом халате с капюшоном – типичная холеная индивидуалистка-собственница из тех, что потребляют за десятых. Оглядев ожидающих, томно произнесла:

– Ах, извините, пожалуйста! Дело в том, что я очень застенчивая и ужасно смущаюсь, когда на меня смотрят...

Ксакан еле сдержалась, чтобы не плюнуть ей вслед. Сердито сдвинув брови, подхватила свой пакет с купальными принадлежностями и вместе со всеми устремилась к двери. Вообще-то купальные принадлежности были не ее: Совет Общин временно снабдил ее некоторым количеством дорогостоящих инопланетных предметов личного пользования, чтобы она могла выполнить задание, не засветившись. Сбросив выданное Советом кружевное белье, Ксакан все с тем же хмурым выражением на лице захлопнула дверцу шкафчика, набрала код, и тут ее взгляд упал на квадратную металлическую тумбу в углу – очевидно, как раз этой штукой и была приперта дверь. Она толкнула ее, потом толкнула еще раз, посильнее, но тумба не поддавалась. Ксакан покачала головой: до чего же раскормленной стервой надо быть, чтобы сдвинуть с места такую махину! Ничего, скоро разгулу сытости придет конец... Подумав об этом, эмиссар Ючана успокоилась и, пряча мстительную усмешку, направилась к свободной душевой кабине.

Норберт знал, что губернатор – его родной отец, Петра ему сказала. Но подавляющее большинство жителей Чантеомы об этом не знали, и необдуманный, импульсивный поступок губернатора неожиданно обернулся ему на пользу: многих тронул тот факт, что правитель области усыновил осиротевшего в результате трагедии мальчика. Несмотря на неприязнь с мостом, рейтинг Харо Костангериоса повысился.

Поначалу губернатор опасался, что тринадцатилетний Норберт и шестилетняя Илси будут шумно ссориться и ябедничать друг на друга, усложняя жизнь своему отцу (у него с Лионеллой были в детстве именно такие отношения – и нельзя сказать, чтобы они улучшились, когда оба повзрослели). Но дети быстро подружились. Губернатор с изумлением обнаружил, что Илси умеет смеяться (прежде он считал, что девчонка на это неспособна из-за какой-то врожденной психической деформации, унаследованной от матери, и даже собирався, по настоянию Лионеллы, показать ее психиатрам). Правда, смеялась Илси только в компании брата, никто другой не мог ее развеселить.

Сперва губернатор не видел в их взаимной привязанности ничего плохого и не обращал внимания на жалобы Лионеллы, которая Норберта невзлюбила («Харо, ну куда ты смотришь! Сделай что-нибудь с этим вредным мальчишкой, чтобы он не влиял на Илси. Вчера он заставил ее перелезть через забор, и она поцарапала коленку – аж вот такая царапина, для девочки это некрасиво. Из-за него она становится непослушной. И еще он обещал, что научит ее кататься на велосипеде – ты слышишь, Харо? Илси ведь слабенькая, она с велосипеда обязательно упадет. Нельзя им это разрешать!»). Потом забеспокоился: если дети слишком дружны, они вполне могут объединиться против взрослых, а этого допускать нельзя. Губернатор перевел сына в закрытую школу, теперь тот появлялся дома только по выходным. Хотел бы он то же самое и с дочерью проделать, чтобы пореже видеть ее вечно печальное бледное личико, но тут Лионелла взбунтовалась: воспитывать Илси будет она и никто другой, пусть девочка ходит в обычную школу.

В первое время, когда брат отсутствовал, Илси подолгу плакала и отказывалась от пищи, однако губернатор не собирался идти на попятную: старшие всегда правы, и его стервозные детки должны с этим смириться! Дурные наклонности проявлялись у них по-разному. Норберт был дерзок и упрям; Илси, замкнутая, внешне послушная, подчинялась указаниям старших без радости и никого не пускала в свой внутренний мир. В конце концов губернатор сделал страшное открытие: его дети – не такие, как у всех. Ненормальные. Выродки. И чем больше он к ним присматривался, тем больше убеждался в правильности этого вывода.

О том, что такое застенчивость, Айма Хирт Тимано, эмиссар Денора, знала только понаслышке. Она гордилась своим великолепным сильным телом, а также серебристой татуировкой на левой руке – эмблемой Денорского Тренажера, отличительным знаком олигархов. Но сейчас, ради сохранения инкогнито, татуировку приходилось заклеивать кусочком искусственной кожи, которая имела обыкновение не вовремя отклеиваться. Особенно если намокала. Айма надеялась, что ей удалось убедительно изобразить застенчивость. Приборчик величиной с вишневую косточку, спрятанный в кармане халата, создавал помехи для любых видеозаписывающих устройств в радиусе десяти метров, поэтому она могла позволить себе душ.

Поднявшись в номер, Айма сбросила халат, надела шорты, алый жакет с длинными рукавами (чтобы скрыть хорошо накачанные мускулы), положила в карман пистолет и темные очки. Она собиралась убить эмиссара Тигоны. Денор и Тигона издавна враждовали, а кроме того, этот парень несколько раз поглядел на нее с высокомерной усмешкой. Тот, кому дорога его шкура, остережется так смотреть на денорского олигарха.

Большинство застрявших на Янде пассажиров сидели или прогуливались во внутреннем дворе отеля, среди пальм и фонтанов. Там же торчал и тигонец. Увидав денорского эмиссара, он дернул кадыком и надменно поморщился. Айма вызывающе улыбнулась в ответ, смерила его долгим насмешливым взглядом и направилась к выходу. В вестибюле, чуть повернув голову, заметила отражение в стеклянной двери – тигонец шел за ней. Отлично.

Снаружи сверкал на солнце разноцветный песок. Айма надела темные очки и опять улыбнулась. Наконец-то дошло до драки – ей давно уже хотелось размяться. К тому времени как она обогнула здание и миновала арку в стене, отделяющей территорию Гипортала от пустыни, ее коротко остриженные волосы успели высохнуть.

Мартин Паад вышел из отеля следом за ними. Неосторожная девчонка, не соображает, с кем связалась. Тигонцев лучше не дразнить, они легко заводятся. Этот парень ее изнасилует и убьет... Впрочем, Мартин решил, что не допустит ни первого, ни второго. А заодно ликвидирует эмиссара Тигоны.

Пока сын и дочь были маленькими, губернатор мечтал о семейном клане: Норберт пойдет по стопам отца и сделает карьеру, Илси найдет себе мужа среди преуспевающих столичных чиновников, наладив таким образом полезную для семьи связь. Как он в них обманулся... Девчонка училась на «отлично», много читала, но не обладала ни живостью, ни кокетством – этакий серьезный заморыш женского пола. С парнем дело обстояло еще хуже. Когда Норберту исполнилось семнадцать, он вдруг начал проявлять повышенный интерес к файлам, печатным изданиям, архивным документам четырехлетней давности. Вначале губернатор не заподозрил нелада, а потом, когда сын пришел к нему в кабинет для разговора, было уже поздно.

– Папа, ты ведь знал, что мост обвалится? Знал, да? Тебе много раз об этом сообщали и просили, чтобы ты принял меры, – вот, я нашел... – Голос Норберта дрожал и ломался.

Он бросил на стол пачку бумаг.

– Что ты хочешь этим сказать? – стараясь подавить зашевелившееся на дне души неприятное беспокойство, нахмурился губернатор.

– Если бы ты вовремя закрыл мост на ремонт, мама осталась бы жива.

Губернатор был потрясен: сопляк обвиняет его в смерти Петры! После всего, что он для него сделал... Вначале он не позволил гневу прорваться наружу, ответил спокойно:

– Сынок, я предупреждал твою маму о том, что мост в плохом состоянии. Это для меня тяжелая потеря...

– Но ведь там были и другие люди, кроме мамы! Получается, что все они погибли из-за тебя. Почему ты не закрыл мост?

Губернатор дал мальчишке пощечину и вышвырнул вон из кабинета. А Норберт спустя несколько дней заявил, что никогда не станет государственным чиновником – «потому что не хочу быть подлецом». Ну ладно, посмотрим, как ты проживешь без папиных денег, усмехнулся про себя губернатор. Парень уехал в столицу, поступил на исторический факультет Соледадского университета. Чтобы прокормиться, подрабатывал грузчиком в космопорту. После третьего курса его отчислили за неуспеваемость, и он вернулся в Венеду. С тех пор вот уже два года валял дурака в частной коммерческой фирме с нелепым названием «Антираспад», которая постоянно балансировала на грани банкротства. Губернатор ждал, когда он сломается. Денег не давал, только платил за квартиру в престижном районе Венеды (в память о Петре – когда-то он подарил ей эту квартиру). Бывало, что сын появлялся в резиденции. Если его спрашивали, не одумался ли, молча пожимал плечами. В глубине души губернатор подозревал, что Норберт никогда не сломается – он упрямый, весь в мать.

Принц Разибех, эмиссар Тигоны, бежал по яркому горячему песку, пытаясь догнать удалявшуюся женщину. Эта шлюха вела себя вызывающе и нагло. У нее высокая грудь, неприлично короткие волосы и длинные стройные ноги, бесстыдно оголенные по обычаю нечистых миров. Он должен ее догнать!

Разибеу выпала честь отправиться на поиски Нуль-Излучателя, поскольку среди тигонской знати он слыл одним из наиболее осмотрительных и благоразумных, недаром ему дали прозвище «Фаран Шилкусаан Харизут» («муж, умеющий усмирять свою ярость и прочие страсти»). Принц и сейчас оставался на высоте: помнил о том, что находится в стане врагов, которые хотят присвоить Нуль-Излучатель; они могли подослать эту суку нарочно, чтобы заманить его в западню. Но у него есть нож и пистолет, а также опыт всех прежних схваток. Он одолеет врагов и проучит нахальную тварь. Его ноздри раздувались, пот заливал глаза. Наконец женщина остановилась, повернулась к нему. Улыбнулась. Настороженный Разибех не улавливал среди розовых, пурпурных и оранжевых барханов никакого движения и не слышал иных звуков, кроме собственного дыхания.

– Где они?
– Кто – они?
– Твои друзья. – Он смотрел на нее с ненавистью и вожделием.
– Здесь нет никого, кроме нас двоих. – Жесткая улыбка стала шире. – И сейчас я прикончу тебя, тигонец.

Удар в лицо. Разибех успел отклониться, но по подбородку ему все же досталось.

Лимузин затормозил перед зданием правительства Чантеомы – архитектурным ансамблем из пяти белых цилиндров, накрытых общим куполом и соединенных между собой стеклянными галереями. Лифт с мягкими диванчиками и искусственными тропическими растениями в изящных вазах поднял губернатора на десятый этаж. Оказавшись в своем кабинете, Харо Костангериос с наслаждением развалился в кресле. Здесь он чувствовал себя лучше, чем в резиденции, – можно было не опасаться вторжения Лионеллы.

В левом углу стола лежала, как обычно, утренняя почта. Губернатор начал просматривать бумаги, насвистывая под нос модный мотивчик. Отчеты, жалобы, доклады, ходатайства... Очередное ходатайство заставило его раздраженно поджать губы, от досады он даже насвистывать перестал: ну сколько можно бомбардировать его посланиями насчет аварийного состояния Паркуанской дамбы! Коллективное письмо от двухсот тридцати шести жителей поселка Паркуан, которому якобы угрожает затопление; «компетентное» заключение некоего независимого инженера, который на добровольных началах побывал там и пришел к выводу, что дамбу прорвет не сегодня-завтра; какие-то маловразумительные научные выкладки насчет рекордной толщины снежного покрова и скорости таяния снега в этом году, опять же сделанные кем-то на добровольных началах... Неужели они полагают, что губернатор бросит все остальные дела и начнет заниматься ерундой? Паркуан – это где-то на юге, в районе Бесканских гор. Малонаселенная местность. Секунду-другую поразмышляв, губернатор сгреб все бумаги, в которых муссировался вопрос о дамбе, скомкал и отправил в корзину. Он ценит свое время, и другие тоже должны ценить его время. Проблем у него хватает. Например, до прибытия «Тарана» надо согласовать и утвердить сценарий официальных мероприятий, приуроченных к началу туристического сезона: приветственная речь, банкет для инопланетных туристов, торжественное открытие Малой Императорской Резиденции как музейного комплекса, с перерезанием ленточки и оркестром... Дел много.

Дверь бесшумно распахнулась, секретарь принес кофе с коньяком и нарезанный ломтиками шоколадный кекс.

– Ну, что у нас там? – спросил губернатор.
– Отключили. И воду, и отопление. Они уже занервничали, скоро угомонятся!
– Ага, пусть учатся. – Губернатор благосклонно кивнул и взял ломтик кекса.

Поклонившись, секретарь удалился. Сообразительный малый... Если бы Норберт был на него похож! Перекусив, губернатор подошел к окну: внизу расстилалась озаренная весенним солнцем Венеда, его город, которому через месяц-другой суждено стать знаменитым на всю бывшую Империю центром туристического бизнеса.

Тигонец оказался сильным противником. Вероятно, тоже прошел через один из древних Тренажеров. Солнце сдвинулось к горизонту, тени разноцветных барханов удлинились, а схватка до сих пор не закончилась. Айма знала, что тигонец вооружен, и была готова, если он попытается вытащить пистолет, сделать то же самое. Убивать голыми руками приятней – вот едва ли не единственный пункт, по которому мнения жителей Денора и Тигоны совпадали. Блокировав очередной удар, она сделала обманный финт, достала его прямым в корпус и вновь улыбнулась. Тигонец оскалил зубы – его бесила ее улыбка. Выдыхаться он начал первым, Айма все еще не чувствовала усталости. Один из денорских законов гласил: «Управ-

лять должны сильнейшие» (последнее понятие включало в себя, помимо физической силы и выносливости, высокий уровень интеллектуальных способностей). Айма Хирт Тимано, пять лет назад доказавшая свое право быть олигархом, принадлежала к числу сильнейших.

Вдруг тигонец отскочил в сторону и извлек из-за пазухи сверкнувший на солнце нож. Поймав руку с ножом, Айма одновременно ударила пальцами в локтевой сгиб его левой руки – та бессильно повисла, из разорванной вены брызнула кровь. Противник подсек ее ногу, оба упали на песок. Лицо тигонца блестело от пота, черные глаза смотрели на денорского эмиссара с невыразимой ненавистью. Скрипнув зубами от напряжения, Айма вывернула его кисть, нож вонзился в сердце. Тело в последний раз дернулось и замерло. Готовая в любую секунду откатиться, распластаться, вскочить на ноги, денорка оглядела неподвижные барханы. Она не могла понять, следят за ней или нет, но на всякий случай достала пистолет и двинулась к Гипорталу непредсказуемыми зигзагами.

Арест ей не грозил: она убила тигонца в пустыне, а здешний персонал интересуется только тем, что происходит на территории Гипортала. Если пассажиры надумали устроить разборку за стеной, на ничейной земле – это их личное дело. Земляне постоянно подчеркивали, что они инженеры и техники гиперпространственной системы, а не полицейские, чтобы следить за порядком в окрестностях; не хочешь неприятностей – не покидай охраняемую территорию (в то же время выходить за пределы Гипортала никому не возбранялось). Айма подумала, что по возвращении стоит принять душ... или нет, лучше позже, ночью, чтобы за дверью не собралась очередь.

Мартин Паад опустил бинокль, дождался, когда женщина отойдет достаточно далеко, и тоже пошел к Гипорталу. Исход схватки удовлетворил его: эмиссар Тигоны ликвидирован, что и требовалось. Скорее всего женщина принадлежит к числу охотников за зондом, но из какого мира она прилетела, Мартин не знал. Не раглоссианка, это ясно. Можно найти ее в списке пассажиров, однако там наверняка стоит вымышленное имя и планета указана не та. Посланцев заинтересованных миров собралось на Янде не меньше дюжины, поди разберись, кто есть кто!

Нуль-Излучатель может оказаться очень полезной штукой, если возникнет необходимость дать отпор хорошо вооруженному агрессору. Поэтому Лидона должна его захватить... или в крайнем случае уничтожить, чтобы до него не добрался кто-нибудь вроде тигонцев, раглоссиан или слакиан. Мартину Пааду, эмиссару Лидоны, предстояло осуществить один из этих двух вариантов – по обстоятельствам.

Подготовка к прибытию «Тарана» шла полным ходом: Малую Императорскую Резиденцию очистили от снега, на въезде поставили два столба, между которыми будет натянута символическая шелковая ленточка. Оркестр Венедской Оперы провел репетицию на месте. Губернатор набросал тезисы приветственной речи, утвердил меню банкета и окончательную сумму выделенных на него из областного бюджета ассигнований (сумма показалась ему завышенной, и он, подписывая бумагу, покачал головой: воруют, мерзавцы, – ну, да что с ними сделаешь, зато на них можно рассчитывать). Распорядился изгнать с центральных улиц Венеды лоточников и нищих, а Мехтобия Гусла водворить в психушку (пусть он больной человек и живое свидетельство гуманности валенийской социальной системы – но если он зарубит кого-нибудь из инопланетян, пострадают и престиж губернатора, и едва зародившийся туристический бизнес). Заодно и пикетчики уймутся – вроде как их требование выполнено.

Все шло отменно, если не считать двух досадных мелочей. Во-первых, губернатора донимала Лионелла: мол, весна в разгаре, и скоро Харо, по своему обыкновению, начнет орать дурным голосом и носиться по городу в поисках плотских утех, как облезлый кот с

помойки. Она говорила таинственным шепотом, чтобы Илси случайно не услышала «взрослый разговор», и смотрела на брата с ехидным ожиданием, склонив голову набок. В такие минуты губернатору хотелось ее задушить. Во-вторых, его завалили посланиями насчет аварийного состояния Паркуанской дамбы. В том числе подсунули несколько фотоснимков: горстка домиков в окруженной горами долине – поселок Паркуан; рассеченная трещинами и обросшая сосульками корявая поверхность; устрашающее нагромождение талых сугробов... Губернатор бросил фотографии в нижний ящик стола. Дамба старая. Рано или поздно ее прорвет. Надо относиться к таким вещам философски. Для процветания Чантеомы сейчас главное – завлечь туристов, и ради этого он трудится не покладая рук. Он вправе рассчитывать на благодарность.

Зеруат лежал на койке в своей каюте, прикрыв глаза и расслабившись. Гиперлайнер приближался к Валене. Последний бросок. На Янде двое пассажиров бесследно исчезли – тигонец и слакианин. В отличие от них, Зеруат был осторожным человеком, он не то что территорию Гипортала не покидал – даже из отеля не выходил, пока не объявили посадку на корабль. Борьба за Нуль-Излучатель будет жестокой, но Раглосса должна победить. Тогда все агрессивные сообщества канут в небытие и Галактика станет воистину мирным и безмятежным местом.

Сухие губы Зеруата тронула скупая улыбка. Пусть его противники упорны и безжалостны – зато у него есть одно маленькое преимущество. Неприметная такая вещица, императорский брелок-индикатор, с помощью которого можно определить местонахождение зонда и пульта, если ты находишься не более чем в километре от нужного предмета. Зеруат, Ответственный по Безопасности Теневого Сената Раглоссы, собирался воспользоваться своим преимуществом – и выиграть ради счастливого для всей Галактики будущего.

В течение нескольких дней Аманда в офисе не появлялась. Только один раз позвонила и сказала, что «все идет чудесно», а также распорядилась, чтобы Норберт с Олегом съездили в магазин и забрали пятьдесят кило рыбьих хвостов – раз денег не выбить, пусть хозяин расплатится за оформление витрины хотя бы товаром. Сейчас замороженные хвосты лежали в большом холодильнике в коридоре, еле удалось их туда затолкать. Норберт и Олег ежедневно варили уху в микроволновой печи – голодная смерть сотрудникам «Антираспада» в ближайшее время не грозила.

– Нор, посмотри, – позвал Олег. – Как по-твоему, ей понравится?

Повернувшись к монитору, Норберт увидел на экране портрет Илси на фоне заполненного сияющими звездами голубого пространства. Ее треугольное лицо, темно-синие глаза и пушистые светлые волосы словно светились изнутри, а на заднем плане медленно скользили не то вихри, не то сотканные из тумана цветы.

– Класс, – одобрил Норберт.

– Твоя сестра – эстетически совершенное существо, – с восторгом глядя на свою работу, вздохнул Олег.

Норберт промолчал. Он давно уже заподозрил, что отношение Олега к Илси выходит за рамки эстетического, но демонстрировать свою проницательность из деликатности не хотел. Пожалуй, многие были бы шокированы: взрослый парень влюблен в четырнадцатилетнюю девочку (особенно если учесть, что влюбился Олег не вчера, а год назад). Норберт сочувствовал другу и жалел, что Илси для него недоступна. Кроме того, что Олег – первоклассный компьютерщик, он хороший и умный парень; быть может, он сумел бы вытащить ее из того малопонятного состояния, в котором она находится. Если не считать хронической слабости и подавленного настроения, Илси была здорова, однако Норберт видел, что с ней творится что-то неладное – словно сама жизнь вытекает из нее, капля за каплей. И его бесило то, что

отец с теткой этого не замечают (или делают вид, что не замечают). Будь у него такая возможность, он забрал бы сестру к себе домой, да только никто не позволит ему это сделать.

Хлопнула входная дверь, через несколько секунд в офис ворвалась Аманда. Ее глаза азартно блестели.

– Ребятки, на соседней улице канаву закопали! – объявила она. – Но это еще не главная хорошая новость!

– А какая главная?

– Я перерегистрировала «Антираспад» в охранно-сыскное агентство!

– Что?.. – потрясенно прошептал Норберт.

– Мы теперь профессиональные сыщики и телохранители! – Аманда с торжеством смотрела на своих подчиненных. – У нас тридцатипроцентная льгота по налогообложению, мы имеем право носить огнестрельное и лучевое лицензионное оружие третьей категории, владеть легкобронированным космическим истребителем с одной плазменной или двумя лучевыми пушками и заниматься коммерцией в качестве побочной деятельности! В два счета распродадим все рыбы хвосты!

Норберт оперся локтями о стол и сжал ладонями виски. Олег сидел неподвижно, хлопая глазами, на его полном круглом лице застыло оторопелое выражение.

– Нам дадут кредит! – с воодушевлением продолжила Аманда. – Я все рассчитала!

– Аманда, только один вопрос: что мы будем делать, если кто-нибудь потребует от нас охранно-сыскных услуг? – тихо спросил Норберт.

– Я это учла, – снисходительно улыбнулась директор. – К нам никто не придет, потому что все нас знают. Мы возьмем кредит на закупку легкобронированного космического истребителя, приобретем на эти деньги предметы народного промысла и продадим их инопланетным туристам – за пять минут все уйдет со свистом! Не беспокойтесь ни о чем, ребята.

– Но если к нам все же кто-нибудь обратится? – поддержал друга Олег. – Наши действия? Мы ведь не профессионалы.

– Гм... – Аманда озабоченно нахмурилась, потом опять просияла: – Мы сделаем профессионала из Норберта! У меня много хороших старых знакомых, и я добьюсь, чтобы Нора пустили в Чантеомский Тренажер бесплатно, потому что денег у нас нет. Через месяц он выйдет оттуда с татуировкой.

– Через месяц? – переспросил Норберт. – Вы сказали – через месяц? Аманда, я согласен пройти через Тренажер, только дурак откажется, но месяца не хватит.

– Ну, через полтора... – неохотно уступила директор. – Ты нужен «Антираспаду» здесь, отпустить тебя надолго я не могу.

– Если человек входит в Чантеомский Тренажер, он не знает заранее, когда Тренажер его выпустит, – вмешался Олег. – Может, через полгода, а может, через год. Эта штука запрограммирована таким образом, что нельзя прервать обучение на середине.

Так оно и было. Чантеомский Тренажер, как и три его аналога на Алзоне, Земле и Деноре, появился в эпоху расцвета Империи. Любой получал в нем первоклассную физическую подготовку, обрастал мускулами, овладевал приемами рукопашного боя и навыками выживания в экстремальных условиях. Помимо обычных тренировок, там применялись электростимуляция мышц, специальные медицинские процедуры, укрепляющие костяк, прямое внедрение в мозг и нервную систему боевых рефлексов. При этом компьютер Тренажера учитывал индивидуальные особенности каждого: возраст, пол, весовую категорию, состояние здоровья и т. п. Однажды на Валену прилетел человек на костылях, с протезом вместо ампутированной правой ноги. Заплатил положенную сумму и исчез в Тренажере. Спустя два года (о нем уже все забыли) он оттуда вышел. Несмотря на свое увечье, он двигался ловко и уверенно, без костылей и выглядел по-настоящему счастливым. Компьютер Тренажера для каждого разрабатывал индивидуальную программу; открытые в древности

методы позволяли сделать обучение сверхинтенсивным без риска, что человек не выдержит. Те, кто находился внутри, получали еду, медицинскую помощь и все необходимое. Недостаток у этой системы имелся только один: никто не мог покинуть Тренажер, не выполнив свою программу до конца (сохранившиеся с давних времен документы свидетельствовали, что когда-то в прошлом дело обстояло иначе, но в ту пору были специалисты, которые могли вмешиваться извне в его работу).

– Нор, а если я, как директор «Антираспада», прикажу тебе пройти Тренажер за полтора месяца – ты это сделаешь?

Норберт молча развел руками.

– Значит, отпадает... – вздохнула Аманда. – Ничего, ты и так выглядишь достаточно крутым. Только надо купить тебе черную кожаную куртку.

– У меня нет денег.

– Я одолжила некоторую сумму, как раз хватит на куртку и пистолет, он будет у нас один на троих. Чтобы получить кредит, мы должны пустить им пыль в глаза. Сейчас же поедем за курткой... – Аманда заметила портрет на экране. – А это кто?

– Моя сестра.

– Совсем большая стала... Как у нее дела?

Неожиданно для самого себя Норберт обрисовал ситуацию как есть – состояние Илси его тревожило, и хотелось перед кем-нибудь выговориться. Олег насторожился и нахмурился, Аманда тоже слушала внимательно, с озабоченным выражением на лице.

– Нор, ты правильно сделал, что рассказал мне об этом, – заявила она, когда он умолк. – Я знаю, в чем дело, и могу дать совет.

– Какой?

– Сначала скажи: с кем живет твоя сестра?

– С отцом и теткой.

– И все?

– Ну, еще там охрана, прислуга...

– Ясно, – кивнула Аманда. – Среди них есть энергетический вампир, и он высасывает из нее жизненную силу.

Норберт разочарованно хмыкнул: он-то ждал дельного совета, а не мистических откровений. В вампиров он не верил – ни в энергетических, ни в обыкновенных, с клыками.

– Ты должен объяснить это своему папе, – убежденно добавила Аманда. – Наверное, вампир к ней с самого рождения присосался, вот бедняжка!

– Папа решит, что я совсем спятил, – буркнул Норберт.

– Можешь думать, что я болтаю глупости, – директор «Антираспада» слегка обиделась, – но я права! Для того чтобы твоя сестра поправилась, ей надо поскорее сменить обстановку и окружение.

С этим Норберт был согласен.

– Да, вы правы. Но не могу же я украсть ее из дома, а отцу с теткой ничего не втолкуешь.

– Твой папа делает кое-что хорошее. Канаву засыпали...

– Канаву! – фыркнул Норберт. – Думаете, это ради нас? Если в канаву свалится инопланетный турист, он потом вернется домой и расскажет остальным, а это может подорвать туристический бизнес. Вот что для него главное!

– Нельзя относиться плохо к своему отцу, – укоризненно сказала Аманда. – Поживешь с мое – поймешь. Ладно, поехали, пока магазины не закрылись.

Они купили модную дорогую куртку и самый дешевый лучевой пистолет в кобуре, которая подвешивалась под мышкой. Когда вернулись в офис, Аманда объявила:

– Сейчас будем делать рекламный проспект! Олег, устанавливай камеру, а ты, Нор, надень кобур и куртку. Надо сфотографироваться.

– Не стоит, – возразил компьютерщик. – Нам лучше не привлекать к себе внимания, чтобы клиенты на голову не посыпались.

– Мы должны привлечь к себе внимание, чтобы получить кредит. Нужно убедить служащих банка в том, что мы профессионалы. Давайте, ребятки, пока что я здесь директор! Ты, Олег, сядешь около компьютера – ты наш мозговой центр, а ты, Нор, встань на переднем плане, ты у нас будешь за самого крутого. Расстегни куртку, чтобы пистолет был на виду. А лицо сделай хладнокровное и решительное, понял? Как у того главного шпиона в «Виртуальном лабиринте». О, вот так!

Они сфотографировались втроем, потом Аманда велела Олегу включить подсоединенный к компьютеру микрофон и начала диктовать текст рекламного проспекта. Норберт и Олег слушали ее с нарастающим ужасом. Время от времени то один, то другой пытался осторожно урезонить директора:

– Может, вот этого не надо, а?.. Лучше не преувеличивать... Это слишком... А то все решат, что мы самые крутые на всю Галкатику...

Но Аманда только отмахивалась:

– Не мешайте, ребятки! Реклама должна разить наповал, иначе это не реклама. Я на этом деле собаку съела. Нам всего-то и нужно получить небольшой кредит – и мы этого добьемся, если сумеем произвести впечатление. Ничего лишнего здесь нет, – и продолжала гнуть свое.

Наконец текст был готов. Перечитав его, Норберт невольно зажмурился.

– Отличный проспект! – удовлетворенно кивнула Аманда. – И снимок вышел эффектный. То, что надо! Олег, у нас осталось немножко денег – завтра утром купишь гляцевую бумагу и распечатаешь полторы тысячи экземпляров. А на обороте... да, на обороте шлепни ту картинку с кошками, которую ты сделал для витрины. Заодно разрекламируем свой товар.

– Какой товар? – не понял Олег.

– Рыбьи хвосты. Мы их все-таки распродадим!

Глава 2

Паркуанскую дамбу прорвало под утро. Разметав камни, землю, глыбы льда и обломки бетона, вода хлынула в долину, спустя час поселок был затоплен. Кое-кто не успел спастись; остальные, кутаясь во что попало, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, сидели на крышах и на склоне ближайшей горы, ожидая помощи. А вода устремилась дальше – по длинному, узкому, непроходимому каньону, соединявшему Паркуанскую долину с другой, которая находилась значительно ниже над уровнем моря и представляла собой естественный котлован, окруженный скалами. К тому времени как над Чантеомой взошло солнце, котлован превратился в озеро, лишь кое-где торчали из темной воды шпили и антенны древних построек.

Губернатор проснулся в превосходном настроении. Позавтракал у себя в спальне, закрывшись на задвижку от Лионеллы, потом велел подавать машину. Секретарь ждал в вестибюле – встревоженный, до синевы бледный.

– Что такое? – смерив взглядом своего молодого помощника, спросил губернатор.

– Дамбу прорвало. Мы не хотели вас будить...

– И правильно, что не хотели, – кивнул губернатор. – Н-да, не вовремя... Но стихия – это стихия. Жертвы есть?

– Четырнадцать человек. Одинокие старики и алкоголики, не успели выбраться. Остальных сейчас магнитофоны снимают. – Секретарь почему-то мямлил и отводил глаза. – Никто ведь не знал заранее, что получится...

– Стихия – вещь непредсказуемая. Надо их куда-нибудь пристроить, чем-нибудь обеспечить... Только не в Венедде, а в Кьядаре или в Орсе, ты меня понял? Скажи, что выделим материальную помощь из губернаторского фонда... Чтоб журналисты не цеплялись.

– Это не все... – еле слышно, с мукой в голосе, произнес секретарь.

– Что еще?

– Затопило не только Паркуан... Там было ущелье, и вода по нему вниз потекла... Прямо туда...

– Куда – туда? – Губернатор понемногу начинал терять терпение.

Несколько секунд секретарь мялся, кривил губы, а потом выдавил:

– Туда, где Малая Резиденция...

– Музейный комплекс не сильно пострадал? – Губернатор нахмурился.

– Ну... Кое-что виднеется... Все остальное осталось ниже уровня паводка.

– Что?.. – рявкнул он, не желая верить. – Да вы все соображаете, что натворили?!

Секретарь открывал и закрывал рот, но сказать ничего не мог. Губернатор стремительно пересек вестибюль, чуть не вышиб дверь, которую охранник недостаточно проворно распахнул перед ним; оттолкнув шофера, со злобой дернул дверцу лимузина. Запыхавшийся секретарь догнал его, втиснулся следом и сжался в углу.

– Южное шоссе, – отрывисто приказал губернатор. – Гони побыстрее!

Выехав из города и свернув с Южного шоссе на новую дорогу, которая вела к Малой Императорской Резиденции, машина на тридцать четвертом километре затормозила: впереди была вода. Серое зеркало, в котором исчезала дорога и отражались округлые бурые горы, безмятежное весеннее небо, птицы, облака. Сзади подъезжали еще машины, из них выходили люди. Губернатор угрюмо оглядел своих подчиненных: лица у всех были похоронные.

– Почему мне не доложили?

– Мы пересылали вам бумаги относительно дамбы, – робко заикнулся кто-то. – И фотографии...

– Я спрашиваю, почему мне не доложили?! – повысил голос губернатор. – Надо все делать вовремя! Никаких ваших бумаг и фотографий я не помню, я не могу один работать за всех некомпетентных идиотов! Все отвыкли работать и разжирили! Никто из вас не выполняет своих обязанностей! – Он замолчал, переводя дыхание, вскоре и горное эхо затихло. – Вызывай магнитоплан, – бросил он секретарю.

На месте Малой Резиденции остался котлован, доверху заполненный грязной водой, – там плавали щепки, куски пенопласта, всякий мелкий мусор. Как верно заметил секретарь, «кое-что виднелось». Пришибленный несчастьем губернатор машинально сосчитал: четыре антенны, три шпиля – они весело сверкали на солнце, оживляя безотрадную картину. Вот она – катастрофа... Теперь инопланетных туристов в Венед не удержишь, все планы рухнули.

К вечеру губернатор взял себя в руки.

– Итак, завтра мы встречаем «Таран», – произнес он, строго глядя на членов правительства Чантеомы, своих советников и представителей городской администрации, заполнивших небольшой конференц-зал. – Мы должны любой ценой удержать туристов в Венед! Запомните: любой ценой! – Он сжал кулак. – Сейчас или никогда! У кого есть дельное предложение – я готов выслушать.

– Не выпускать их отсюда, и все! – предложил экспансивный, с вечно мятым галстуком, советник по вопросам животноводства. – Хотят не хотят, а пусть тут у нас развлекаются!

– Господа, хоть немного думайте! – поморщился губернатор (с такой политикой Чантеомы не смирятся ни инопланетяне, ни Премьер-Губернатор). – Я имею в виду не насилие, а искусные дипломатические меры! Раз мы временно потеряли Малую Резиденцию, мы должны заинтересовать их чем-то другим, чтоб они оценили по достоинству наш прекрасный гостеприимный город.

– Устроим весенний карнавал!

– Вот это уже хорошо. – Губернатор одобрительно кивнул советнику по вопросам культуры. – Вас и назначаю ответственным. Мы должны разработать для них такую программу, чтоб им не захотелось отсюда уезжать, – а там и наводнение кончится, тогда мы быстренько подремонтим Малую Резиденцию, и все пойдет по плану. Вы же знаете, господа, – он перешел на доверительный тон, – во сколько нам обошлась постройка «Бескана»! Если мы не хотим дыры в бюджете, отель с завтрашнего дня должен быть заполнен гостями, которые платят. И пусть каждый из вас внесет свою лепту в общее дело!

– А траур по жертвам наводнения? – нерешительно спросил кто-то. – Его полагается объявить...

Губернатор тяжело вздохнул и посмотрел на говорившего долгим значительным взглядом.

– Траур сейчас не ко времени... Туристам это не понравится. Отпугнет. Мы потихоньку поможем пострадавшим, но чтоб никакого обсасывания стихийных бедствий в СМИ. Пришла весна, вся Венед веселится и радушно встречает гостей – вот в каком русле мы должны действовать.

Когда совещание закончилось, он подозвал к себе комиссара полиции.

– Улицы в порядке?

– Да, господин Костангериос. Провели облаву, погрузили в фургоны, вывезли...

– Куда вывезли?

– В северные районы.

– Хорошо. Мехтобий Гусл в клинике?

– Мы решаем этот вопрос.

Губернатор нахмурился («мы решаем этот вопрос» на языке посвященных означало: «извините, но ни черта мы до сих пор не сделали»).

– Где он?

– Никак не можем его найти. – Комиссар виновато развел руками. – Его мать сказала, что после того, как Мехтобия выписали, он всего два раза ночевал дома. Где-то бродит...

– Ну так найдите его немедленно! – невнятно ругнувшись, приказал губернатор. – Вы соображаете, какой шум поднимется, если он убьет инопланетянина? Мобилизуйте людей, и чтоб завтра он сидел в психушке, о выполнении доложите мне лично.

– Мы решим вопрос, – уклончиво пообещал комиссар.

Губернатор поглядел в окно на крыши Венеды, розоватые в лучах вечернего солнца. Еще можно спасти положение, и он это сделает.

У Норберта был пропуск в Гипортал – вообще-то просроченный, но охранники знали, что он сын губернатора, и осложнений не возникло. Он поднялся на второй этаж вокзала. Здесь, в громадном зале, отделанном цветным мрамором и светящимся белтийским псевдостеклом, собрались встречающие – официальные лица Чантеомы с супругами и родственниками, а также несколько журналистов. Скоро (точное время заранее не известно) пассажирский лайнер «Таран» появится посреди поля Гипортала, огороженного двумя противотанковыми барьерами.

Оглядевшись, Норберт заметил отца в окружении других высших чиновников, потом нашел Илси. Нарядная и грустная, девочка стояла у стены.

– Привет!

– Привет, Нор! – Она слабо улыбнулась. – У тебя новая куртка?

– Ага. Знаешь, кто я теперь?

– Кто?

– Сыщик и телохранитель. «Антираспад» стал охранно-сыскным агентством. У меня и пистолет есть, смотри! – Он распахнул куртку, показал кобуру и снова застегнулся, не желая нервировать служащих Гипортала. – Как дела?

– Нормально, – тихо ответила Илси.

– Явился, в кои-то веки, – раздался за спиной голос тетки Лионеллы. – Обрадовал! Ты все еще работаешь у этой самой вашей, безумной... смешной дамочки... как ее там?..

– Лучшее лекарство от склероза – мнемонизол, советую попробовать.

Норберт и тетка были давними врагами. В прежнюю пору, когда Норберт жил в доме отца, оба даже не пытались скрывать своей ненависти друг к другу. Однажды Лионелла хотела его побить, но он наставил ей синяков и вышел победителем (правда, потом его жестоко избил возмущенный таким финалом отец).

– Курточку-то модную небось на подаяние купил? – на лице у тетки появилась сладкая, полная затаенной неприязни улыбка. – Ты, Нор, всегда будешь нищим, это тебе на роду написано. Против судьбы, милый мой, не попрешь, и не пытайся!

– Тетя, у вас помада около губ размазалась, – буркнул Норберт.

Это была откровенная ложь, но Лионелла, с подозрением поглядев на него, направилась к зеркалу, а Норберт взял сестру за руку и потянул за собой. Они спрятались в углу, за кадкой с инопланетным декоративным растением, похожим на охапку розовых перьев. Норберт заметил, что Илси плачет.

– В чем дело?

– Нор, почему тетя так не любит и тебя, и всех моих подруг? Если я в школе с кем-нибудь подружусь... – девочка шмыгнула носом, – она про них говорит, как про твоего директора... издевается, передразнивает голос, нарочно коверкает имя... Она видит, что мне неприятно, и все равно так себя ведет! Почему?

– Потому что тетка – дура. – Норберт обнял сестру, растерянно провел рукой по светлым пушистым волосам – он не умел утешать плачущих девочек. – Ну, успокойся...

Илси прижалась к нему и вдруг приглушенно пробормотала:

– Жизнь – ужасная вещь.

– Успокойся, – повторил Норберт. – Тебе скоро пятнадцать, ты станешь взрослой и уйдешь от них.

– Я не смогу, Нор. Я ничего не могу сама.

Отстранившись, она еще раз всхлипнула и дрожащим голосом произнесла:

– Извини, что я испортила тебе настроение. У вас хорошо идут дела?

– Ага. Мы опять чуть не обанкротились, но Аманда спасла положение.

Илси вытерла слезы. Скосив глаза, Норберт обнаружил на черной коже куртки мокрое пятно.

– Внимание! – прогремел усиленный динамиками голос диспетчера. – Гиперпространственный канал раскрывается!

Розовые перья в кадке закачались, Норберт ощутил всем телом пронизывающую мелкую вибрацию. Он знал, что в домах на окраине Венеды сейчас дребезжат оконные стекла и покачиваются люстры, а собаки и кошки ведут себя беспокойно.

– Пассажирский лайнер «Таран» прибыл! – торжественно объявил диспетчер. – Канал закрывается!

Вибрация исчезла.

– Идем! – позвал Норберт.

Вместе со всеми они устремились к противоположной прозрачной стене и едва успели занять место с хорошим обзором. Противоударные барьеры медленно опускались. Вот показалось нечто округлое, металлическое – по мере того как барьеры уходили в землю, оно увеличивалось в размерах: длинное сигарообразное тело высотой с трехэтажный дом, тусклое, изъеденное коррозией.

– Здорово, – прошептала Илси, в ее темно-синих глазах светилось восхищение.

– Видишь, есть в жизни и хорошие вещи, – заметил Норберт (и тут же подумал, что это прозвучало слишком нравоучительно).

Встречающие ахали, восклицали, переговаривались. Норберт увидел тетку, которая пробивалась к ним через толпу, обиженно поджав губы. Илси тоже посмотрела в ту сторону, и блеск в ее глазах погас.

– Держись, сестренка! – Норберт похлопал ее по плечу.

– А ты поедешь в отель, на банкет для туристов? Я там буду вместе с папой... Пожалуйста, Нор!

С минуту он колебался: нет тусовки хуже, чем официальное мероприятие, но, с другой стороны, надо поддержать Илси, да и кормить там будут не ухой из рыбьих хвостов...

– Поеду.

Битва за туристов обещала быть нелегкой, но губернатор настроился на победу. Сейчас или никогда! Он смотрел на заходивших в зал инопланетян, как охотник на дичь: эти самоуверенные, более или менее экзотически одетые бездельники должны остаться здесь, даже если ради этого придется поставить с ног на голову всю Венеду. Туристы – это деньги, а денег в бюджете Чантеомы хронически не хватает. Губернатор поднялся на подиум с микрофонами и оттуда радушно улыбался гостям, одновременно прокручивая в уме и шлифуя свою приветственную речь. К нему протиснулся секретарь с электронным блокнотом под мышкой – портативным компьютером размером с книгу.

– Сколько? – не поворачивая головы, спросил губернатор.

– Три тысячи пятнадцать. Шестьсот двадцать восемь – транзитники, остальные наши. Итого две тысячи триста восемьдесят семь.

– Лакомый кусок... Мы не уступим их Руаде. Все здесь?

– Сейчас последние проходят через таможенную.

– Подождем.

– Харо, про тебя говорят, что ты нарочно приказал затопить Паркуан, – вполголоса сообщила Лионелла – она протиснулась к нему с другой стороны, чуть не опрокинув стойку с микрофоном. – Чтобы не платить старикам пенсию.

– Кто говорит? – Губернатор ощутил смутную тревогу.

– Все подряд. Люди. Ох, доиграешься когда-нибудь...

– Иди лучше за Илси присмотри, – проворчал губернатор – Лионелла умела испортить ему настроение.

– Да с ней там этот твой, незаконнорожденный... Ты их столько понаплодил, что сам теперь не считаешь!

– У меня двое детей, – прошипел он (вокруг стояли подчиненные и охрана – не дай бог услышат). – Заткнись!

– Двое... Ты ведь за всякой готов бегать!

Когда-нибудь его терпение лопнет: он прикажет охранникам вывести Лионеллу и с удовольствием посмотрит, как ее, взбешенную и визжащую, поволокут к двери... Спыхватившись, губернатор вернул на лицо доброжелательную улыбку. Эта мегера сама не понимает, что несет. Ему нравятся не «всякие» – только высокие и красивые. Такие, как покойная Петра... или вон та стройная туристка в черном свитере, облегающих брюках из металлизированной ткани и подобранных в тон к ним сапогах. Чтобы получше рассмотреть ее, губернатор поднес к глазам позолоченный бинокль: гладкая загорелая кожа, широко расставленные темно-серые глаза, короткие волосы, темные с рыжеватым отливом...

– Харо, я не знаю, на кого ты пялишься, – прошептала Лионелла, – но это просто позор! Ты губернатор или кобель? Нельзя же на людях так плотоядно улыбаться!

Мысленно выругавшись, он постарался придать своему лицу официальное выражение.

– Того и гляди мозги из штанов выскочат... – добавила Лионелла.

– У меня там не мозги, – огрызнулся губернатор.

– Оно и заметно! – Она только обрадовалась возражению. – стыдно, Харо!

– Сойди с подиума! – властно потребовал губернатор. – Здесь место для представителей власти!

Лионелла хмыкнула, смирив его ехидным понимающим взглядом и удалилась. Переведя дух, губернатор повернулся к секретарю, который стоял рядом, делая вид, что он глух и нем, как рыба.

– Мне нужна информация об одной из пассажирок. Вон та, видишь? Ага, она... Кто такая?

Опустившись на одно колено, секретарь раскрыл электронный блокнот – откинулся небольшой экранчик, на нем замелькали лица. Наконец появилось лицо туристки в черном свитере.

– Да, – кивнул губернатор и, вновь повернувшись к публике, тихо спросил: – Кто это?

– Карен Мьян с Шелконы, ассистент кафедры археологии Замервейского университета.

– Не транзитная?

– Нет.

Археолог, это хорошо... Наверняка ее заинтересует Малая Императорская Резиденция, и она останется в Венеде.

– Археологов среди них довольно много, – после паузы сообщил секретарь. Потом что-то переключил, поглядел на экран и добавил: – Все собрались, господин Костангериос.

– Дорогие гости Валены! – заговорил губернатор, одарив зал теплой улыбкой. – Хотелось бы сказать, дорогие гости Чантеомы! Я рад приветствовать вас на нашей планете! – Минут пять он рассказывал о чудесных ландшафтах, первоклассных отелях и уникальных памятниках старины, которыми славится Валена, потом перешел к щекотливому вопросу: – Увы, вчера нас постигло небольшое несчастье... Произошло стихийное бедствие, которого никто не ждал, – весеннее наводнение, и сейчас Малая Императорская Резиденция затоплена, как прекрасное подводное царство. Увы, природа непредсказуема...

По залу прошел ропот. Большинство туристов восприняло печальное известие равнодушно, но иные уставились на губернатора, как на мишень. Он заметил, что на скулах у Карен Мьян напряглись желваки. Ну да, ученые, примчавшиеся сюда из дальних миров, разочарованы... На секунду губернатора охватил страх: вдруг показалось, что разъяренные археологи того и гляди на него набросятся; он даже сделал правой рукой особый, еле заметный жест, означающий: телохранителям – готовность номер один. Потом овладел собой и продолжил:

– Не спешите расстраиваться, дамы и господа! Если вы хотите полюбоваться Малой Императорской Резиденцией, вам придется около недели подождать! За неделю вода спадет, – он вовсе не был в этом уверен, – и Малая Резиденция предстанет перед вами во всей своей красе, умытая и блистающая! А пока вас ждут другие развлечения. Например, традиционный весенний карнавал. – Если в СМИ проскочит хотя бы намек на то, что до идеи «традиционного» карнавала власти додумались только вчера, – пусть журналисты пеняют на себя. – Венеда умеет принимать гостей, и я уверен, что вам у нас понравится! Сейчас я приглашаю всех присутствующих на праздничный банкет, который правительство Чантеомы устраивает в честь наших дорогих гостей в новом отеле «Бескан». Это отель на три тысячи мест, красивый и современный, вас отвезут туда автобусы класса «люкс». Прошу вас, дамы и господа!

Часть туристов воодушевленно зааплодировала, другие, с пресыщенными гримасами, переглядывались и громко переговаривались. Ассистент кафедры археологии Карен Мьян прищурилась. Лишь бы она не оказалась стервой, с некоторым беспокойством подумал губернатор.

– Ваша речь произвела на них большое впечатление! – почтительно заметил секретарь.

– Пошли, – махнул рукой губернатор.

Похоже, первый раунд он выиграл.

Зеруат не поехал вместе со всеми в «Бескан». Взяв такси, он велел шоферу найти скромную приличную гостиницу, желательно рядом с полицейским участком. Пока машина мчалась наперегонки с другими машинами (да у них тут настоящее столпотворение, не сравнить с тихими городами Раглоссы!), он обдумывал услышанное. Малая Резиденция затоплена, плюс это или минус? Для него – плюс, для остальных – минус. С помощью брелка-индикатора он отыщет зонд даже под водой. Потом сядет на грузовой раглоссианский корабль и отправится домой... Тут Зеруат нахмурился: он успел выяснить, что валенийский Гипортал должен принять в ближайшее время подозрительно много грузовых кораблей из разных миров. И еще есть земляне, хозяева Гипорталов. Впрочем... Зеруат сухо рассмеялся: он допускал, что землянам все равно, кому достанется зонд. Их в любом случае не тронут, поскольку гиперпространственная связь нужна всем. Якобы всем... Они заблуждаются. Мудрые и кроткие жители Раглоссы смогут спать спокойно, лишь когда исчезнут и гиперпространственные каналы, и Земля, и другие агрессивные цивилизации.

Такси затормозило перед шестиэтажным грязновато-белым зданием с узкими, шоколадного цвета контрфорсами. Ответственный по Безопасности снял одноместный номер. Уютно, чисто, и – что его приятно удивило – никаких мышей и крыс (на Раглоссе эти грызуны

по непонятной причине расплодились, никакого спасения от них нет). Выпив чаю, Зеруат отправился на прогулку. Его положение опасно, очень опасно... У него много конкурентов, в том числе денорский эмиссар, сумевший остаться незримым. Надо найти помощника, надежного и достаточно сильного. К несчастью, он слишком мало знает о Валене – незначительном, никак не влияющем на межзвездные события мире, здесь у него не было агентов. Придется изучать обстановку на месте.

Зеруат шел по улице, стараясь держаться поближе к стене: мчавшиеся на большой скорости машины действовали ему на нервы, на лицах прохожих лежала печать агрессивности (на Раглоссе таких людей отправляют в небытие безболезненным способом – здесь же они свободно разгуливают, с вызовом смотрят друг на друга, толкаются). Головокружительно высокие здания, издали красивые и величественные, вблизи поражали взгляд своей неухоженностью. На тротуарах валялся мусор. Варварский город... Зеруат содрогнулся, увидев, как прямо посреди улицы ссорятся двое пьяных, и укрылся в ближайшем магазине. На століке у дверей лежал целый ворох ярких рекламных проспектов. Дантист, охранно-сыскное агентство, похоронная контора, фирма «Живые цветы на дом», опять охранно-сыскное агентство... Вот то, что ему нужно! Он набрал пачку листовок, рекламирующих охранно-сыскные агентства, сунул в карман и вышел наружу. Здесь его ждал новый шок. Возле двери сидел на привязи громадный черный зверь с торчащими из пасти клыками и длинным красным языком. Увидав Зеруата, он издал несколько пугающих резких звуков, потом начал энергично размахивать хвостом. Охваченный дрожью, Зеруат протиснулся мимо и поспешно направился к гостинице. Он понял, кто это: собака. На Раглоссе нет ни собак, ни кошек, там еще шестьсот лет назад уничтожили всех хищных агрессивных тварей, как диких, так и домашних.

Добравшись до своего номера, Зеруат почувствовал себя больным и оглушенным. Устало опустился в кресло, выложил на стол рекламные проспекты, начал рассеянно перебирать. Один из них приковал его внимание.

«Если Ваша жизнь в опасности,
Если против Вас ополчилась вся Галактика,
Если Вам кажется, что никто не в силах Вам помочь
– ОБРАЩАЙТЕСЬ К НАМ!
«АНТИРАСПАД» ЗАЩИТИТ ВАС ОТ ЛЮБОГО ВРАГА!

Для нас не существует невозможного!

Мы спасем Вас от чего угодно, и Вы сможете
спать спокойно!

Кроме охранно-сыскной деятельности, мы планируем
заняться в ближайшем будущем коммерческими
операциями с движимым и недвижимым имуществом,
озеленением Венеды, поиском древних свалок ценных промышленных отходов на дру-
гих планетах, а также

высокохудожественным оформлением интерьеров
государственных и частных учреждений. Если Вы хотите стать спонсором наших про-
ектов – ждем Вас!

У нас в продаже имеются полезные и вкусные пищевые продукты (см. на обороте).

«АНТИРАСПАД» ЗНАЮТ ВСЕ!»

Под текстом – цветная фотография: рослый темноволосый парень в кожаной куртке, с кобурой под мышкой смотрел на Зеруата твердо и решительно; справа от него, на заднем плане, сидел за компьютером другой парень; слева стояла чернокожая женщина, немолодая,

но с приятным интеллигентным лицом. Во всех троих чувствовалось нечто, внушающее доверие.

Перевернув листок, Зеруат в первый момент ощутил оторопь: на обороте были изображены кошки с горящими глазами, они толпились вокруг серебящейся кучи рыбьих хвостов и облизывались.

«Порадуйте своего котика свежей рыбкой!» – призывала надпись.

В этой аллегории было нечто завораживающе-жестокое: как хищники расправляются с более мелкими животными – так и «Антираспад» расправится с теми, кто посягнет на безопасность его клиентов. Впечатляет. Зеруат отложил проспект, взял другой, третий... Потом отодвинул их на середину стола, вызвал по видеофону горничную и попросил принести в номер чай с печеньем. Он уже сделал выбор.

На первом этаже «Бескана» находилась анфилада соединенных арочными проемами залов с декоративными растениями, удобной мягкой мебелью, миниатюрными бассейнами и накрытыми столами. За стеклянной стеной виднелись бурые Бесканские горы. Тут было просторно, солнечно и немноглюдно: пока туристы устраивались в номерах на верхних этажах, официальные лица и их близкие бесцельно слонялись вниз. Норберт, засунув руки в карманы, стоял у колонны и то косился на соблазнительные закуски, то начинал прикидывать, как бы увести Илси от тетки. В толпе с этим запросто, а укромных уголков здесь полно. Сбросив с хвоста Лионеллу, он постарается поднять сестре настроение. Одновременно он наблюдал за своим отражением в зеркале напротив и учился контролировать мимику. «Нор, не забывай об имидже! – наставляла его Аманда. – Ты теперь крутой. Ты должен смотреть на людей жестко и пронизательно, с циничным многоопытным прищуром. А когда говоришь – будь немногословен, цеди слова сквозь зубы. Все сразу поймут, что ты профессионал!»

– Появился, отпрыск?

Повернув голову, Норберт увидел отца.

– Здравствуй, папа.

Губернатор выглядел недовольным и озабоченным. Вдруг он нахмурился:

– Это еще что такое? Почему тебя пустили сюда с пистолетом?

– Наверное, потому, что я – твой сын, – многоопытно прищурившись, процедил Норберт.

– Где ты взял оружие? – резко спросил отец.

– Это лицензионный пистолет. Я теперь работаю в охранно-сыскном агентстве.

– Ушел из «Антираспада»?

– Нет, просто мы сменили профиль.

– Из тебя никогда не выйдет ничего толкового. – Губернатор насмешливо хмыкнул. – Герой в мокрых штанах! Ну, посмотрю я, как вы там будете барахтаться...

Повернувшись, он направился к группе туристов, которые только что вышли из лифта, оживленно озираясь. Норберт проводил его угрюмым взглядом: отец давно уже утратил последние остатки его уважения, но все равно бывало неприятно, когда тот начинал издеваться. А ведь Илси живет с ним и с теткой с самого рождения... Да тут никаких энергетических вампиров не надо, что бы там ни говорила Аманда. Есть люди, которым нравится разрушать других; отец и тетка – из этой породы. Если бы у Норберта было много денег, он забрал бы сестру и куда-нибудь увез... Но денег у него нет. И надо полагать, не будет.

Туристы все прибывали и прибывали. Заиграл оркестр Венедской Оперы, расположившийся на подиуме в соседнем зале. Протиснувшись к столу между полным инопланетянином с золотыми кольцами в ушах и в носу и инопланетянкой в блестящем вечернем платье, с буйной оранжево-синей копной волос, Норберт основательно перекусил, потом отправился разыскивать Илси. Заметив их с теткой, подошел сзади и остановился, выжи-

дая. Лионелла беседовала с флегматичным туристом в пятнистом свитере и лиловых шортах до колен, украшенных металлическими заклепками, – выговаривала ему резким, безапелляционным тоном: «Мы у себя на планете никакого крупного бизнеса не потерпим! Такими делами должно заниматься государство, а не люди! Потому что люди не доросли!» Илси, опустив голову, сидела рядом. Норберт дотронулся до ее плеча, а когда она обернулась, приложил палец к губам и подмигнул. Девочка осторожно встала. Через минуту они укрылись в соседнем зале, за растением с толстым стволом и большими пурпурными листьями.

– Мы весь день сможем прятаться от тетки, в такой толпе она не найдет нас. Посмотри, это наш новый рекламный проспект.

Прочитав текст, Илси не улыбнулась, как рассчитывал Норберт, а глубоко задумалась. Потом подняла на него взгляд и неуверенно спросила:

– Нор... А меня возьмут на работу в «Антираспад»?

– Зачем? – удивился он.

– Мне нужны деньги.

– Разве папа не дает тебе на расходы?

– Мне нужна очень большая сумма. Полтора миллиона алзонских империалов. Я не знаю, сколько это в вaledорах...

Норберт присвистнул: это гораздо больше, чем годовой оборот «Антираспада»!

– Зачем? – повторил он в недоумении.

– Столько стоит входной жетон Тренажера.

– Ты хочешь пройти через Тренажер?

Девочка молча кивнула, ее глаза наполнились слезами.

– Илси, в «Антираспаде» таких денег не заработаешь. У нас сейчас нет ни гроша, только полный холодильник рыбьих хвостов.

– Я думала, у вас такой размах... – Она все-таки сумела не расплакаться. – Тут ведь написано...

– Это все блеф, – вздохнул Норберт. – Чтобы запудрить мозги банкирам и выбить кредит, иначе мы не сможем заплатить налоги. Короче, это сплошная игра, не по-настоящему. Лучше пошли, раздобудем мороженого? И смотри по сторонам – тетка будет на нас охотиться.

Губернатор отыскал Карен Мьян в ближайшем к выходу зале. Она не переоделась в вечернее платье, как большинство туристок: на ней были все те же облегающие брюки и высокие сапоги, только свитер сменила на свободного покроя куртку из металлизированной ткани. Оглядевшись, губернатор заметил, что остальные здесь тоже одеты по-походному. И атмосфера... пожалуй, что напряженная. Из соседних залов доносилась музыка и нестройный гул голосов, а тут стояла тишина. Нехорошая тишина, предгрозовая.

– Всем надо угощаться, дамы и господа! – весело объявил губернатор.

Потом подошел к Карен, интимно оперся о спинку ее кресла и доверительным тоном осведомился:

– Итак, вы у нас археолог, из Замервейского университета? Как же, слышал... Будем знакомы: Харо Костангериос, губернатор Чантеомы, – наклонившись к ней, он тихо добавил: – А для вас – просто Харо.

Отстранившись, Карен безразличным тоном произнесла:

– Очень приятно.

Поддержать беседу губернатор не успел – с ним заговорил другой турист, крупный пожилой мужчина с растрепанной седой гривой и глазами навыкате:

– Господин Костангериос, я – профессор Чейдем с Алзоны, я заведу кафедру археологии в Имперском университете. И все здесь, насколько я понимаю, мои коллеги... – Он

как-то неуверенно оглядел своих коллег и продолжил: – Мы хотели бы поскорее увидеть Малую Резиденцию, узнать, в каком она состоянии. Когда это можно устроить?

Прокрутив в уме возможные варианты, губернатор предложил:

– Да хоть сейчас... Она... гм... немножко затоплена, но кое-что над водой виднеется. – Антенны и шпили подогреют их интерес, а он постарается во время экскурсии быть поближе к Карен. – Сейчас организуем транспорт!

Связавшись с секретарем, велел ему в два счета обеспечить магнитоплан. Тем временем археологи высыпали на залитую солнцем площадку перед отелем, вымощенную белыми плитами и окруженную по периметру черными треугольниками пока еще не засеянных клумб. Большинство ожидали молча, засунув руки в карманы и обмениваясь непонятными взглядами. Несколько человек сбились в кучку вокруг Чейдема – эти, наоборот, оживленно переговаривались; до губернатора долетел голос профессора: «Надо же, до чего странный народ здесь подобрался... И главное, я никого не знаю! А вы кого-нибудь из них знаете?..» Карен Мьян принадлежала к первой категории. Губернатор наблюдал за ней, пытаясь интуитивно угадать ее слабые места. Через четверть часа на площадку опустился магнитоплан.

– Прошу, дамы и господа! – улыбаясь, пригласил губернатор.

Археологи друг за другом забирались в салон.

– Погодите! – Крепко сбитый светловолосый мужчина с широким загорелым лицом заступил дорогу профессору Чейдему и его компании. – Господа, вам не надо с нами лететь! Пожалуйста, оставайтесь в отеле, вы посмотрите на Малую Резиденцию завтра.

– Это почему – завтра? – возмутился профессор. – Что вы себе позволяете, господин Паад? Вы даже не ученый – вы беллетрист и дилетант! Пропустите нас!

– Для вас так будет лучше, – спокойно предупредил тот, кого назвали Паадом.

– Лучше? – Чейдем гневно тряхнул седой гривой. – С дороги!

Явно разозленный, Паад пожал плечами и полез в салон, остальные последовали за ним. Две враждующие научные группировки?.. Гм, не дошло бы до ссоры... Губернатор сделал знак телохранителям – стоит взять их с собой. Три десятка археологов, и все какие-то взвинченные...

Когда на лесенку ступила Карен Мьян, он обхватил ее сзади за талию, чтобы галантно подсадить, но в следующую секунду почему-то потерял равновесие и растянулся на плитках, больно стукнувшись головой. Телохранители бросились его поднимать. Обругав их злым шепотом, губернатор постарался непринужденно улыбнуться. Карен поглядела на него сверху – равнодушно, с долей недоумения – и скрылась в салоне. Черт, надо же, чтоб такое случилось... Он ведь стоял вполне устойчиво! Забравшись в салон, объявил:

– Иногда ступеньки скользят... Будьте осторожны, дамы и господа, для нас главное – чтобы вы остались довольны! – и уселся в кресло, потирая шишку.

Магнитоплан бесшумно поднялся в воздух. Мягкий толчок – включились ионные двигатели, и аппарат помчался к Бесканским горам. В иллюминаторы било солнце, по светло-зеленому ворсистому полу скользили блики. Губернатору не удалось занять кресло рядом с Карен, да и к лучшему, пожалуй: ему не нравилось жесткое выражение ее лица. Сердится, что он так неловко упал? Археологи молчали; казалось, непонятное напряжение того и гляди достигнет критической точки. Наконец аппарат завис над затопленным котлованом. Этакая грубо вытесанная каменная чаша с неровными краями... Губернатор с тревогой отметил, что теперь из грязной воды торчат только два шпиля и одна антенна – значит, уровень паводка за истекшие сутки поднялся, а не опустился!

– Ну вот, все в порядке! – объявил он бодрым голосом. – Вода уходит, и через денек-другой вы сможете прогуляться по Малой Императорской Резиденции! Там, внизу, все в полной сохранности!

Археологи прильнули к иллюминаторам. Профессор Чейдем потрясенно пробормотал:

– Боже, какими надо быть варварами, чтоб такое допустить!
«Сам дурак», – про себя обругал его губернатор.

На обратном пути обстановка разрядилась. Археологи больше не выглядели такими собранными и настороженными, как раньше. Непринужденно развалившись в креслах, они рассматривали друг друга, кое-кто усмехался. Губернатор ощутил, что некая смутная угроза миновала. Все идет по плану. По крайней мере, эти двадцать восемь человек останутся здесь как миленькие – вон как заинтересовала их Малая Резиденция!

Итак, перемирие – до тех пор, пока не спадет вода. Мартин Паад понимал, что сейчас до зонда не доберешься: тот находится в одном из затопленных зданий (причем неизвестно, в каком именно), а вода грязная и мутная; если нырять с элангом, ни черта не найдешь. Понимали это и его противники. Они настроились на большую драку – каждый против всех, – но, увидав злополучный котлован, расслабились и даже развеселились. Драка откладывается.

– Если я правильно понял, – проворчал профессор Чейдем, – глубина здесь около двадцати метров... Учитывая, что самые высокие здания – четырехэтажные, помните снимки? Вандализм! – потом с неприязнью поглядел на Мартина и снова повторил: – Вандализм!

Профессор Чейдем и еще десять человек были настоящими археологами. Мартин пытался отговорить их от участия в экскурсии из лучших побуждений. Ученые так и не поняли, в какую переделку чуть не влипли: если бы началась битва за зонд, никому бы не поздоровилось. К счастью, все обошлось, пострадавших не было (кроме губернатора – тот время от времени потирал свою шишку и делал вид, что ничего не случилось).

Теперь Мартин точно знал, кто его конкуренты: десять мужчин и шесть женщин. Еще бы угадать среди них раглоссианского эмиссара... Пять лет назад Мартин побывал на Раглоссе. Ее обитатели не любили пускать к себе чужаков, и он добился разрешения с большим трудом. Этот унылый, апатичный мир, управляемый Теневым Сенатом (насчет последнего все знали, что он есть, но в то же время принято было считать, что его как бы и нет на самом деле), производил тягостное впечатление. На Раглоссе практически не было дикой природы – результат экологической катастрофы, которая произошла после того, как раглоссиане истребили хищных животных. Только поля, сады, огороды и парки, ухоженные и заботливо оберегаемые, либо оживленные скудной порослью пустоши. Раглосса унаследовала от Империи высокоразвитые технологии, за счет которых она сможет просуществовать долго, очень долго. Ее кроткое, миролюбивое население, питающее глубокое отвращение к любым проявлениям агрессивности, вроде бы ни с кем не враждовало, но в иных вопросах проявляло завидную непреклонность. Мартин знал: если Нуль-Излучатель попадет в руки к раглоссианам, всем остальным цивилизациям будет подписан смертный приговор.

Вернувшись в «Бескан», археологи набросились на деликатесы. Губернатор устроился рядом с Карен Мьян и долго рассказывал ей о своей нелегкой самоотверженной деятельности, перемежая драматические истории (например, о том, как горела больница в центре Венеды и он лично руководил спасательными работами) с забавными анекдотами из жизни своих подчиненных. Потом, решив, что пора, спросил:

– Карен, как вы отнесетесь к идее совместного ужина сегодня вечером? В домашнем кругу, с моей сестрой и дочерью... Вы не смогли увидеть воочию Малую Императорскую Резиденцию, но Большая Губернаторская Резиденция вам понравится, я уверен. – Он усмехнулся своей шутке и уставился сбоку на ее точеный профиль, ожидая ответа.

– Меня эта идея не привлекает, – равнодушно бросила Карен.

– Ну, быть может, до вечера вы успеете передумать. – Он постарался подавить злость (эта самоуверенная дура хоть понимает, что ее пригласил не кто-нибудь, а губернатор?!). – Времени много, все веселятся...

Чтобы скрыть бешенство, встал и прошелся по залу. Похоже, что угощение всем понравилось. Профессор Чейдем и его группа до сих пор ворчали по поводу «безответственности местных властей», но налегали на яства и напитки наравне с остальными. Секретарь с электронным блокнотом на коленях скромно сидел у края стола. В углу, на диванчике под голубой алзонской пальмой, расположилась девушка-археолог с бокалом темно-красной ликилы. Она то смотрела с сомнением и опаской на вино, то оглядывала зал; на ее скуластом лице с тонкими губами, острым носом и возбужденно блестящими темными глазами застыло настороженно-хмурое выражение.

– Это прекрасная ликила столетней выдержки, – присев рядом, мягко сказал губернатор. – Обязательно попробуйте!

Девушка еще больше нахмурилась, стиснула свой бокал так, что костяшки пальцев побелели, – и залпом выпила. «Ого! – подумал губернатор. – Археологи – крепкий народ...» Он впервые видел, чтобы ликилу пили таким образом!

– Странное ощущение... – помотала головой девушка. – Значит, вот что с тобой бывает, когда попробуешь алкогольный напиток... – Ее язык слегка заплетался. – Я столько всего потребила за один обед...

– Как вас зовут? – добродушно поинтересовался губернатор (по крайней мере, эта девчонка не строит из себя надменную недотрогу, как Карен Мьян).

– Ксакан Смирл... Тьфу ты, Бригитта Набиани! Какая разница, Ксакан или Бригитта...

Ну вот – ликила ударила в голову, и теперь она не может вспомнить, как ее зовут. Губернатор жестом подозвал секретаря и шепотом приказал:

– Посмотри у себя, кто это?

Пока секретарь колдовал с электронным блокнотом, он спросил:

– Как вам понравился ваш номер в «Бескане»?

– Р-роскошь... Много роскоши... – Она говорила с такой интонацией, словно была недовольна. – За десятирых... А с душем тут будет порядок? Есть эгоистичные стервы... Вон та, посмотрите! – Ксакан-Бригитта показала пальцем на Карен, и губернатор искренне согласился с ее оценкой. – Они запираются в общественном душе, как будто он – их собственность! За этим надо следить! Чтоб не ущемлялись равные права всех...

– Ну что вы, какой общественный душ? – рассмеялся губернатор. – Видимо, вы еще не осмотрели хорошенько свой номер. В каждом номере есть ванная с душем и отдельный туалет. Мы постарались ради наших дорогих гостей!

– Бригитта Набиани с Цимлы, археолог, – шепнул сбоку секретарь.

– Ванная?.. В каждом номере?.. – Девушка глядела на губернатора в упор и потрясенно моргала.

– Конечно. И все краны позолоченные, вам понравится, дорогая Бригитта! Все-таки вас зовут Бригитта, а не Ксакан.

– Позолоченные краны?.. – Бригитта состроила пьяную гримасу. – Тьфу, как можно докатиться...

Ну и придира! Очевидно, у нее дома водопроводные краны делают из благородных металлов. Если и у остальных туристов такие же запросы...

– Вы все тут ужасно живете... Потребляете... Странно, что у вас еда такая разная! А душ должен быть общим, и туалет тоже... Я не-на-ви-жу позолоченные краны, я с ними не смирюсь!

– У нас просто нет возможности делать сантехнику из чистого золота, – попытался утихомирить ее губернатор. – Но качество соответствует лучшим межзвездным стандартам, можете не сомневаться!

Бригитта угрюмо поглядела на него, икнула и отвернулась. Несколько растерянный, губернатор поднялся и обнаружил, что его место рядом с Карен успел занять Паад.

– ...На Слаке я побывала с экспедицией. – Карен улыбалась ему, в то время как при разговоре с губернатором с ее лица не сходило выражение скуки. – Три года назад.

– С научной экспедицией? – уточнил почему-то Паад.

– Разумеется.

– Вы видели Оклорогел?

– Только на снимках. Мы работали в другом районе.

– А я там был дважды. С научной экспедицией, как и вы, – тут он почему-то ухмыльнулся. – Один раз – в самом пекле, в тропиках. Оклорогел, эта пурпурная пирамида на фоне оранжевого неба, производит гнетущее впечатление. Ее надо увидеть своими глазами, снимки полного представления не дают. На Слаке я в первый же день обгорел.

– А я во второй.

– Ну, я еще на Янде заметил, что вы хорошо переносите жару, – подмигнул Паад.

Губернатор скрипнул зубами: черт знает что! Карен Мьян – его женщина, он положил на нее глаз, и вдруг к ней лезет какой-то развязный тип... Надо его осадить.

– Кто такой этот Паад? – проворчал он, обращаясь к секретарю.

– Мартин Паад с Лидоны, – раскрыв электронный блокнот, отозвался тот. – Известный авантюрист.

– Авантюрист?.. Жулик, значит? – Губернатор обрадовался: он прикажет арестовать мерзавца, лишь бы нашелся повод.

Ответ секретаря перечеркнул его планы:

– Путешественник и писатель. Иногда выполняет особые секретные задания правительства Лидоны, считается высокочеловеческим агентом, но не хочет связывать себе штатной работой. Богатый человек, имеет почетные награды. Это вся информация о нем, какой мы располагаем.

Н-да, скользкий тип... Наконец Мартин Паад заговорил с соседом напротив, а Карен взяла свой бокал, пригубила ликилу, отставила. Губернатор про себя выругался: в его душе затеплилась была надежда, что она сейчас напьется до бесчувствия, как Бригитта Набиани, и тогда он сможет о ней позаботиться... Но Карен напиваться не собиралась. Поднявшись из-за стола, она рассеянно огляделась и направилась к арке, за которой виднелся соседний зал. Губернатор догнал ее.

– Ну, как вам наше торжество?

– Неплохо. Все блюда отлично приготовлены, и вино хорошее.

– Для туристов нам ничего не жалко! Особенно – для красивых туристок... – Он попытался обнять ее за талию.

Карен отступила:

– Не надо, Харо. А то опять упадете.

– Я упал случайно. – Губернатор принужденно рассмеялся. – Там была скользкая ступенька. Вообще-то падения, если можно так выразиться, для меня несвойственны, иначе я не находился бы так высоко. Вся Чантеома на моем попечении, но иногда хочется чего-нибудь приятного, будоражащего кровь! Вы меня понимаете?.. Кстати, этот ваш приятель, Мартин Паад, – крайне самовлюбленный тип. Вы заметили, какая у него тупая физиономия?

– Это умный и мужественный человек. Видимо, вы здесь, на Валене, о нем не слыхали.

– В том, что касается мужественности, я могу состязаться с кем угодно, – глядя на Карен с многозначительной улыбкой, заверил губернатор.

Эта стерва сделала вид, что не поняла намека.

– Не хотите посмотреть на горы из лоджии на втором этаже? – спросил он, про себя решив: «Я с тобой рассчитаюсь!»

Карен согласилась:

– Пошли.

На втором этаже не было ни души. Стены и пол блестели – натуральный мрамор, облагороженный нежными пастельными разводами, этой технологией владел только Белт, и стоил такой материал невероятно дорого. «Бескан» и правда влетел Чантеоме в копеечку... Прозрачные створки двери, за которой находилась лоджия, были раздвинуты, по коридору гулял ветер, растрепавший короткие волосы Карен. Жадный взгляд губернатора ощупывал ее совершенный профиль, красивую стройную шею, грудь. «Возьму ее прямо в лоджии, – сглотнув, решил Харо Костангериос. – И пусть кто-нибудь вякнет! Снаружи не увидят...» А тыл прикроет секретарь – он вышколенный парень, знает, что делать, если босс хочет уединиться с дамой. Не в первый раз. Галантно пропустив Карен вперед, губернатор мельком обернулся: знакомая фигура маячила на лестничной площадке.

– Я не мальчишка... – хрипло произнес он, вновь поглядев на Карен.

Та насмешливо изогнула бровь. Харо Костангериос грубо привлек ее к себе, но вдруг ее руки непонятно каким образом вывернулись из его рук, сжали запястья... От адской боли он взвыл. Карен рассмеялась.

– Больно? Извините, Харо. Я ведь археолог, привыкла работать лопатой. Скажите, из Малой Резиденции успели вывезти найденные предметы?

– Какие предметы? – Харо Костангериос чуть не всхлипнул. – Дура!

Глаза Карен сузились. У губернатора возникло предчувствие, что его сейчас ударят. Или случится еще что-нибудь нехорошее.

– Харо, я повторяю вопрос: до того, как Малую Резиденцию затопило, оттуда что-либо вывозили?

– Нет, к сожалению. Не успели, никто не ждал наводнения... Но скоро вода уйдет, и все будет лежать, где лежало.

– Кто курировал исследования?

– Я, лично я. – Он сумел выдавить улыбку. – В воде ничего не может испортиться. Особенно в нашей, валенийской воде, вы напрасно разволновались... Вода – нейтральная жидкость, она ничего не растворяет.

На лице Карен появилось веселое выражение.

– Тогда пойдем вниз? Вы правы, отсюда открывается прекрасный вид на горы. Я получила большое удовольствие.

Губернатор с облегчением вздохнул: наконец-то она вспомнила, кто перед ней! Археологи – неотесанный народ. Возьмет он ее в другой раз, когда будет в форме. Сейчас колени дрожат – видимо, оттого, что пил ликилу.

Ожидавший на площадке секретарь почтительно подмигнул. Харо Костангериос ответил ему угрюмым взглядом: похоже, этот идиот решил, что его босс орал, испытывая оргазм! Все подчиненные – идиоты, а ему приходится терпеть их около себя и одному за всех думать... Запястья до сих пор ныли, он чертыхнулся.

Банкет продолжался. Небо за стеклянной стеной стало розовато-сиреневым, Бесканские горы потемнели. В залах вспыхнули бра, гости оживленно переговаривались, около подиума с оркестром начались танцы. Губернатор не отставал от Карен: она должна понять, что столкнулась с человеком, который привык любой ценой брать свое. Что она о себе возмнила? В конце концов, она всего лишь простой археолог с Шелконы, даже не профессор! Любая жительница Чантеомы на ее месте была бы рада отдаться губернатору... Ничего, он с ней расквитается. Так затрахает, что она ни сидеть, ни стоять не сможет. Он преследовал ее упорно, с мрачным азартом, а она притворялась, будто ей скучно. Секретарь с электронным блокнотом ходил за ними по пятам, держась на дистанции. Снаружи сгустились сумерки, в залах «Бескана» воцарился волшебный, полный разноцветных отблесков полумрак на славу удавшейся вечеринки. Карен остановилась у колонны, около серебрящегося в свете бра бассейна с маленьким фонтанчиком.

– Этот отель был спроектирован и построен под моим личным руководством, – сообщил ей губернатор. – Я хорошо разбираюсь в архитектуре, хотя специального образования не получил. Очень современное здание! И охрана здесь надежная – можете не бояться ни краж, ни других превратностей... Я сам курировал подготовку охранников, я научил их делать свое дело профессионально и ненавязчиво. Они присутствуют незримо, вы их даже не увидите.

– Вон стоит один из них.

Проследив за ее взглядом, губернатор снисходительно усмехнулся:

– А... Милая моя Карен, не угадали! Это не охранник, это мой сын Норберт. Вообразает себя героем, вот и пришел на банкет с пистолетом.

– Симпатичный парень, – оглядев Норберта, с одобрением заметила Карен.

– На редкость безмозглый оболтус, ни черта не смыслит. Я устроил его в лучшую школу, а он там валял дурака. Сейчас ему двадцать два – и ни денег, ни профессии, ни работы! Я в его возрасте служил в департаменте градоустройства и трудился, не покладая...

– По крайней мере, вкус у него есть.

– Хотел бы я знать, где он раздобыл эту куртку! Наверняка с чужого плеча.

– Я имею в виду не куртку, а его девушку. – Она шагнула вбок, чтобы получше рассмотреть спутницу Норберта. – Какая прелесть!

– Это не прелесть, а моя дочь Илси. Дуреха-отличница, в чем только душа держится... – Губернатор насмешливо фыркнул: в полутьме и на некотором расстоянии еще можно счесть, что Норберт – «симпатичный парень», а Илси – «прелесть», но если узнаешь его деток получше, эта иллюзия развеется, как дым. – Идемте, Карен!

Карен, которая до этого бесцельно слонялась по залам, не соглашаясь даже на минутку присесть, не двинулась с места. Ее взгляд словно прилип к парочке за кадкой с пышным темным растением. А Норберт и Илси, не замечая отца, подошли ближе и остановились. Губернатора охватила тревога: вот сейчас они начнут болтать в своем обычном стиле – и тогда Карен увидит, что чада у него ненормальные... О чем любит поговорить молодежь их возраста? О современной музыке, о марках машин, о модной одежде... Так и должно быть, но ведь Норберт и Илси, стоит им сойтись вместе, начинают обсуждать совсем другие темы – дурацкие, немолодежные... Наградил его рок детками!

– Нор, в жизни человека должен быть какой-то смысл, правда? – услышал губернатор тонкий голосок Илси – и подумал, холодея: «Ну вот, началось...»

– По-моему, сама жизнь – это и есть смысл, – отозвался Норберт.

– Не всегда. Если жизнь такая, как у меня, в ней смысла нет.

– Илси, ты лучше не унывай... Тебе трудно, я понимаю. Но ты, например, учишься в школе – тебе ведь нравится учиться?

– Да... Когда я учусь или читаю, я чувствую себя полноценным человеком. Но я уже знаю всю школьную программу, хоть завтра могу сдать выпускные экзамены. Ничего нового...

– Послушай, ты полноценная! И красивая. С чего ты взяла, что с тобой что-то не в порядке?

– Папа говорит, у меня налицо все признаки вырождения.

– Он врёт. Он вообще не способен говорить правду.

Итак, эти паршивцы будут критиковать родного отца! Губернатор не смел взглянуть на Карен, его душили ярость и стыд.

– Но я действительно слабая и ничего не могу. Если б я где-нибудь достала полтора миллиона империалов, я бы прошла через Тренажер – для меня это единственный шанс. Я пробовала поговорить с папой и тетей, а они начали издеваться...

– Илси, если б у меня были такие деньги, я бы тебе их дал. У меня ни черта нет. Постарайся найти около себя что-нибудь хорошее.

– Нор, хорошее есть, но я как будто не могу до него дотянуться, – ее голос задрожал. – Лучше бы я не родилась, а умерла вместе с мамой. Я не хочу так жить...

– Не плачь, Илси, перестань! Пойдем, выпьешь газировки...

Норберт обнял сестру за вздрагивающие плечики и увлек к арке. По-прежнему не глядя на Карен, губернатор натянуто рассмеялся. Его детки только на то и годятся, чтобы позорить отца... Но Харо Костангериос не был бы губернатором Чантеомы, если бы не умел спасать положение!

– Как вам понравились мои лоботрясы? Я дал им все, что мог, – и вот, полюбуйте результатом! Лупил я их мало... Все занимался работой, государственными делами, а теперь поздно перевоспитывать. Они у меня вообще-то малость того... – Надо показать Карен, что сам он, в отличие от своих детей, вполне здравомыслящий человек. – Вы прислушивались к их болтовне? Парню двадцать два, девке скоро пятнадцать, а они рассуждают, видите ли, о смысле жизни, как пятилетние питомцы заведения для слабоумных!

Губернатор поздравил себя: хорошо сказано – по-народному грубовато, остроумно и метко. Потом все-таки осмелился взглянуть на Карен, и тут его словно обожгло. Карен, в которую он был влюблен и которую уже успел возненавидеть, смотрела на него без всякого участия, с насмешливым презрением.

– Проблема поколений всегда стояла... – Он попытался через силу улыбнуться. – И во времена Империи, и сейчас... Я тут пройдуся, проверю, все ли в порядке...

Оказавшись в соседнем зале, губернатор перевел дух: умеет же эта стерва смотреть! А детей лучше не заводить, от них одни неприятности... Сейчас его все раздражало: помпезные интерьеры «Бескана», шумные и прожорливые туристы, нерасторопные подчиненные. Заметив около стола с закусками полицейского комиссара, он сдвинул брови и направился к нему.

– Добрый вечер, господин Костангериос! – Комиссар был навеселе. – Ваше здоровье!

– Где Мехтобий Гусл? – свистящим шепотом спросил губернатор.

– Еще не установили... – Улыбка сползла с лица комиссара. – Его местонахождение неизвестно, принимаем меры...

– Ясно, – наконец-то губернатор смог дать волю бешенству. – Вы полиция или кто?! Столько времени не можете поймать одного дебила!

– Не стоило выпускать его на свободу, – проворчал комиссар.

– Молчать!.. – спохватившись, губернатор понизил голос: – Рапорт об отставке завтра положите ко мне на стол, и я его подпишу. Мне дармоеды не нужны!

Возле арки оглянулся на расстроенного комиссара: пустяк, а приятно... Он строгий, но справедливый руководитель. Настроение понемногу поднималось. Выпив бокал шампанского, губернатор пригласил на танец туристку с локонами всех цветов радуги, потом другую, с бритой головой, усыпанной мелкими имплантированными бриллиантами. Да, он нравится женщинам, и его гости довольны... Несмотря на эту мысль, в душе остался скверный осадок. Собрав своих приближенных, губернатор прошелся напоследок по залам – в каждом ненадолго задерживался и произносил кортенькую прощальную речь, потом велел секретарю разыскать Лионеллу и Илси и вышел вместе со свитой на площадку перед отелем. Стояла теплая весенняя ночь, в небе светились три иссиня-белые луны, а нижний этаж «Бескана» призывно мерцал разноцветными огоньками, за стеклянными стенами звучала бравурная музыка, шевелились тени.

– Марш в машину, – брезгливо приказал губернатор, увидав Лионеллу и дочь в сопровождении Норберта. Сына он не удостоил вниманием, и тот молча отступил в тень. Недотепа с пистолетом... Секретарь, услужливый и незаметный, ждал в сторонке – он умел безошибочно угадывать настроение своего босса и выбирать правильную линию поведения. Из распахнутых дверей долетел взрыв хохота: вечеринка продолжалась. Официальные лица

рассаживались по машинам. Вздохнув, губернатор повернулся к своему лимузину; секретарь, отстранив шофера, тут же распахнул перед ним дверцу, ссутулившись в поклоне.

– Харо!

Губернатор вначале подумал, что ослышался, но это была Карен Мьян. В свете фар ее лицо казалось бледным, одежда слабо серебрилась.

– Харо, вы пригласили меня поужинать в семейном кругу, не так ли?

Лионелла в машине пробурчала что-то ехидное.

– Все-таки надумали? – овладев собой, галантно улыбнулся губернатор. – А я ведь так и знал, я тут специально поджидал вас! Прошу...

Итак, он одержал над ней верх. Вот что значит быть хозяином положения!

Глава 3

Офис «Антираспада» находился на первом этаже горчично-желтого здания с крутыми арками и пузатыми зеркальными эркерами, нависающими над улицей. Вокруг стояли такие же дома, на стенах переливались вывески и рекламные щиты. Престижный район. Не сегодня-завтра «Антираспад» отсюда вышвырнут: пора платить за аренду, а денег нет. У Норберта побаливала голова, вдобавок он не выспался. Вчера, после того как Илси увезли домой, он пил ликилу, шампанское, пиво и карсвейн, а остаток ночи провел в номере у сексапильной черноволосой туристки с Алзоны. И впервые с начала зимы досыта поел. Если б не тревога за сестру, он мог бы сказать, что вечер прошел отлично. Его беспокоила мысль об Илси: та как будто замкнулась в коконе печали, и он не мог ей помочь. Рано или поздно отец с теткой ее прикончат... Норберт выругался и скривился: голова заболела сильнее. Толкнув дверь, свернул в белый коридорчик. На диване для посетителей сидел Олег, вид у него был угнетенный.

– Туда не ходи! – прошептал он, заметив друга.

– Налоговые?

– Хуже. Клиент. Увидел нашу рекламу и поверил, что мы профессионалы. Ищет телохранителя.

– Только этого нам сейчас не хватало... – сквозь зубы, как и полагается крутому, процедил Норберт.

– Вот и я о том же подумал.

Он облокотился о холодильник, массируя виски. Рассчитывал отоспаться в офисе, пока Аманда будет бегать по банкам в поисках кредита... Прошло полчаса.

– Настырный, не уходит... – покосившись на дверь, вздохнул Олег.

Запоздало сообразив, что сидеть лучше, чем стоять, Норберт тоже плюхнулся на диван. Здесь не так сильно пахло рыбой, как в непосредственной близости от холодильника. Раздался стук каблучков.

– Привет, ребятки! – Аманда выглядела бодрой, но не слишком веселой. – Пока нам кредита не дают, но я еще не всех обошла...

– Там клиент, – сообщил Олег. – Ему нужен телохранитель. Что будем делать?

– Клиент? Так это же чудесно!

Просияв, Аманда распахнула дверь офиса, Норберт с Олегом не успели ее остановить. Следом за директором оба вошли в приемную «Антираспада». Клиент, сухонький старичок в темном костюме необычного покроя – на Валене таких не шьют, – сидел в кресле около журнального столика.

– Здравствуйте! – ослепительно улыбнулась ему Аманда. – Мы – «Антираспад», чем можем помочь?

– Здравствуйте, – вежливо ответил гость. – Меня зовут Сиголд Гестен, я турист с Цимлы. Мне нужен телохранитель, честный и надежный, я уже объяснял молодому человеку...

– Вы не ошиблись, выбрав нас! – заверила Аманда.

– Наши услуги стоят дорого. – Норберт решил, что не даст ей сделать глупость. – Пятьсот валедоров в день, не считая дополнительных расходов. Предоплата за неделю, наличными.

– Нор!.. – сдавленно ахнула директор.

Сейчас Сиголд Гестен поглядит на них с недоумением, пожмет плечами и хлопнет дверью. И «Антираспад» с честью выйдет из затруднительного положения, не связав себя невыполнимыми обязательствами.

– Конечно, я понимаю, что услуги профессионалов вашего класса стоят недешево, – не выказав ни малейшего удивления по поводу диких расценок, согласился Гестен. – Итого три тысячи пятьсот валедоров за неделю... Дело в том, что мне нужен очень хороший телохранитель. Я тихий пожилой путешественник, на Валену меня привели сентиментальные воспоминания. Я не хочу никаких неожиданностей, я для них слишком стар. Венеда – большой город, тут на каждом шагу криминальные происшествия. Много хулиганов, пьяных. Сталкиваются машины. По улицам бегают собаки, кошки... Мне нужна охрана.

– Кого бы вы хотели видеть своим телохранителем, господин Гестен? – ласково спросила Аманда.

– Вот его. – Гестен указал на Норберта. – Он подойдет. Как вас зовут, молодой человек?

– Норберт Ларре. – Он носил фамилию матери. – Только извините, нам надо посоветоваться. Аманда, Олег, пошли!

Они уединились в маленьком кабинете с сейфом и компьютером для бухгалтерских расчетов.

– Кто из нас директор? – уставившись на Норберта, прошипела Аманда.

– Вы. Но мы не должны его обманывать, мы же не профессионалы.

– Нор прав, – поддержал Олег.

– Три тысячи пятьсот валедоров! – Аманда молитвенно сложила руки. – Мы заплатим налоги и аренду, отдадим долги, а потом накопим капитал и сможем заняться серьезным бизнесом! Нельзя отворачиваться от своей удачи!

– Но я не телохранитель!

– Тише, клиент услышит... С этого дня ты телохранитель. Или я тебя своими руками задушу, а потом уволю. Вы что, ребятки, не поняли? Это же тихий одинокий старичок, и ему нужно, чтобы кто-то за ним присматривал. Беспокоиться не о чем, поверьте моей женской интуиции! Ты, Нор, будешь его охранять. Если нападут – стреляй из пистолета. Главное, что теперь мы не обанкротимся!

Норберт сдался. Пусть у него нет специальной подготовки – он достаточно крепкий парень, чтобы сыграть роль телохранителя. Работа денежная, и он, поднакопив наличных, все-таки заберет Илси из отцовского дома, даже если потом придется ее прятать.

– Ладно, я согласен. По крайней мере, тут не придется выкладывать сердечки и задницы из рыбьих хвостов...

– Никаких задниц не было, только сердечки! – бросив на него строгий взгляд, напомнила Аманда. – Идемте, ребятки, надо составить контракт, пока клиент не сбежал.

Когда они вернулись в приемную, Гестен сразу же вытащил из внутреннего кармана пухлый бумажник. Норберт отошел к окну. Головная боль ослабла, и сейчас, повнимательней присмотревшись к посетителю, он решил, что Аманда права: тихий вежливый старичок; никаких приключений или, тем паче, неприятностей такая работа не сулит, а фирма еще некоторое время продержится на плаву. «Антираспаду» фантастически повезло.

– Нор! – окликнула Аманда. – Ты ведь умеешь водить машину?

– Да.

– Мы арендуем автомобиль. Это дополнительные расходы, господин Гестен! Сейчас я свяжусь, и его подгонят прямо сюда.

– Мне еще нужно охраняемое жилье, – извиняющимся тоном произнес клиент. – В отелях всякое случается, я там никак не могу уснуть.

– Моя квартира, – предложил Норберт – в нем наконец проснулось желание включиться в игру. – Поскольку там буду я, она охраняемая.

Гестена такой вариант устраивал.

Договор был оформлен, Аманда пересчитала деньги, и Норберт с клиентом вышли на улицу. У подъезда стоял небольшой темно-серый электромобильчик марки «Хезнар» – из

тех, что на всех планетах, населенных людьми, испокон веков называют «малолитражками». Что означает это слово, никто не знал. Во время учебы в университете Норберт вычитал в одной старинной монографии, что здесь, по всей вероятности, имеется в виду количество воды в литрах, вытесняемое автомобилем при погружении, но это была всего лишь гипотеза.

– Только, пожалуйста, Норберт, не столкнитесь с другой машиной! – мягко попросил Гестен. – Сегодня утром я видел аварию на перекрестке. Ужасное зрелище!

Они забрали из гостиницы его скромный багаж и поехали к Норберту домой. Гестен деликатно откашлялся.

– Норберт, вы когда-нибудь ныряли с элангом?

– Не приходилось.

– Сегодня ночью вам придется кое-куда нырнуть... Это необходимая часть вашей работы. Вы должны купить себе эланг и водолазный костюм, деньги я выдам. – Сейчас Гестен говорил повелительно, жестко. – Вечером я вас подробней проинструктирую.

Кое-куда нырнуть?.. Норберт с сомнением поглядел на клиента.

– Господин Гестен, я не стану заниматься шпионажем в пользу другой планеты. Это чревато тюрьмой.

– Да каким шпионажем, что вы... – Лицо Гестена смягчилось, приобрело почти испуганное выражение. – Речь идет о дорогом для меня предмете, о семейной реликвии. С годами становишься сентиментальным и приучаешься ценить вещи, с которыми связаны волнующие воспоминания. Я хочу, чтобы этот сувенир вернулся ко мне, вот и все. У вас найдется карта Чантеомы?

– Дома найдется.

– Значит, посмотрим карту и ночью съездим. Этот предмет для меня – все равно что засушенный цветок, который навеивает воспоминания о прошлом. Или трогательный подарок возлюбленной. У вас, наверное, есть возлюбленная?

– У меня их много.

Клиент удрученно покачал головой, но оставил это заявление без комментариев. Потом добавил, словно поставив точку в споре:

– Я щедро заплачу вам за помощь.

Губернатор сидел в своем кабинете на десятом этаже. Опущенные жалюзи скрывали от него панораму Венеды. Видеофоны и телефоны молчали, в кабинет никто не заглядывал: все уже знали, что властитель Чантеомы сегодня в дурном настроении. Утром он обругал охранников, пнул корзину для мусора около лифта, выгнал уборщицу и подписал приказ об отставке комиссара полиции. Несмотря на это, не полегчало.

– Шлюха... – пробормотал он, опершись локтями о стол и сжав ладонями голову. – Грязная дешевая шлюха...

У него и раньше бывали неудачи с женщинами, но вчерашнее не лезло ни в какие рамки! Вначале все складывалось хорошо: Карен сидела рядом с ним на заднем сиденье лимузина и слушала его с загадочной непроницаемой улыбкой, даже не пыталась сбросить его руку со своего колена. Когда приехали в резиденцию, сонная горничная сервировала стол на четыре персоны в маленькой гостиной – легкое вино, фрукты, сладости. Губернатор рассчитывал через четверть часа выгнать Лионеллу с Илси (он нуждался в их присутствии ради соблюдения приличий, чтоб не поползли сплетни) и остаться с Карен наедине... А дальше все пошло наперекосяк.

Она перехватила инициативу и начала рассказывать об экспедициях, в которых принимала участие, о стычках с тигонцами, слакианами, адикайцами, бекрами и кем-то там еще (получалось, что мирные шелконские археологи на чужих планетах только и делали, что дрались со всеми подряд), о памятниках древнего зодчества. Лионелла глядела на гостью,

склонив голову набок, с ехидной гримасой. Если к мужчинам она относилась по-разному, в зависимости от того, оказывали они ей знаки внимания или нет, то женщин ненавидела – за исключением болезненно робких, непривлекательных и в придачу страдающих тяжелыми недугами (такие могли рассчитывать на жалостливо-покровительственное участие с ее стороны). Особенно Лионелле не нравились красивые молодые женщины. Сталкиваясь с ними, она стремилась лишить их душевного равновесия и всегда преуспевала – ее ужимки, взгляды, ядовитые замечания неизменно достигали цели. Ни одна служанка не продержалась в резиденции больше месяца, Наоми в присутствии золовки едва ли не теряла сознание, даже Петра ее побаивалась. А Карен Мьян ее попросту игнорировала! Губернатора, привыкшего к непобедимости Лионеллы, это поразило: он не улавливал в поведении Карен ни скрытых усилий, ни рисовки – видно было, что на Лионеллу ей наплевать. В конце концов та занервничала и насупилась, а потом, улучив момент, шепнула ему на ухо:

– Харо, ты привез к нам в дом чудовище!

Губернатор раздраженно отмахнулся – он с нетерпением ждал, когда Карен закроет рот и можно будет действовать по обычному, не раз опробованному алгоритму. Но Карен не умолкала, и они продолжали внимать ее рассказам: Лионелла – непривычно присмирившаяся, почти испуганная, губернатор – распираемый бешенством. Единственным благодарным слушателем была Илси. На ее лице отражался жадный интерес, глаза восторженно сияли, несколько раз она даже рассмеялась (чтобы кто-то, кроме Норберта, заставил ее смеяться – из ряда вон выходящее событие!). Она до того осмелела, что время от времени задавала вопросы – о других планетах, о межзвездных перелетах, об археологических находках, и Карен (вот проклятье!) принималась обстоятельно отвечать. Наконец терпение губернатора лопнуло.

– Довольно! – Он стукнул кулаком по столу, как на совещаниях, когда надо было утихомирить потерявших чувство меры членов правительства Чантеомы. – Уже поздно! Поздно, я говорю! – Ему пришлось повысить голос. – Илси – школьница, ей пора спать! И Лионелла утомилась, она ведь уже в летах...

Встретив злобный взгляд сестры, губернатор понял, что ляпнул не то и месть не заставит себя ждать. Но сейчас ему было все равно.

– Илси, деточка, пойдем отсюда, – проворковала Лионелла. – Твой папочка занят... Хотя кое-чем ему лучше бы никогда не заниматься! А ты у нас девочка нездоровая, слабенькая, тебе надо соблюдать режим...

Когда они удалились, губернатор повернулся к госте:

– Уф! Итак, мы одни... Час поздний, всем пора в постель... И нам с тобой тоже, моя милая!

– Ты прав, Харо. Я, пожалуй, пойду. Спасибо за ужин.

– Куда пойдешь?!

– В отель.

Прежде чем он успел переварить услышанное, Карен пересекла гостиную и открыла дверь. Губернатор догнал ее на лестнице.

– В какой еще отель? Я тебя пригласил, и ты согласилась! Ты ночуешь здесь.

– Харо, я согласилась поужинать, а не переночевать.

Не будь Карен Мьян инопланетной туристкой, он применил бы силу, но с туристами, хочешь – не хочешь, надо считаться. Он шел за ней, стискивая кулаки в бессильной ярости, и пытался воззвать к ее здравому смыслу:

– Карен, шофера я отпустил, а с такси не получится... Никто сейчас не повезет тебя в отель!

– Прогуляюсь пешком.

– По Венедэ нельзя ходить ночью пешком! К тебе пристанут! По улицам шатаются банды хулиганов, – тут он вспомнил про Мехтобия Гусла, – и еще один клинический псих с топором!

– О! – В глазах у Карен появился странный блеск. – Значит, на меня могут напасть, причем без всякой провокации с моей стороны?

– Вот именно! У них ножи и кастеты! Тебя ограбят, изнасилуют и убьют!

– Твоя Венедэ – чудесный город. – Карен улыбнулась, словно в предвкушении чего-то приятного. – До свидания, Харо!

Она легко распахнула массивную дверь и исчезла в ночи, а губернатор смотрел ей вслед, изумленно приоткрыв рот: значит, ей хочется, чтобы на нее напали на улице! Он даже подумать не мог, что его Карен окажется такой низкопробной шлюхой...

– Черт-те что творится... – внезапно ощутив усталость после бурного дня, пробормотал губернатор.

– Да, господин Костангериос? – встрепнулся дежуривший около двери охранник.

– Ты набитый тупица! – прикрикнул на него губернатор. – Сидишь тут и глазами хлопаешь, чтоб я больше тебя не видел! Разгильдяи...

Сегодня утром он велел секретарю позвонить в «Бескан» и справиться насчет Карен Мьян. Оказалось, та вернулась в отель далеко за полночь, невредимая и вполне довольная жизнью, если верить словам портье.

– Черт-те что... – повторил губернатор.

Несмотря на роскошный банкет, большая часть туристов уже приобрела билеты на завтрашние рейсы до Соледада (вчера им скормили немыслимое количество деликатесов, не говоря уж о дорогих винах, – и вот она, плата за гостеприимство!). Мехтобия Гусла до сих пор не выловили. Кроме того, на столе у губернатора лежала датированная сегодняшним числом бумага, в которой сообщалось о катастрофе: обмелело Северобесканское водохранилище. Еще раз перечитав, губернатор в недоумении свел брови: какая-то ерунда! Сейчас ведь не засуха... Как может водохранилище обмелеть весной, когда тает снег?.. Не переставая хмуриться, он включил видеофон и связался с советником по вопросам водоснабжения и мелиорации.

– Никакой ошибки нет, – объяснил советник. – Водохранилище обмелело после того, как прорвало Паркуанскую дамбу.

А, вот в чем дело... То-то губернатор удивлялся, что в этом дрянном котловане так много воды! Она, значит, перетекла из одного места в другое...

– Ну так перекачайте воду обратно и почините свою трахнутую дамбу!

– Как вы это себе представляете, господин Костангериос? – спросил советник.

– Это вы должны представлять, а не я! Вы инженер! Почему вы раньше бездействовали?!

– Я пытался с вами связаться, но у вас не нашлось для меня времени. На ремонт нужны деньги, их нельзя получить без вашего распоряжения.

– Молчать! Вы меня держите за дурака?! Вы некомпетентны, вы больше не занимаете свой пост! Дамбу прорвало по вашей вине, это ваше преступление, и вы за него ответите!

Нажав на кнопку, губернатор откинулся на спинку кресла, тяжело дыша. Его окружают бестолковые, никчемные, коррумпированные люди, ни на кого нельзя положиться.

Ксакан Смирл грызла совесть. Вчера она вела себя, как последняя индивидуалистка-собственница! Все началось с того, что она выпила бокал сладкого жгучего вина и у нее закружилась голова. На Ючане давно уже действует сухой закон, спиртного там вообще не производят. Если дома кто-нибудь узнает о том, что Ксакан, поддавшись праздному любопытству, пила ликилу, ее ждет наказание: вызовут на Большой Суд и будут хором

стыдить, потом отправят на тяжелые работы; в течение месяца ей придется носить на шее табличку с описанием совершенного преступления. Съежившись, Ксакан натянула на голову одеяло. Она ведь не только пила ликилу... Она еще пробовала все подряд диковинные блюда (несмотря на то что не была голодна!), танцевала бесстыдные танцы вместе с другими разряженными туристами, а после, отыскав с помощью прислуги свой номер, набрала полную ванну воды и плескалась в ней, бессовестно любуясь цветной мозаикой на стенах и позолоченными кранами!

Она не оправдала доверия Совета Общин. Ее избрали для этой миссии, потому что она и раньше бывала на чужих планетах в составе торговых делегаций (Ючану приходилось кое-что импортировать в обмен на свою продукцию), а кроме того, неплохо знала историю Империи и в свободное от общественных работ время читала лекции в университете. Именно Ксакан, полистав рекламную брошюру с фотографиями Малой Императорской Резиденции, узнала в неприметной серой коробке, валявшейся на полу, среди россыпи других предметов, описанный в древней книге футляр с зондом Нуль-Излучателя. И раньше она никогда, никогда не проявляла моральной неустойчивости, не поддавалась потребительским соблазнам! Ксакан с глухим стоном уткнулась лицом в подушку. Быть может, ей присудят носить позорную табличку до конца жизни, в назидание остальным... Вдруг в памяти всплыла еще одна роковая деталь: выбравшись из ванны, она вспомнила, что так и не попробовала облитого кофейным ликером мороженого – тогда позвонила горничной и попросила принести мороженое в номер, что и было немедленно исполнено! До чего она испорченная... Ее преступления слишком ужасны, чтобы рассчитывать на снисхождение.

Айма Хирт Тимано лежала на постели, закинув руки за голову и жмурясь от бьющих в лицо солнечных лучей. Этой ночью она убила семь человек. Трое заступили ей дорогу, вывалившись из грязной подворотни на одной из центральных улиц. Еще четверо приставали к испуганной парочке около спуска в подземку. «Эй, оставьте их в покое! – некоторое время понаблюдав, окликнула Айма. – Как насчет меня?» Конечно, местные хулиганы значительно уступали тигонским или слакианским бойцам, равно как и специально запрограммированным боевым роботам в тренажерах на Деноре. В обоих случаях Айма одержала легкую победу, и ей было досадно, что противники попались не слишком стоящие. Но город как поле битвы – это интересно... В денорских городах на развлечения такого рода рассчитывать не приходится: если где-нибудь заведутся бандиты, контролирующей данную территорию олигарх расправится с ними раньше, чем те успеют более-менее себя проявить. А Венета – настоящий подарок. Стоит рассказать о ней дома... Айма усмехнулась: губернатору нужны туристы – что ж, по крайней мере, туристов с Денора он в обозримом будущем получит.

Сплошная муть, нет смысла туда лезть... Мартин Паад вернулся к машине; остальные коллеги-конкуренты, обменявшись взглядами – не то чтобы враждебными, но профессионально-настороженными, – последовали его примеру. За сутки ничего не изменилось. Придется ждать, пока власти Чантеомы не найдут способ осушить котлован.

Зеруат поплотнее прикрыл стеклянную дверь лоджии. Рев автомобилей, доносившийся снизу, действовал ему на нервы, на улице бурлила суматошная, агрессивная толпа. Ужасный город, ужасная планета... Зато теперь у него есть телохранитель – достаточно крутой, чтобы достать зонд и защитить своего нанимателя от других эмиссаров, в том числе от денорца. Все идет по плану.

Когда он вернулся домой, над серым парком, окружавшим резиденцию, пылал янтарно-желтый весенний закат. Теплый сырой ветер тормозил деревья и морщил воду в

громадных лужах, кое-где из луж высывались остатки сугробов. Поглядев на свой затопленный парк, губернатор вспомнил о котловане в Бесканских горах и выругался: император, который распорядился построить Малую Резиденцию, наверняка был жертвой инбридинга. Выбрал место, ничего не скажешь! Правитель должен быть дальновидным человеком. А этот царственный недоумок с куриными мозгами даже не подумал о том, что котлован рано или поздно зальет. Недаром чертова Империя развалилась... Войдя в вестибюль, губернатор услышал торопливые шаги на лестнице и поморщился: Лионелла.

– Харо, я не пустила ее к нам домой! – остановившись на нижней ступеньке, с торжеством сообщила сестра. На ее блеклых щеках цвели красные пятна, мутно-серые глаза возбужденно сверкали. – Вот так встала в дверях и не пустила! Какая наглость – чтобы наша Илси ей город показывала! Совсем обнаглела! Я сказала – только через мой труп, а она сказала – это, мол, не проблема, но ей не надо неприятностей с полицией! Ты понял, какая наглость?! Мне аж нехорошо рядом с ней становится! А ты, Харо, кобелем родился – кобелем и помрешь, сначала сам за шлюхами гоняешься, потом шлюхи за тобой бегать начинают!

– Лионелла, какого черта? – устало спросил губернатор.

– Твоя эта самая сюда приезжала, вот какого черта! – выкрикнула Лионелла так пронзительно, что у него зазвенело в ушах. – А я ее не пустила и никогда не пущу!

Мало-помалу губернатору удалось вытянуть полезную информацию: примерно полтора часа тому назад в резиденцию приезжала Карен Мьян и спрашивала, не согласится ли Илси прокатиться с ней по городу в качестве гида, а Лионелла «поставила ее на место и захлопнула дверь у нее перед носом». Не везет, с тоской подумал губернатор. Если б он отправился домой на полтора часа раньше, он бы ее застал... Ясно ведь, что ей нужна не Илси – в штате «Бескана» числится два десятка гидов, а в городе зарегистрирована целая куча экскурсионных бюро, только загляни в справочник и набери номер. Милая наивная ложь влюбленной женщины! Она хотела увидеть Харо, а Лионелла ее обидела и прогнала... Губернатор повернулся к двери.

– Куда опять потащился на ночь глядя? – крикнула вслед сестра.

Он велел шоферу ехать в «Бескан», но Карен там не оказалось. Испытывая нарастающее отчаяние (ведь она раскаялась в своей вчерашней дерзости и сама пришла к нему, виноватая, покорная, готовая отжаться!), губернатор кружил по вечернему городу, внимательно оглядывая пешеходов на тротуарах – нет ли среди них Карен? Полицейские узнавали его машину и вытягивались в струнку, лоточники и нищие кидались наутек. Губернатор так и не нашел ее. Приехал домой спустя три часа, неудовлетворенный и злой. Позвонил в отель – Карен все еще не вернулась.

– Что, нагулял аппетит? – насмешливо спросила Лионелла за ужином.

Аппетита у губернатора не было, и он взорвался:

– Я не потерплю, чтобы ты лезла в мои дела! Собирай чемоданы!

– Харо, ты выгоняешь меня из собственного дома? – ахнула Лионелла.

– Это не твой дом, а моя резиденция, она принадлежит государству!

– Я имею право здесь жить! Не меня, а тебя, развратника, надо отсюда гнать! Никуда я не поеду, хоть лопни!

Губернатор спохватился, что стоило бы выдворить из комнаты Илси, но девчонка сама встала и вышла, прикрыв за собой дверь. Ему хотелось ударить сестру, и та, словно угадав, о чем он думает, добавила:

– Только посмей – я завтра же устрою пресс-конференцию! Губернатор психованный, какой ты пример людям подаешь! Зато меня все уважают, потому что я умею себя вести, даже голоса никогда не повышала, а ты меня за это растерзать готов!

– Я на ней женюсь, – процедил губернатор. – Не смей больше выгонять на улицу мою невесту!

– Женишься? На этой?.. – Глаза Лионеллы округлились от внезапного страха.

– Да!

Именно так он и сделает. Обломает Карен, приструнит Лионеллу... Харо Костангериос – единственный и полновластный хозяин Чантеомы, его слово – закон. Если кто-то думает иначе, пусть пеняет на себя.

Бросив сумку с элангом и водолазным костюмом на заднее сиденье, Норберт сел за руль, захлопнул дверцу. Закат догорел, в небе висели три серебряные луны – одна низко, над крышами, две повыше.

– Нам нельзя проезжать мимо «Бескана», – напомнил Гестен.

– Понял.

На улицах мигали разноцветные вывески, вдоль тротуаров стояли фонарные столбы, снизу доверху облепленные слепяще-белыми шарами. Многоэтажные здания в их свете казались таинственными и лишенными объема – плоские подобию домов, за которыми скрывается темный мир, нисколько не похожий на дневную Венеду. Норберт был неопытным водителем, а потому соблюдал все правила и не лихачил. Несмотря на это, его пассажир нервничал.

– Проверьте, нет ли за нами слежки.

Как это делается, Норберт не знал. Попетляв по улицам, наугад заявил:

– Нету.

– Хорошо... – Гестен немного расслабился.

– А кто может за нами следить?

– Другие туристы. Среди них есть коллекционеры... Или те, кто работает на коллекционеров, собирающих предметы старины. Моя семейная реликвия – как раз такой предмет. Чтобы ее заполучить, они ни перед чем не остановятся. Видите ли, один из моих далеких предков служил императору... Я узнал принадлежавшую ему коробку на фотографии в рекламном проспекте и специально прилетел за ней на Валену. В действительности она ни для кого, кроме меня, никакой ценности не представляет – так, пустяковая вещь... Но для меня это память о предках, понимаете? Коллекционеры тоже могут заинтересоваться, и меня это очень беспокоит.

– Я не гарантирую, что найду ее под водой.

– Найдете.

Сделав крюк, чтобы миновать «Бескан», Норберт заехал в тупик, из которого пришлось выбираться задним ходом, на малой скорости.

– Хорошо, что вы так осторожно водите машину, – с одобрением заметил Гестен. До сих пор не понял, что имеет дело с непрофессионалом...

Наконец автомобиль выехал на пустынное под ночным небом Южное шоссе, потом свернул на новую дорогу и вскоре затормозил перед блеснувшим в свете фар зеркалом воды.

– Вон туда, к большому камню, – распорядился Гестен.

Машину затрясло на ухабах.

– Погасите фары, – потребовал клиент, когда автомобиль остановился.

Норберт подчинился. Вокруг было темно и тихо, валуны отбрасывали в лунном свете бледные тройные тени.

– Дальше вы пойдете без меня. Прожектором пользуйтесь только под водой, ясно?

– Не представляю, как я буду искать вашу коробку. Я ведь не знаю, где она. Мы не управимся за одну ночь.

– Возьмите вот это. – Гестен протянул ему браслет из светлого металла, на котором болтался шарик-брелок. – Это индикатор. Как только вы окажетесь в километре от моей коробки, он начнет светиться. Чем ближе, тем ярче. Коробка металлическая, серая, плоская,

прямоугольной формы, размером с вашу ладонь. На крышке оттиснуто нечто вроде круглой печати с рельефным узором сложной формы. Вот она, видите? – Он раскрыл рекламный проспект с фотографиями Малой Резиденции и показал на один из снимков: куча предметов, хаотично сваленных в углу.

– Ага. – Норберт кивнул. – Это в каком здании?

– Тут не указано. Ориентируйтесь по индикатору.

Норберт вылез из машины, натянул водолазный костюм, застегнул на запястье браслет с брелком, надел пояс с ножом и сумкой. Взял под мышку шлем с элангом. К шлему, кроме баллончиков, был прикреплен миниатюрный прожектор.

– Я буду ждать здесь, – поевшись от ночной прохлады, сказал Гестен и захлопнул дверцу машины.

Затопленная дорога вела прямо к Малой Резиденции, так что заблудиться Норберт не мог. Он брел по колено в блестящей воде, справа и слева громоздились залитые лунным светом горы. Некстати подумалось: до чего, наверное, темно по ночам на планетах, где луна только одна... Мир был тих и неподвижен – никаких коварных коллекционеров, притаившихся в засаде среди скал (Норберт все больше склонялся к мысли, что они существуют только в воспаленном воображении его клиента).

Наконец дорога пошла под уклон, вода поднялась до пояса, потом до подмышек. Он надел шлем, проверил герметизацию. Маска эланга плотно охватывала нижнюю часть лица – с непривычки было неудобно. Нырнув, он поплыл вперед среди непроглядной темноты. Так прошло два или три часа. Вдруг Норберт заметил, что шарик-брелок слабо мерцает. Значит, он почти у цели! Погрузившись глубже, включил прожектор, однако светлее не стало: узкий конус света пронизывал густую муть, но не мог сделать окружающие предметы видимыми. Норберт чуть не налетел на нечто черное, раскинувшее во все стороны ветвящиеся отростки – дерево, как он понял в следующую секунду, хотя сперва мелькнула мысль о киношных тварях со щупальцами. Потом впереди выросла стена, в луче прожектора блеснуло стекло. Судя по показаниям индикатора, это было не то здание, в котором находилась коробка Гестена. То Норберт отыскал спустя полчаса. Разбив рукояткой ножа окно (без опоры это удалось сделать только с третьей попытки), проник внутрь. Вокруг был все тот же серый кисель; луч света выхватывал то небольшой фрагмент настенной мозаики, то ножку стула, повисшего под потолком, то позолоченную дверную ручку. Пузырьки воздуха стаями поднимались вверх и звонко булькали. Коробку Норберт нашел на одном из верхних этажей: сообразив, что металлический предмет всплыть не может, он методично обшаривал почти незримый пол в каждой комнате, пядь за пядью, не сводя глаз с индикатора. Вот она. В точности такая, как на фотографии. Норберт спрятал ее в сумку, выбил, приноровившись, ближайшее окно и вынырнул на поверхность.

Светало. Небо на востоке, над неровной скальной стеной, стало нежно-розовым. Он только сейчас почувствовал, что смертельно устал, но сюда примешивалось еще и удовлетворение: усилия затрачены не напрасно, работа выполнена. Брелок-индикатор рядом с коробкой сверкал, как маленький зеленый фонарик. Норберт опять нырнул и поплыл на восток; потом, нащупав дно на мелководье, выпрямился, снял шлем, с наслаждением вдохнул холодный свежий воздух. К тому времени как он добрался до границы воды и суши, солнце высоко поднялось над горной цепью.

– Наконец-то! – глядя на Норберта воспаленными красными глазами, вздохнул Гестен. – Вы нашли ее?

– Да.

– Дайте сюда. И брелок тоже!

Коробка вместе с индикатором мгновенно исчезла в его внутреннем кармане.

– Наконец-то она у меня... – прошептал клиент, словно не веря своему счастью, и тут же стал беспокойным, озабоченным: – Норберт, не мешкайте, поехали! Коллекционеры...

Норберту хотелось спать, и, желая поскорей очутиться дома, он гнал машину по пустынному шоссе на предельной скорости. Гестен не протестовал – наоборот, удовлетворенно пробормотал:

– Я не ошибся, что нанял вас. Когда надо, вы ездите медленно, а когда надо – быстро.

Вновь пришлось сделать солидный крюк, чтобы объехать «Бескан». В черте города Норберт сбросил скорость и, несмотря на недосып, из последних сил старался сохранять контроль над машиной и окружающей обстановкой. Наконец он запарковал «Хезнар» на площадке перед восьмиэтажным красным домом с белыми лоджиями и подъездами в виде белых треугольников.

– Идемте! – поторопил Гестен.

Квартира Норберта находилась на втором этаже. На лестничной площадке дремал под батареей здоровенный рыжий кот с порванным ухом – услышав шаги, вскочил и потянулся. Норберт погладил его по загривку.

– Молодец, хищный котяра! Он всех мышей и крыс в нашем подвале переловил!

Гестен издал странный горловой звук. Оглянувшись, Норберт увидел, что клиент прижался к перилам и шокированно смотрит на кота. Между тем кот потерся о ногу Норберта, потом начал обнюхивать ботинок Гестена. Тот пролепетал:

– Да уберите же его наконец! За что я вам деньги плачу?!

– Он не кусается! – Норберт растерялся. – Дергать его за хвост не рекомендуется, а так он дружелюбный котяра, приходит ко мне в гости...

– Вы хотите сказать... – губы клиента дрожали, – хотите сказать, что пускаете к себе в гости агрессивного хищного зверя?

– Ну да...

– Оттесните его в угол, чтобы я мог пройти! – несколько секунд поморгав, окрепшим голосом потребовал Гестен. – Я заплатил вам за охрану, и пока я здесь – никаких опасных животных, понятно?

Пожав плечами, Норберт подхватил кота на руки. Гестен осторожно протиснулся мимо и с неожиданной для его возраста прытью взбежал по лестнице. Норберт отпустил кота и последовал за ним.

– Открывайте скорее! – торопил клиент. – Господи, он идет сюда!

– Извини, приятель, – шепнул Норберт, прежде чем захлопнуть дверь у кота перед носом.

Из-за двери донеслось требовательное мяуканье.

– По-моему, он настроен агрессивно, – расстегивая дрожащими пальцами теплый плащ, заметил Гестен. – Агрессивные существа непредсказуемы, они в любой момент готовы проявить свою жестокую натуру. Вы здесь ведете удивительно неупорядоченную жизнь, просто варварство какое-то...

– Ага, – сонно согласился Норберт.

Съев большой кусок хлеба и четыре вареных рыбьих хвоста, он отправился спать.

– Если на квартиру нападут, я вас разбужу, – бросил вслед ему Гестен.

Глава 4

Дела обстояли хуже некуда: жители затопленного поселка Паркуан назойливо требовали материальной помощи, большинство туристов отбыли в Руаду (в «Бескане» осталось около двух сотен человек – бюджетные деньги, потраченные на банкет, можно считать, пропали даром), известие о «традиционном весеннем карнавале», вместо того чтобы вызвать всеобщий энтузиазм, повергло венедейцев в недоумение. И Мехтобий Гусл до сих пор гулял на свободе, представляя собой потенциальную угрозу для оставшихся в Венедее туристов. Если, конечно, его не прикончили потихоньку родственники убитого ребенка... Подумав об этом, губернатор помрачнел: он заставит их пожалеть о содеянном! В свое время именно он взял Мехтобия под защиту, доказав таким образом, что он гуманный и современный правитель. Самосуд над Мехтобием – это не просто уголовное преступление, а прямой вызов властям! Он нажал на кнопку. Через несколько секунд дверь распахнулась, на пороге возник секретарь.

– Что по Гуслу?

– Новый комиссар доложил, что вчера его видели около дома, но взять не успели, господин Костангериос.

– Если в ближайшее время не возьмут, новый комиссар скоро станет бывшим, – проворчал губернатор, сдержанно усмехнувшись собственной шутке.

Секретарь тоже почтительно улыбнулся.

– Как идет подготовка к карнавалу?

Тот замялся, потом развел руками:

– Люди удивляются... Никак не поймут, что это праздничное мероприятие.

– Удивляются! – фыркнул губернатор. – Чертов банкет с этими... деликатесами, натуральными и синтезированными, обошелся Чантеоме в шестизначную сумму, а они удивляются! Карнавал – единственный способ вернуть сюда туристов. Все сотрудники государственных учреждений обязаны принять в нем участие. А паркуанцам пообещай, что материальная помощь будет через неделю. Обещай им что угодно, лишь бы сидели тихо!

Оставшись в одиночестве, губернатор прошелся по кабинету, остановился перед объемной картой Чантеомы на западной стене. Вот она – Малая Императорская Резиденция среди пластмассовых бурых холмиков. А вот здесь находилась злополучная дамба... Если бы его то и дело не отвлекали по пустякам, он взглянул бы на карту и своевременно принял меры, чтобы спасти уникальный исторический комплекс. Плохо иметь бестолковых подчиненных... Губернатор отвернулся к окну и переключился на более приятные мысли: сегодня утром он съездил в «Бескан», застал там Карен Мьян, которая отсыпалась после ночной прогулки, и сообщил ей о том, что она выходит за него замуж. Судя по выражению ее лица, негаданно свалившееся счастье ошеломило скромного археолога с Шелконы. Вот так, он женится, на ком захочет, и Лионелла у него даже пикнуть не посмеет! А чтобы закрепить победу над Карен, надо сделать что-нибудь такое, что произведет на нее неизгладимое впечатление... Внезапно губернатор довольно рассмеялся – у него блеснула идея.

Норберт проснулся под вечер. Перед тем как отправиться на прогулку, позвонил Аманде – клиент наотрез отказался оставаться в квартире без охраны. Директор «Антираспада» подъехала спустя полчаса. Норберт передал ей пистолет, а Гестен тем временем мягким голосом объяснял:

– Поймите, для меня слишком велик риск, если я отпущу вас без замены. Сюда могут нагрянуть коллекционеры... Или кот через окно заберется. Он уже пытался это сделать, пока вы спали. Залез на дерево и хотел прыгнуть, но я захлопнул форточку. Тогда он посмотрел

на меня специфическим взглядом хищника – очень пристально, желтые глаза светятся... Не понимаю, зачем вы разводите таких опасных животных!

– Что он имеет против кота? – шепотом спросила Аманда.

– Не знаю.

– Наверное, аллергия. – Аманда приладила под мышкой кобуру и глянула в зеркало. – Как у моей снохи.

Норберт поехал на арендованном автомобиле в «Бескан» – он надеялся застать там черноволосую туристку с Алзоны, с которой познакомился на банкете, но та еще утром улетела в Соледад. Отель выглядел почти вымершим. В пустынных залах первого этажа тихо плескались фонтанчики, блестел паркет, покачивались от дуновения вентиляторов листья декоративных растений разнообразных форм и расцветок. Людей Норберт обнаружил только в баре. Присев у свободного столика, украдкой пересчитал мелочь и не стал ничего заказывать. Несмотря на щедрость Гестена, Аманда до сих пор не смогла выдать им с Олегом зарплату: все деньги ушли на налоги и долги по кредитам. Зато чуть погодя за тот же столик подсел турист, заказавший за свой счет пиво и закуску на двоих. Голодный Норберт не возражал.

– Вы из чантеомской администрации? Вроде бы я видел вас на банкете.

– Я работаю в частной фирме, телохранитель, – поколебавшись, он добавил: – Я родственник губернатора, вот и попал на банкет. Меня зовут Норберт Ларре.

– Мартин Паад, – представился турист. – Я с Лидоны. Вы не в курсе, когда осушат Малую Резиденцию?

Скорее всего никогда. Норберт слишком хорошо знал своего отца. А существуют ли в принципе способные и порядочные руководители? Может, где-нибудь и существуют – но не на Валене с ее сверхмощной бюрократической системой.

– Есть риск, что с этим затянется. Хотя изредка бывает, что наши власти реагируют быстро.

У Мартина было такое выражение лица, словно он про себя выругался. Расставшись с новым знакомым, Норберт подумал, что этот крепкий загорелый человек выглядит по-настоящему крутым – в отличие от него, липового телохранителя... Домой вернулся на закате. Дверь открыла Аманда – растрепанная, взбудораженная, кобура с пистолетом съехала за спину.

– Ты с ними разминутся минут на десять. – Она тяжело дышала. – Ох, мы его еле поймали!

– Кого – клиента? – удивился Норберт.

– Кота.

– А зачем вы ловили кота?

– До сих пор не могу отдышаться... – Аманда рухнула на пуфик в углу прихожей. – Гонялись по всей квартире, втроем... Тут приезжала твоя сестра с подругой – я ее сразу узнала, совсем как на том снимке. Знаешь, Нор, она, по-моему, не в таком плохом состоянии, как ты говорил. А подруга постарше, лет так двадцать пять – двадцать восемь. Пока я объясняла, что тебя нет дома, кот прошмыгнул между ног – и в гостиную, а там Гестен пил чай. Кот прямо к нему на колени прыгнул. Он как закричит: «Помогите!» Потом закрылся в комнате и кричал из-за двери, что мы, мол, не выполняем условия контракта. Я попросила девочек помочь, а кот носится, как ураган, и на всех шипит – Гестен его испугал и облил чаем. В конце концов подруга твоей сестры его схватила. Я дала им два рыбьих хвоста из холодильника, чтоб они унесли его в соседний двор и там покормили. Ты сходи туда – может, еще застанешь их...

Извечная дурная привычка Аманды – о самом важном сообщать напоследок! Норберт сбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и обошел все соседние дворы, респектабельные и пустынные под розовато-лиловым вечерним небом, но Илси нигде не было.

Рыжий кот в одиночестве сидел около качелей с витыми столбиками и сосредоточенно вылизывал лапку. Поглядев на него, Норберт засунул руки в карманы и не спеша побрел к своему дому. Чтоб Илси гуляла вечером, пусть даже в компании подруги постарше, – это нечто беспрецедентное! Возможно, тетка уехала из Венеды. Хорошо, если так...

– Встретил их? – спросила Аманда.

– Нет.

– А Гестен теперь как услышит звонок – сразу же запирается в комнате, на всякий случай. Наверное, у него аллергия на кошачью шерсть в тяжелой форме... Нор, он хочет, чтобы мы узнали, какие корабли находятся сейчас на Валене в ангарах Гипортала. Тут нужен Олег с его компьютерными штучками.

В глубине квартиры скрипнула дверь.

– Норберт? – В коридор осторожно выглянул клиент. – Хищного животного здесь нет?

– Нет, – заверил Норберт.

– Тогда собирайтесь. Когда стемнеет, мы с вами поедem в то же самое место, и вам придется еще раз нырнуть.

– Зачем? Я ведь уже достал вашу реликвию.

– Видите ли, у моих предков их было две, – печально моргая, объяснил Гестен. – Вторая выглядит, как портативный компьютер, такой, знаете, металлический чемоданчик... Собственно, это и есть компьютер, только совсем простенький, для домашнего пользования. Но для меня это дорогая память! На снимках в рекламном проспекте его не было, однако я подумал, вдруг мне повезет на старости лет. – Он беспомощно улыбнулся, глядя на Норберта. – Если он там – брелок-индикатор приведет вас к нему, если нет – я, по крайней мере, буду знать, что он где-то в другом месте.

Норберт не стал возражать, ему хотелось честно отработать свой гонорар. На этот раз поиски успехом не увенчались. Он провел под водой около трех часов, плавая по затопленному котловану вдоль и поперек, в условиях почти нулевой видимости. Напоролся на раскоряченное дерево (костюм не подвел, зато на плече остался синяк), другой раз чуть не врезался в стену здания. Брелок-индикатор не подавал признаков жизни, даже слабого свечения не было.

– Жаль... Ну что ж... Буду искать дальше, – пробормотал Гестен, когда усталый Норберт вернулся с пустыми руками. – Поехали домой.

Новый комиссар полиции был неумен, зато лоялен – этим он губернатору и нравился.

– Ну, что у нас творится с общественным порядком?

– Тревожная статистика ночных происшествий. – Комиссар говорил отрывисто, его грубовато вылепленное опухшее лицо напряглось. – Убийства на улицах.

Губернатор почесал авторучкой в золотом корпусе левую бровь.

– Мехтобий накуролесил?

– Не он. Неизвестный убийца нападает на хулиганов. За три ночи – девятнадцать трупов, в том числе Морис Бучани.

– Какой Морис Бучани? – Губернатор поморщился – его бесило, когда подчиненные называли имена, которых он не помнил, не давая дополнительных пояснений.

– Грабитель. Тот, что зарезал зимой двух женщин и старика. Убийца его заколол его же рукой, в смысле, его же рукой с ножом... – запутавшись, комиссар умолк, но потом закончил: – Эксперты заключили, что это человек очень сильный и тренированный. Не Мехтобий Гусл, однозначно.

Вот тоже напасть на наши головы, подумал губернатор, как будто мало проклятого потопа!

– Вы должны немедленно арестовать его. Немедленно, слышите? Бросьте по его следу всех людей, устройте облаву. У нас криминогенная обстановка та еще, никуда не денешься... Но если кто-то нападает на хулиганов, он по-настоящему опасен! Попробуйте взять его на приманку... И главное, соблюдайте секретность – вдруг он из ваших. – Комиссар протестующе открыл рот, но губернатор не позволил ему возразить: – Допустим, не удовлетворенный работой горе-полицейский, надо учесть такой вариант. Все, идите.

Комиссар удалился, а губернатор тяжело оперся локтями о стол и сцепил пальцы – доклад испортил ему настроение. Сейчас он испытывал нарастающее раздражение, разбавленное смутной тревогой. Так называемые порядочные люди должны оставаться смирными и законопослушными. Разбираться с бандитами – задача государства. А если этим займутся простые граждане, кто знает, каким будет их следующий шаг: вдруг они захотят разогнать коррумпированных чиновников... или даже отстранить от власти его, Харо Костангериоса?... Плохо, очень плохо... Какой-то паршивый молокосос (губернатору хотелось думать, что это молокосос) посмотрелся фильмов о благородных героях-одиночках – и пошел совершать подвиги. Ничего, за решеткой ему вправят мозги... Губернатор заранее злорадно усмехнулся.

Остальные новости делились на посредственные (уровень воды в затопленном котловане не понижается, но и не повышается) и сносные (венедийцы наконец-то начали проявлять интерес к грядущему карнавалу – после того как было объявлено, что государственные служащие, которые будут отлынивать от участия в празднике, не получают зарплату за текущий месяц). На карнавал туристы слетятся, как бабочки на огонь. А если этого не произойдет, в бюджете Чантеомы останется такая дыра, что от одной мысли о ней волосы на голове шевелятся...

У ворот губернаторской резиденции стоял длинный серебристо-синий автомобиль, арендованный Карен. Значит, она здесь. Хорошо. В глубине души губернатор не был уверен, что ему так уж хочется на ней жениться... но, во-первых, Карен возбуждала его сильнее, чем любая другая женщина, а во-вторых, надо показать Лионелле, кто здесь главный.

Лионелла встретила его в вестибюле – от нее пахло лекарствами, взгляд был тусклый и беспокойный.

– Харо, ты отец или не отец? – спросила она трагическим шепотом. – Кому ты доверил свою дочь?

– Ну, чего еще? – хмуро буркнул губернатор.

– Твоя эта самая плохо влияет на Илси! Она сегодня опять катала девочку по городу, а меня с собой не взяла – просто не пустила в машину, и все! Я из-за этой твари заболела, видишь? А ты заметил, какие у них царапины на руках после вчерашней прогулки? Ты никогда ничего не замечаешь! Илси сказала, их кот поцарапал. Да какой такой кот, откуда он взялся? Харо, она чего-то недоговаривает! За девочкой в ее возрасте нужен глаз да глаз...

Губернатор небрежно махнул рукой и направился к лестнице.

– Харо, они от меня закрылись! – жалобно простонала позади Лионелла. – Я дверь дергала-дергала, стучала-стучала, а они все равно не открывают! Я даже присматривать за Илси не могу! Сделай что-нибудь... – Она всхлипнула.

Пожалуй, и правда стоит жениться, решил губернатор. Карен – великолепное оружие против Лионеллы. Если раньше сестра наседала на него, то теперь просит о помощи, это весьма отраднo... Как говорили древние земляне, разделяй и властвуй.

Поднявшись на второй этаж, губернатор свернул в галерею, которая вела к комнатам дочери, остановился перед дверью и громко постучал. Ни звука.

– Это я! – ощутив некоторое раздражение, крикнул губернатор.

– Харо? – Голос Карен. – Я зайду к тебе позже.

– Жду в кабинете, есть важный разговор.

Губернатору не хотелось препираться с ней: вдруг она не подчинится, и тогда Лионелла, маячившая в конце галереи, станет свидетельницей его поражения.

– Харо, я придумала, – следуя за ним по пятам, прошептала сестра, когда губернатор направился к себе на третий этаж. – Надо снять с петель все двери у Илси – я вызову мастера завтра утром, пока она будет в школе. Тогда они закрываться не смогут. Девочка подрастает, за ней нужно следить!

– Снимай, – разрешил губернатор – идея ему понравилась. Детей надо держать в строгости.

Карен поднялась к нему через час. На ней был облегающий спортивный костюм, серебристо-синий, под цвет машины.

– Опять ночью гуляла? – пристально глядя на нее, спросил губернатор. И, не дождав-шись ответа, сообщил: – Я звонил в отель, знаю. Здесь, в Чантеоме, все у меня под контро-лем! Запомни это.

– Харо, что ты имеешь против моих невинных прогулок? – Карен присела на край стола.

– Невинных! Разве ты не отдаешься уличной шпане в грязных подворотнях около помоек? – с затаенным сарказмом осведомился губернатор.

– Ни в коем случае, – сделав преувеличенно серьезную мину, возразила Карен.

– Можешь врать, если хочешь, все равно я тебе не верю. Все вы такие! Ты рискуешь, гуляя по ночам. Это служебная информация, и я надеюсь, у тебя хватит ума ничего не выбол-тать. – Он сделал паузу. – В городе завелся идейный убийца, назовем его так... Он нападает на хулиганов и ночных грабителей, убил девятнадцать человек. Сегодня ночью его поймают, полиция готовит облаву. Организуем ловушку – и сцапаем, как миленького. Учти, это строго секретная информация. Во время операции могут пострадать случайные прохожие, имей в виду. Лучше бы ты ночевала в отеле... или не обязательно в отеле, – он игриво подмигнул, – можно и здесь...

– Спасибо, что предупредил, – выражение ее лица не изменилось – ни интереса, ни испуга.

– Это еще не все. У нас тут есть свой убийца-психопат. Двухметровый дебильный верзила, такую, как ты, двумя пальцами раздавит. Наша местная достопримечательность. – Губернатор усмехнулся и ощутил оттенок обиды оттого, что Карен не улыбнулась его шутке. – Его недавно выпустили из психушки и не успели упечь обратно. Тоже болтается по Венедэ. В прошлом году он зарубил топором ребенка.

– Тогда почему он до сих пор жив?

– Потому что дебил. У него интеллект на уровне тупого двенадцатилетнего мальчишки, установлено экспертизой. У нас гуманная социальная система, и мы не казним тех, кто не может отвечать за свои действия.

– В моем мире законы другие, – заметила Карен, – но нет смысла спорить на эту тему. Ты считаешь хорошими свои правила игры, я – свои. Харо, если вы не убиваете таких людей, их надо держать в изоляции. Почему его выпустили на свободу?

На мгновение губернатору стало не по себе под ее холодным, изучающим взглядом. Овладев собой, он принужденно рассмеялся:

– Потому, моя милая, что мы тут верховная власть. Захотели – посадили, захотели – отпустили, поняла? – губернатор знал, что некоторая доля цинизма усиливает его обаяние, на женщин это действует безотказно.

– Покажи мне его фотографию.

Он выдвинул ящик стола, нашел там фото Мехтобия Гусла, протянул ей и только потом сообразил, что последняя фраза прозвучала, как приказ, а он, не подумавши, подчинился...

Ладно, Карен можно извинить: наверняка она перепугана, нервничает, оттого и заговорила таким тоном.

Она внимательно изучила снимок и бросила на стол:

– Я его запомнила.

– Хорош герой? Его зовут Мехтобий Гусл. Если встретишь, убегай со всех ног. У тебя такие длинные ножки, просто восторг, – причмокнув, он убрал снимок обратно в ящик. – Карен, я заметил, что ты успела подружиться с моим юным, но преждевременно засохшим чадом. – Так, побольше юмора, это поможет разрядить обстановку. Она опять не улыбнулась, и губернатор сделал вывод, что Карен попросту неспособна оценить остроумную шутку. – Так вот, я приглашаю тебя к ней на день рождения, по случаю пятнадцатилетия. Понимаешь, в узком кругу... Ты когда-нибудь ела с золотой императорской посуды?

– Не приходилось.

– А вот теперь придется. – Он поднялся и обнял ее за плечи, вдохнув тонкий аромат ее волос. – Все будет императорское – и столовые приборы, и сервизы, и бокалы... Из музея позаимствуем.

Карен молча высвободилась, губернатор про себя выругался. Ничего, древняя золотая посуда произведет на нее впечатление, тогда она станет податливей... Победа за ним.

– Я пошла, Харо.

Когда дверь за ней закрылась, он выругался вслух.

Бледные сухие пальцы Гестена слегка дрожали. Даже не пытаясь это скрыть, он нервно перебирал валявшиеся на директорском столе разноцветные скрепки, авторучки, визитные карточки кредиторов (теперь уже бывших), календарики. Аманде это не нравилось, но она терпела. Выдержка изменила ей, лишь когда клиент начал рассеянно тереть пустой бланк бухгалтерского отчета. Аманда выразительно повела плечом и вздохнула сквозь зубы, однако Гестен этого не заметил. Его взгляд был прикован к широкой спине Олега, сидевшего перед монитором. Олег сделал то, что под силу только ему: вторгся через сеть в компьютерную систему Гипортала и теперь искал нужную информацию. Наконец не глядя протянул руку, включил принтер. Через секунду из щели бесшумно выполз листок с текстом.

– Вот, – он протянул листок клиенту, – все корабли, которые находятся на Валене.

Гестен впился взглядом в строчки, потом его плечи безвольно опустились.

– Мой корабль еще не прибыл, – произнес он слабым голосом. – Не знаю, в чем дело...

Улучив момент, Аманда схватила помятый бланк и спрятала под стопку рекламных каталогов на соседнем столе. Она не выносила, когда кто-нибудь портил чистые бланки.

– Мне нужна очень хорошая охрана, – беспомощно оглядев всех троих, продолжил Гестен. – Коробка принадлежит мне, а коллекционеры охотятся за ней, не имея на то никаких оснований. Они даже перед убийством не остановятся! Перед тем как покинуть Валену, я вам очень хорошо заплачу. Если на меня нападут, вы должны повести себя... вы должны поступить... – он вдруг начал мямлить и запинаться, – ради спасения коробки вы должны действовать, как агрессивные... извините за это слово, я понимаю, что оно нехорошо звучит... вы должны сделать то, что всегда делают в таких случаях профессионалы. Как на вашей рекламе, чтоб от моих врагов одни рыбы хвосты остались!

– Замочить их, что ли? – Норберт вовремя вспомнил, что ему полагается играть роль крутого.

– Если вы считаете, что обливание водой эффективно... – Клиент непонимающе заморгал.

– В смысле, перестрелять, – уточнил Норберт.

На лице у Гестена появилась гримаса отвращения, тем не менее он подтвердил:

– Вот именно, я имею в виду крайние меры. Моя коробка не должна попасть в нехорошие руки. Только не надо произносить вслух такие слова, мы же не дикари.

– Господин Гестен, вам абсолютно ничего не угрожает! – заверила Аманда (теперь, когда клиент мусолил не канцелярский инвентарь «Антираспада», а бумажку со списком гиперкораблей, к ней вернулось приподнятое расположение духа). – Все будет хорошо, сейчас я заварю для вас чай. Мы никому не позволим добраться до вашей коробки!

– Выйдем на минутку? – отодвинув стул, шепнул Норберту Олег.

Они вышли в пустой белый коридорчик.

– Вот, передай Илси. – Олег вытащил из кармана плоскую кожанную папку размером с небольшую книгу. – Здесь портрет.

– Хорошо, передам.

– Поздравь ее от меня, – буркнул он, глядя в сторону. – Со всеми пожеланиями, чтобы школу без проблем закончила...

Всякий раз, когда заходила речь об Илси, его одолевала скованность.

– Хорошо, – повторил Норберт.

Оба замолчали. В углу тихо гудел пропахший рыбой холодильник, из-за приоткрытой двери доносился воодушевленный голос Аманды:

– ...Господин Гестен, у нашей фирмы не случайно такое название! Мы – «Антираспад», потому что мы созидательная сила! Мы за добро против зла. Это я придумала символическое название...

– Я вижу, что вам можно доверять, – грустно отозвался Гестен. – Нельзя, чтобы моя коробка попала в руки агрессивных людей, это чревато ужасными последствиями!

– Скажи еще, что, если ее интересуют компьютеры, я могу все объяснить и показать, – совсем уже нерешительно добавил Олег.

– Скажу. Станный тип наш клиент, – шепнул Норберт, чтобы сменить тему.

– Я заметил.

То, что раглоссианский корабль до сих пор не прибыл на Валену, расстроило Зеруата, но не удивило. Его соотечественники осторожны. Если есть опасность, они будут сидеть тихо и выжидать – столько, сколько понадобится, а на рожон не полезут. Это единственно возможная тактика для тех, кто живет в окружении грубых агрессивных существ и не хочет стать их добычей.

Скоро Галактика изменится, и это будет заслуга Зеруата, Ответственного по Безопасности Теневого Сената Раглоссы. Он отыскал футляр с зондом, в футляре также лежит листок с некой схемой... Шифровка, но, похоже, она содержит информацию о том, где находится пульт Нуль-Излучателя. Не пройдет и года, как несовершенные миры исчезнут. О, это нельзя назвать агрессивным действием, вовсе нет... В истории бывали прецеденты: Империя эпохи становления уничтожала колонии, не желавшие покориться. Не говоря уж о богах древних религий – случалось, те устраивали геноцид, одним махом истребляя все человечество, за исключением горстки праведников. Раглосса всего лишь идет по их стопам. Истинно мудрые не могут спокойно жить бок о бок с порочными и неразумными.

Мимо проносились машины, на тротуарах царил обычное для Венеды вечернее столпотворение, вспыхивали и гасли причудливые вывески. Зеруат знал, что дни этого мира сочтены. Равно как и дни множества других агрессивных миров. Наглый желтоглазый кот с порванным ухом, который ему досаждал, тоже исчезнет... Зеруат испытывал умеренную жалость к сотрудникам «Антираспада», но в то же время сознавал, что спасти их нельзя: они плоть от плоти этого обреченного мира, они слишком опасны, чтобы пустить их на Раглоссу. Они уйдут в небытие вместе с остальными, такова их судьба. Покосившись с невольной грустью на своего телохранителя, сидевшего за рулем, Зеруат попросил:

– Домой пока не надо, я хочу посмотреть ваш город. Только выбирайте, пожалуйста, улицы с тихим движением.

Теперь, когда участь Валены и всех ей подобных миров была предрешена, ему стало легче выносить здешнюю сутолоку. Возник даже некоторый интерес: ведь он – последний очевидец. После того как Раглосса останется одна в обновленной Галактике, лишь в его памяти сохранятся уникальные фрагменты прежней жизни, многоликой и дисгармоничной.

Норберт свернул на проспект, надвое рассеченный аллеей с изящными арками, скамьями, абстрактными скульптурами – все из мрамора, смутно белеющего в сумерках; голые деревья вырисовывались на фоне приглушенной белизны с графической четкостью. По обе стороны проспекта стояли древние высотные здания, покрытые потеками, обшарпанные, не оживленные даже рекламными щитами (закон возбранял вешать последние на государственные учреждения).

– Памятник Империи? – спросил Гестен.

– Да. Этой аллее больше тысячи лет.

Клиент смотрел в окно с непонятной грустью. Потом еле слышно пробормотал:

– Совершенная работа. Жалко все это утратить...

– За Белой аллеей следят реставраторы, – успокоил его Норберт. – Все-таки достопримечательность. Вот дома – другое дело. У нас так: пока что-то не развалилось, его чинить не станут.

– Вы проверяли, нет ли «хвоста»? – отвернувшись от окна, спросил Гестен уже другим тоном – строгим и деловитым.

– Ага. Нет. А почему должен быть «хвост»?

– Потому что все они хотят присвоить мою коробку, – прошептал клиент.

– Кто – они?

– Коллекционеры, я же вам объяснял, – по его лицу прошла не то судорога, не то гримаса. – После распада Империи образовалось много агрессивных сообществ. Вы слышали, например, про Слак?

– Рабовладельцы. – Это все, что Норберт знал о Слаке.

– Чудовищный, негуманный мир, – кивнул Гестен. – Во многих регионах Слака природные условия исключительно тяжелые, в то время как технологию производства роботов слакиане утратили. Но, к сожалению, у них сохранились древние боевые звездолеты, что позволяет им заниматься пиратством. Им нужны рабы – для сельскохозяйственных работ, для добычи полезных ископаемых и так далее. Рабы на Слаке быстро умирают, и все равно похищать людей дешевле, чем импортировать роботов. О, я даже во сне вижу, как они тянут руки к моей коробке, но слакианский коллекционер до Валены не долетел. Впрочем, всякое возможно... – добавил он после недолгой тревожной паузы. – Космические путешествия в обычном пространстве занимают гораздо больше времени, чем броски по гиперканалам, но почему бы и нет... Норберт, слакиане – исключительно жестокие существа, вы должны об этом помнить. Хотя я не могу сказать, кто хуже, слакиане или тигонцы.

– А что тигонцы? – Норберт свернул на соседнюю улицу с блекло-желтыми ступенчатыми пирамидами (судя по белью на обнесенных перилами террасах, это были жилые дома) и стеклянными торговыми павильончиками у их подножия.

– Самые настоящие примитивные варвары. – Гестен не сдержал гримасы отвращения. – Патриархальные феодалы. Человеческая жизнь для них – ничто. На беду своим соседям, они тоже сохранили боевые звездолеты. Вы понимаете, что это значит? Тигонские коллекционеры хладнокровно прирежут нас, чтобы забрать мою коробку. Правда, по моим данным, пассажир с Тигоны на Янде отстал от корабля. Но есть еще денорский коллекционер, и я не знаю, кто это... – Он подавленно вздохнул.

– С Денора? – переспросил Норберт.

Несмотря на нервную манеру повествования, клиент рассказывал много любопытного, и он жадно ловил каждое слово.

– В отличие от Слака или Тигоны, Денор сберег многое. Он входит в первую десятку планет с наиболее высоким жизненным уровнем. Там до сих пор производят многофункциональных роботов и синтезируют ценные материалы. Ужасный мир...

– Почему?

– Денорская олигархия не похожа ни на традиционную аристократию, где социальный статус передается по наследству, ни на нашу бюрократию. Чтобы стать олигархом, надо подвергнуться особым испытаниям, пройти тестирование, проявив высокий уровень интеллекта, а также засвидетельствовать свою агрессивность. Их олигархи – это люди-хищники. Они создают специальных боевых роботов, чтобы драться с ними, и терроризируют инопланетян. Преимущественно слакиан и тигонцев – больше всего их интересуют противники, равные им по агрессивности. Хорошо, что они относительно немногочисленны.

– А что мешает им размножаться? – удивился Норберт.

– Олигархи немногочисленны, – уточнил клиент. – Простые граждане Денора не более агрессивны, чем среднестатистический житель Алзоны или вашей Валены. Благодаря высокому уровню благосостояния социальной напряженности на Деноре нет. У олигархов хватает ума не притеснять население своей планеты. Кроме того, они умело воздействуют на общественное мнение и обладают громадным престижем. Возможно, многие рядовые денорцы даже не догадываются, под властью каких монстров живут. Агрессивность – это очень большое зло!

Гестен ссутулился, застегнул верхнюю пуговицу теплого плаща и с подозрением поглядел в зеркальце заднего обзора – в десяти метрах за автомобилем ехал двухэтажный автобус, только что вывернувшийся из-за угла. Потом продолжил рассказ:

– Около сотни лет назад Коралион, один из ближайших к Денору миров, предложил опасному соседу договор о дружбе и сотрудничестве. Видимо, у коралионского правительства сдали нервы. Потом то же самое сделали Шелкона и Гайан. Не берусь судить, мудрый это был шаг или опрометчивый... Сейчас под протекторатом Денора находятся три мира из числа среднеразвитых. В экономическом плане Денору ничего от них не надо, несколько раз он даже предоставлял им гуманитарную помощь. Кстати, заметьте, Норберт: Денор экспортирует готовую продукцию, но ревностно оберегает свою монополию на древние технологии. – Автобус свернул, и Гестен испустил вздох облегчения. – И все-таки денорские олигархи от этого союза выиграли. Они получили то, что ценят превыше всего: новый повод для агрессии, и теперь нападают на всех, кто якобы угрожает их сателлитам. Но если бы они вдруг завладели оружием, которое способно уничтожать целые планеты, они бы вряд ли пустили его в ход – потому что им нужны живые противники. – Последнюю фразу Гестен произнес шепотом. – Извращенная психология агрессивных существ...

– Я думаю, такого оружия нет, – глубокомысленно заметил Норберт. – И хорошо, что нет. А то дорвался бы кто-нибудь...

Клиент промолчал. Потом убежденно сказал:

– Денорский олигарх прилетел на «Таране», я это чувствую. Интуиция, понимаете... Ради моей коробки он нас голыми руками убьет!

– Гм... – Норберт счел, что ему, как профессионалу, полагается проявить заинтересованность. – Как он выглядит?

– Если б я знал... Представителей некоторых рас угадать нетрудно, их выдают характерные моменты поведения. Слакиане, например, ко всем инопланетянам питают глубокое отвращение, и оно так или иначе проявится. Тигонцы всех не-тигонцев презирают, причем демонстрируют свое презрение даже тогда, когда выгодней его скрыть. Но денорский оли-

гарх... – Гестен призадумался. – Трудный случай. Он незыблемо убежден в своем превосходстве над вами, а потому даже высокомерия проявлять не станет. Если вы не враждуете с ним и безусловно признаете его лидерство, он вполне способен отнестись к вам по-дружески... Пожалуй, он должен выглядеть, как человек из развитого мира, современный, образованный, раскованный в поведении... Норберт, я так много говорю о денорцах, потому что их коллекционеры – самый безжалостный народ. Вы не должны терять бдительность!

– У меня есть одно предположение. – Не то чтобы Норберт всерьез верил в свое предположение, но ему захотелось блеснуть проницательностью перед перетрусившим клиентом. – Некий Мартин Паад, я видел его в «Бескане». Он вполне отвечает вашему описанию.

– Нет, вы заблуждаетесь. Мартин Паад – это Мартин Паад с Лидоны. Слишком известное лицо, чтобы выдавать себя за кого-то другого. Разумеется, мы должны держаться от него подальше: он тоже интересуется старинными вещами и хочет присвоить мою коробку.

– Ясно... – сквозь зубы пробормотал Норберт. Наконец-то он понял, с кем столкнула его судьба: с параноиком, непоколебимо уверенным в том, что вся Вселенная охотится за дорогой для него коробкой! Расслабившись и повеселев, откинулся на спинку сиденья. Он должен изображать крутого, которому море по колено, – тогда клиент перестанет волноваться и будет доволен. – Все в порядке, – бросил он небрежно. – Вы заплатили за охрану, я вас охраняю. Мне плевать, кто там тигонец, кто слакианин, а кто денорский олигарх, – я прихлопну любого, кто протянет лапу к вашей драгоценной коробке.

– Она не драгоценная, она просто моя, – слабым голосом возразил клиент.

– Ваша и останется, – заверил Норберт.

– Мартин Паад, которого вы упомянули, исключительно агрессивная личность, – вернулся к прежней теме клиент. – На Лидоне, как и на Земле, республика. А на Алзоне и Белте – конституционная монархия, знаете, да? Это все миры из первой десятки высокоразвитых. Но Мартин Паад много путешествует по другим планетам – жестоким, неблагоустроенным. Якобы собирает материал для своих книг, однако это всего лишь предлог. На самом деле ему нравится проявлять агрессивность. Люди не хотят сознаваться в том, что они похожи на диких зверей, и это вынуждает их придумывать оправдания. Слакианские работоторговцы нападают на инопланетян для того, чтобы выжили их женщины и дети. Денорские олигархи защищают от врагов свой народ и население планет-сателлитов. Мартин Паад лезет во все дыры, чтобы их исследовать. На словах все красиво, убедительно. А на деле – жестокость, кровь... Почти во всех мирах жизнь развивается неправильно.

– Вы сказали – почти? – Норберт свернул во двор своего дома.

– Я считаю, что возможна цивилизация мудрая и гармоничная... Но в агрессивном окружении она будет постоянно находиться под угрозой.

Они выбрались из машины, и тут тишину пререзало протяжное завывание. Под стеной дома стояли друг против друга два кота – рыжий с порванным ухом и черно-белый из соседнего двора, оба застыли неподвижно, только хвосты раздраженно шевелились.

– Эти животные ведут себя отвратительно! – пробормотал Гестен.

– Кошки, – пожал плечами Норберт.

– Достаньте пистолет! И прикройте меня, они могут напасть...

Вспомнив, какую сумму клиент выложил за охрану, Норберт покорно выполнил требование несчастного психа. Гестен шмыгнул в подъезд, тогда он сунул оружие в кобуру, оглянулся на конфликтующих котов и последовал за своим нанимателем.

– Печально то, что разумное человечество им уподобляется, – сокрушенно вздохнул Гестен. – Этому должен наступить конец!

– А что, на вашей планете разве нет кошек? – Норберт вставил ключ в замочную скважину.

– Нет.

Вечерний город был полон ловушек и соблазнов. На каждой улице что-нибудь продавалось – от булочек с повидлом до электромобилей. Карманы Ксакан оттопыривались: не удержавшись, она опять приобрела целую кучу ненужных, но привлекательных вещей. Таких, как подарочный набор массажных щеток, украшенный поддельными драгоценностями, дешевый хронометр, игрушечный магнитоплан, ярко-розовые таблетки для желудка в очень красивой упаковке. И все это теперь – ее собственность! Ксакан знала, что не сможет забрать эти вещи с собой на Ючан, однако мысль о том, что она, пускай даже временно, обладает собственностью, наполняла ее томительным волнением. Она сделала страшный шаг – завладела вещами. Нельзя иметь ничего своего, все принадлежит Общине. На Ючане это правило знает каждый ребенок. «Да, я преступница, – виновато подумала Ксакан, – но я постараюсь исправиться... Только не сейчас, а завтра».

Ее алчный взгляд подолгу задерживался на роскошно убранных витринах, на лотках с мороженым, на запаркованных у края тротуара чужих машинах. Потом сиреневое небо потемнело, воздух стал студеным, и Ксакан повернула обратно: наступает ночь, надо возвращаться в отель. В этом огромном городе даже днем недолго заблудиться. И все здесь не общее, а чье-то собственное... Вначале Ксакан не могла с этим смириться, потом привыкла. Кто ее удивлял, так это остальные обитатели «Бескана»: они вели себя так, словно весь мир принадлежит им, хотя на самом деле вокруг полно чужого. Ксакан уже поняла, что среди них есть ее конкуренты, которые тоже прилетели на Валену за зондом. Оказавшись вдали от Общины, она нередко чувствовала себя заброшенной, испытывала мучительную неуверенность, но эти агенты-одиночки из разных миров, казалось, не знали подобных состояний. Ее пугала их независимость. Типичные индивидуалисты! Ну конечно, они отнимут у нее зонд, она проиграет... Заранее настроившись на поражение, Ксакан шмыгнула носом и свернула на улицу, которая вела к туманно-белой громаде «Бескана». Издали доносилась музыка, на стенах домов то вспыхивали, то гасли абстрактные узоры, отбрасывая цветные блики на мокрый тротуар, – Венета готовилась к карнавалу, о котором столько говорил здешний губернатор. Если Валена – среднеразвитый мир, то как же выглядят города на планетах золотого меньшинства?.. Сколько Ксакан ни напрягала воображение, она не могла себе это представить.

Уже подходя к отелю, она твердо решила, что упаковку от розовых таблеток обязательно сохранит и возьмет с собой на Ючан, какую бы цену ни пришлось заплатить. Это будет ее преступление, ее тайна, однако она все равно это сделает. Ей давно уже хотелось иметь что-нибудь красивое.

– Восемьдесят два туриста приобрели входные жетоны Тренажера, господин Костангериос, – доложил секретарь. – Итого сто двадцать три миллиона империалов.

– Недурно.

– Двадцать девять человек уже вошли в Тренажер, остальные пятьдесят три по-прежнему живут в «Бескане». Видимо, хотят дожидаться карнавала.

– Мы позаботимся о том, чтоб они с пользой для нас потратили оставшиеся денежки! – Губернатор удовлетворенно хохотнул.

Секретарь понимающе улыбнулся. Толковый парень – знает, когда надо смеяться. Потом, посерьезнев, добавил:

– Возможно, одно имя из этого списка вас заинтересует, господин Костангериос. Вот, посмотрите, в числе прочих жетон купила Карен Мьян с Шелконы.

– Безмозглая потаскушка, – проворчал губернатор.

Он был зол на Карен: та до сих пор не согласилась переспать с ним. Зато вчера ему все-таки удалось ее припугнуть, и ночь она провела в отеле, хоть это хорошо. Секретарь деликатно перебирал свои бумаги, ожидая приказаний.

– Свяжись с комиссаром полиции. – Губернатор устало потер колено, ушибленное при падении, когда он поскользнулся на лесенке магнитофона. – Пусть проверит досье всех, кто участвовал во вчерашней операции или просто знал о ней. И доложит о результатах.

Ночная операция провалилась. Переодетые полицейские орали в подворотнях, цеплялись к прохожим, опрокидывали урны, били витрины частных магазинов (список был согласован с губернатором), подожгли электромобиль директора коммерческого предприятия «Интелтрон», которого Харо Костангериос не любил за изворотливость и прижимистость, но серийного убийцу так и не взяли. Последний в эту ночь не выходил на охоту – как будто знал, что ему самому суждено стать дичью. Предательство, подумал губернатор, в сердцах переломив надвое дорогой коллекционный карандаш из натурального дерева. Либо чья-то глупость.

Вечером, когда Карен привезла с прогулки Илси, он излил перед ней душу.

– ... Усилия затрачены зря, время пропало – и все потому, что какой-то дурак распустил свой длинный язык, а убийца услышал и учел! Чертовы болтуны...

– Интересно, кто же этот болтун? – задумчиво улыбнулась Карен.

Она не проявила даже показного сочувствия к его проблемам, и губернатора это больно задело – Петра была не такая.

– Это я выясню! Он пойдет под суд за разглашение служебной тайны, мы устроим показательный процесс! Сегодня ночью облавы не будет, и завтра, пожалуй, тоже... А потом я дам команду – и накроем подонка. Понимаешь, нужна гарантия, что никто не успеет проболтаться. Или не понимаешь, эти дела не для твоей легкомысленной головки. Управлять людьми – это, моя милая, занятие серьезное, не то что играть в археологические игрушки. Ну, иди сюда!

– Мне пора. – Карен встала.

– Можно подумать, что ты нанялась в няньки! – Он смерил ее насмешливым взглядом. – Возишься с моей соплячкой, а для меня у тебя времени не остается! И за каким чертом ты купила жетон Тренажера? Наверное, хочешь доказать, что ты самостоятельная, знаю я вас!

– Валена – поразительный мир. – Карен полуобернулась, распахнув дверь в коридор. – Здесь можно быть никудышным, бездарным руководителем, и все равно тебя не скинут с должности. Пока, Харо!

Дверь за ней закрылась, а губернатор нахмурился: что она хотела этим сказать?.. Словам еще один карандаш, подошел к окну, проводил взглядом синий автомобиль, скрывшийся за углом. К золотисто-желтому закату двумя рядами уходили нарядные белые дворцы в стиле поздней Империи, старинные, но тщательно отреставрированные, – резиденции членов правительства Чантеомы. Вдруг он понял, что Карен имела в виду, и усмехнулся: она неловко намекнула на то, что, по ее мнению, проинформировавший убийцу болтун – один из членов правительства. Вообще-то не исключено...

– Ты недалековидна, моя милая, – прошептал губернатор.

С бездарными руководителями меньше хлопот: невелика вероятность, что кто-нибудь из них попытается занять твое место... а если даже и попытается – ума не хватит. Вот уже без малого десять лет, как Харо Костангериос был единственным умным человеком среди высших чиновников Чантеомы. От других умных он еще в начале своего правления избавился. Но это слишком мудрено, чтобы Карен сумела понять... Он резко рассмеялся, закрыл жалюзи и вернулся к столу. Кое-что его озадачивало. Входной жетон Тренажера стоит полтора миллиона алзонских империалов – откуда такие деньги у скромного археолога? Да еще с Шелконы? Шелкона, как и Валена, принадлежит к числу среднеразвитых миров, а по неко-

торым показателям даже уступает Валене. Значит, Карен Мьян – дочка богатых родителей. Или ее содержит кто-то очень богатый. Или ей повезло откопать некий ценный артефакт, который она толкнула за большие деньги на черном рынке. Он узнает, в чем дело, и припрет ее к стенке.

В вестибюле губернаторской резиденции аккуратной стопкой лежали снятые с петель двери. Четыре штуки.

– Ремонт? – поздоровавшись со знакомым охранником, спросил Норберт.

– Распоряжение госпожи Костангериос, – равнодушно ответил тот.

Норберт направился к лестнице. После того как он растолковал Аманде с Олегом, кто такой на самом деле Гестен, все трое самозабвенно изображали крутых, которые шутя заткнут за пояс хоть тигонцев, хоть денорских олигархов, хоть легендарных боевых роботов древней Империи. Удостоверившись в том, что его коробка под надежной охраной, умалишенный турист как будто успокоился, хотя персональный корабль за ним до сих пор не прибыл. Последнее обстоятельство сотрудников «Антираспада» не огорчало: чем дольше щедрый клиент просидит на Валене, тем выгодней для фирмы.

Обшитый панелями светлого дерева коридор привел Норберта к прямоугольному проему, за которым виднелась затопленная золотистым вечерним светом комната с голубым ковром на полу, мягкой серой мебелью и пламенеющим на восточной стене зеркалом. От неожиданности он остановился: раньше здесь была дверь. Постучав по панели, крикнул:

– Илси, ты дома?

Сестра вышла из другого проема – из крохотного кабинета, где находились стеллажи с книгами и письменный стол. Третий проем вел в спальню, четвертый – в ванную. Без дверей жилище Илси походило на собранный из пластмассовых деталей игрушечный домик.

– Привет, Нор!

Ее треугольное лицо в первый момент показалось Норберту новым, почти незнакомым. Вначале он решил, что дело в освещении, в косых лучах солнца, падавших сбоку, однако потом понял, что солнце тут ни при чем. Странно, но факт: сейчас Илси не выглядела поникшей и подавленной, как обычно.

– Привет. Это твои двери лежат внизу?

– Мои. Тетя велела их снять. Я пришла из школы, а дверей нет. Теперь ванной невозможно пользоваться.

– Значит, тетка окончательно спятила, – подвел итог Норберт. – Сочувствую. Послушай, может, отец, раз такая ситуация, отпустит тебя жить ко мне? Я с ним поговорю.

– Он с ней заодно, – вздохнула Илси. – А у тебя дома такая киска хорошая!

– Это не мой кот. Он сам по себе, приходящий. Да, я тебе подарок принес. – Он вытащил из кармана папку с портретом.

– Это я? – удивилась Илси. – Как необычно...

– Это сделал мой друг, его зовут Олег. Мы вместе работаем в «Антираспаде».

– Передай ему, что мне очень понравилось. А ту картинку с кошками на вашей рекламе тоже он сделал?

– Ага.

– Не дашь мне одну такую?

Пошарив в карманах, Норберт достал помятый рекламный проспект.

– Вот, держи. С кем ты приезжала ко мне домой?

– С Карен. Ты с ней познакомишься, если придешь послезавтра ко мне на день рождения. Она такая добрая и замечательная! Ты придешь?

– Во сколько?

– В семь вечера. Только не здесь, а в Императорском Павильоне в Сохьянском парке.

Норберт присвистнул:

– Там ведь музей!

– Мне тоже не нравится эта идея, но так решил папа, – на мгновение девочка прикусила губу. – Я бы лучше пригласила только тебя и Карен. Знаешь, она сказала, что, если ты чего-то хочешь или, наоборот, не хочешь, никто не может тебя сломать, пока сам не сдашься. Я много думала об этом...

– Так я и знала, что она будет учить тебя всяким гадостям!

Патетическое восклицание тетки обоих заставило вздрогнуть. Та стояла в проеме, щурясь от солнца, ее губы выделялись пунцовой полоской на бледном, иссеченном мелкими морщинками лице, под глазами набрякли мешки.

– Тетя, мне нужны двери. – Илси подняла на Лионеллу сумрачный взгляд.

– Илси, ты у нас девочка слабенькая, часто болеешь, тебе не двери нужны, а свежий воздух. – Тетка говорила преувеличенно ласковым голосом. – Надо, чтобы воздух в помещении свободно циркулировал, так врачи советуют. Без дверей твои комнатки лучше смотрятся!

– Если б тут был сортир, он бы тоже без дверей лучше смотрелся, – буркнул Норберт.

– А тебе лишь бы надерзить! – уже другим тоном прошипела Лионелла. – Когда тебе было тринадцать лет, ты поднял на меня руку и до сих пор ума не набрался. Ну-ка, что это? – Она схватила лежавший на диване рекламный проспект «Антираспада», пробежала глазами по строчкам и скорчила многозначительно-ехидную гримасу. – Боже мой, боже мой, какие планы! Значит, ты у нас будешь зарабатывать большие деньги?

– Я их уже зарабатываю, – поглядев на нее сверху вниз, небрежно бросил Норберт. Несколько дней спустя ему пришлось пожалеть об этой фразе, но сейчас он хотел только одного – достойно отшить тетку.

– У тебя в кармане деньги не задержатся, не судьба, – расстроено проворчала Лионелла.

Папку с портретом Илси успела спрятать. Она стояла посреди комнаты, скрестив на груди тонкие, не тронутые загаром руки, и Норберт опять подумал, что сестра изменилась. В ней определенно появилось что-то новое – и в жестах, и в звучании голоса, и во взгляде, но он не мог уловить, в чем дело.

В коридоре послышались шаги, потом в комнату заглянул отец. Норберт поздоровался. Не ответив на приветствие, губернатор утомленно поморщился:

– Лионелла, куда ты засунула коробку с моими коллекционными карандашами?

– Ты их ломаешь, когда психуешь! – сразу воспрянула духом тетка.

– Не смей больше прикасаться к моим вещам, тебе понятно?

Для Норберта лишние приязни отношения между отцом и теткой были не в новинку. Удивляло его другое: почему они столько лет живут под одной крышей, в то время как у Лионеллы есть собственная вилла в пригороде Венеды и она вполне могла бы перебраться туда? Стоит ли жить вместе для того, чтобы мучить друг друга? Ему такое положение вещей представлялось более чем дурацким.

– Папа, я пригласила Нору на день рождения, – сообщила Илси.

– Ладно... – хмуро поглядев на сына, разрешил губернатор. – Только не позорь меня перед людьми, приходи без пистолета, понял, отпрыск?

– Понял, – угрюмо ответил Норберт.

Пистолет в любом случае придется оставить Аманде, иначе сумасшедший клиент начнет упрекать «Антираспад» в невыполнении условий контракта.

– Лионелла, принеси карандаши ко мне в кабинет, – властно распорядился губернатор и двинулся прочь, пока та не успела огрызнуться.

Вечернее солнце переместилось, в комнате стало темнее. Зеркало прохладно поблескивало на восточной стене.

– Нор, езжай домой, твоей сестренке надо делать уроки, – потребовала Лионелла. – Не забывай, что у Илси очень плохое здоровье, после разговоров с тобой она нехорошо себя чувствует и плачет. Иди, иди...

Сестра кивнула ему на прощание. Уже на улице Норберт понял, что изменилось: в ней появилась некоторая доля уверенности в себе. Хотя давно пора, ведь послезавтра ей исполнится пятнадцать. На банкете наверняка будет много вкусного... Норберт собирался на день рождения к Илси не ради еды, но не думать о еде не мог: вареные рыбы хвосты ему осточертели, а на другие продукты не хватало денег. «Вы избрали очень рациональную диету! – похвалил его сегодня утром Гестен. – Рыба содержит фосфор, необходимый для мозга, и другие полезные вещества, а мой телохранитель должен быть одновременно и бойцом, и интеллектуалом. Да, я в вас не обманулся...» «Знал бы ты, почему я питаюсь рыбой!» – вздохнул про себя Норберт.

Работы по осушению затопленного котлована в Бесканских горах до сих пор не начались, и чантеомские власти эту тему не затрагивали. Было много разговоров о грядущем карнавале, а о Малой Императорской Резиденции – ни слова. Мартин Паад расплатился и вышел из кафе на проспект. Последние остатки снега растаяли, щедрое весеннее солнце быстро высушило Венеду, и пыльные улицы блаженно грелись в его лучах под ослепительно голубым небом. Мартин расстегнул куртку. Впервые за сорок шесть лет своей бурной, полной рискованных приключений жизни он попал в столь дурацкую ситуацию: до объекта на доберешься из-за халатности местных чиновников, и теперь придется в течение неопределенного времени торчать на Валене, бездействуя.

Нырять в котлован с металлоискателем нет смысла: там слишком много других металлических предметов, кроме зонда, не говоря уж о конструктивных элементах древних построек. Чтобы начать широкомасштабные поиски, необходимо специальное оборудование, водолазы либо роботы для подводных работ, плюс отсутствие конкурентов. Лидоне для этого пришлось бы организовать вооруженное вторжение на Валену, однако земляне не пропустят военный флот через гиперканалы, да еще и растрезвонят о таком предложении на всю бывшую Империю. Земляне были принципиальными противниками больших войн, поскольку те наносили удар по их бизнесу. А путешествие от Лидоны к Валене через обычное пространство займет около ста восьмидесяти эталонных земных суток. Остается одно – ждать. Мартин с чувством выругался себе под нос. И надо же так вляпаться из-за недалеких и безалаберных, но зато никому не подконтрольных валенийских бюрократов!

Глава 5

– Негуманоидные расы для людей во многом остались загадкой. Мы истолковываем на свой лад их поступки и обычаи, но что в действительности за этим стоит – не понимаем. Они, со своей стороны, находятся по отношению к нам в аналогичном положении. Иные из них достигли высокого уровня развития – бекры, например, или лайколимь. Опасные существа...

– И они тоже интересуются вашей коробкой? – подсказал Норберт.

– Не исключено, – печально подтвердил Гестен.

Сделав героическое усилие, Норберт подавил ухмылку: он не хотел обижать бедного старика. До тех пор, пока речь не заходила о пресловутой коробке, Гестен оставался нормальным собеседником, неглупым и вдобавок хорошо осведомленным о том, как обстоят дела на многих планетах бывшей Империи. Его помешательство вылезало наружу, если ему начинало казаться, что коробке угрожает опасность... либо в присутствии собак и кошек.

– Давайте подъедем вон к той интересной постройке! – попросил Гестен. – Вон, видите?

Норберт свернул на набережную Чантского канала и затормозил у подножия Золотого Конуса – памятника поздней Империи. Здание, облицованное плитами из тускло-золотистого металла, представляло собой правильной формы конус с заостренной верхушкой. Сейчас на верхушке возились рабочие – укрепляли надувной шар в виде размалеванной физиономии клоуна. Конус был не сплошной, его рассекали поперечные разрезы: каждый этаж – просторная открытая терраса, а в глубине находились магазины, косметические салоны, ресторанчики, всевозможные ателье. Аманда давно мечтала арендовать здесь помещение под офис, но «Антираспаду» это было не по карману.

Норберт и Гестен поднялись на предпоследний этаж (последний был закрыт по случаю монтажных работ). Клиент смотрел на панораму города, задумчиво прищурившись; Норберт отметил, что его руки на перилах мелко дрожат.

– Вам нехорошо?

– Да нет-нет, хорошо... – на лице Гестена появилась виноватая, ускользающая улыбка. – Столько живых существ внизу, и все поражены вирусом агрессивности, вот о чем я думал...

– Нор!

Не узнав в первый момент знакомый голос, Норберт оглянулся и увидел Илси. Девочка стояла в нескольких шагах от них, возле ограждения. Ветер растрепал и спутал ее светлые волосы, превратив их в пышно взбитое облако, темно-синие глаза смотрели с испуганным любопытством.

– Привет, что ты здесь делаешь?

Илси выходила из дома только в сопровождении старших, на этом категорически настаивала тетка. Норберт никак не рассчитывал встретить ее в городе одну: с куда большей вероятностью наткнешься на венецийской улице на бекра или лайколима.

– Жду Карен, она скоро придет. Здравствуйте, – вежливо добавила девочка, заметив, что Гестен – спутник Норберта.

– Кто такая Карен? – Он вспомнил, что так и не выяснил это в прошлый раз.

– Она очень добрая... Папа хочет на ней жениться.

– Сочувствую. Тетка ее с потрохами заглотит.

– Тетя Лионелла ее боится, – возразила Илси. – Она скоро придет, и ты с ней познакомишься. Знаешь, так странно быть тут одной! Я вначале жутко струсил, а теперь уже ничего...

– Могу составить тебе компанию. – Норберт вопросительно взглянул на своего нанимателя, но тот запротестовал:

– Я замерз, идемте отсюда! Согреемся в каком-нибудь ресторане, заодно пообедаем.

Норберт растерянно повернулся к сестре. Та храбро улыбнулась:

– Ничего, мне уже почти не страшно, а Карен скоро вернется. Главное, приезжай сегодня вечером ко мне на день рождения!

– Ну, пока!

На лестнице Гестен спросил:

– Кто это?

– Илси, моя сестра.

– Хорошая девочка, неагрессивная. – Вдруг он вздохнул и расстроено прошептал: – Знаете, Норберт, это ужасно, когда мирные, кроткие существа должны расплачиваться за вину жестоких и агрессивных... Но так устроена жизнь, никуда от этого не денешься. Принимать важные решения – великое бремя, поверьте.

– Ну, допустим... – пожал плечами Норберт.

У него остался после этого разговора неприятный осадок, и он долго не мог сообразить, в чем дело, но потом решил: настроение испортилось оттого, что клиент не дал ему подольше поболтать с сестрой.

Пообедать в ресторанчике на третьем этаже им так и не довелось. Они остановились перед прозрачной дверью, и вдруг лицо Гестена залила смертельная бледность.

– Боже мой... – тихо произнес он. – Норберт, это они!

Дверь распахнулась, из ресторанчика высыпала компания: уже знакомый Норберту Мартин Паад и с ним еще четверо туристов из «Бескана». Уловив, что клиента надо побыстрей успокоить, Норберт хладнокровно прищурился, сунул руку за пазуху и взял Гестена за дрожащий локоть:

– Пошли!

– Это же коллекционеры... Если они поймут... Они захотят ее отнять...

– Вот и не дергайтесь, – небрежно процедил Норберт. И добавил, чтобы закрепить эффект: – Я держу вашу ситуацию под контролем. Включая коробку.

Он провел своего подопечного мимо туристов, не забыв дружески кивнуть Пааду. Приятно чувствовать себя крутым! Уже внизу, когда подошли к автомобилю, Гестен робко заметил:

– Норберт, вы отчаянный человек! Ведь их было пятеро, и это очень опасные люди. Они перегрызут друг другу горло из-за моей коробки, но сейчас думают, что она под водой, – тут он нервно хихикнул, – и вместе сидят в ресторане. У агрессивных существ загадочная психология... Наша жизнь, возможно, висела на волоске, а вы были так спокойны!

– Рутину, – скупно усмехнулся Норберт.

Перед тем как сесть в машину, он запрокинул голову: ага, на предпоследней террасе Золотого Конуса стояли, обнявшись, две девушки. Помахал рукой, Илси помахала в ответ. Вторая тоже помахала, тогда Норберт послал воздушный поцелуй.

– Да поехали же! – теряя терпение, позвал из машины Гестен. – Пока нас не атаковали!

Лишь убедившись, что «хвоста» нет, клиент расслабился, его хриплое дыхание выровнялось.

– Сколько этажей было в этом позолоченном строении? Я так и не сосчитал...

– Семь, – отозвался Норберт. – А негуманоиды, о которых вы говорили, часто бывают в человеческих мирах?

– Редко. Для этого им нужны дыхательные маски. Так же, как и нам, если мы захотим посетить их планеты. У них другой метаболизм. Вот что, едем домой. Рестораны – это зона риска, лучше покушаем ваш фирменный суп из рыбы.

Норберт скис, но потом вспомнил про день рождения и снова повеселел. Сегодня вечером он хорошо поест, лишь бы Аманда вовремя его сменила.

На площадке перед подъездом расположилась группка пьяных парней лет восемнадцати-двадцати. Увидав Норберта с Гестеном, они зашевелились, кто-то крикнул:

– Эй, господа богатые, денег дадите?

– Дадим, – недолго думая, Норберт вытащил из-за пазухи пистолет. – Кому первому?

Через минуту площадка опустела.

– Спасли коробку, – подмигнул Норберт старику.

– Да нет, этих моя коробка не интересовала. – Клиент проявил неожиданное самообладание. – Хорошо, что вы их прогнали, но это были обыкновенные хулиганы. Я бы с ними справился. Видите ли, у меня тоже есть оружие, хоть и неприятно постоянно носить с собой предмет для убийства.

Норберт с удивлением отметил, что Гестен, выходит, не всегда сумасшедший, бывают у него изредка проблески здравомыслия.

– Другое дело – коллекционеры, – добавил клиент уже на лестнице. – Тут я целиком полагаюсь на вас: настоящий профессионал по зубам только другому профессионалу. Слишком много цепких рук тянется к моей коробке... Смотрите внимательно, нет ли где-нибудь кота!

«Ну вот, опять принялся за свое», – усмехнулся про себя Норберт.

Хоть он и беспокоился, Аманда не подвела – примчалась в половине седьмого, запыхавшаяся и злая.

– Черт знает что, Нор! Во-первых, отменили льготы по налогообложению для целой кучи предприятий, в том числе для охранно-сыскных, во-вторых, налог с оборота повысили с семидесяти процентов до восьмидесяти пяти! Я-то думала, что мы выкрутились, а теперь еще доплачивать придется... Это сделал твой папа, сегодня, особым указом. А людям, которые пострадали от наводнения, до сих пор не выдали компенсацию, только все обещают и обещают... Ох, что творится... – Нахмурившись, она надела кобуру и добавила, почти со слезами в голосе: – Мы хотим заниматься честным бизнесом, а нам не дают! Ладно, Нор, езжай. Ты купил ей подарок?

На подарок у него не было денег, пришлось ограничиться шоколадкой. Он оставил машину у ворот Сохьянского парка и по вымощенной розовой плиткой аллее направился к Императорскому Павильону, белевшему на холме за деревьями. И стены павильона, и купол, и колонны – все было сплошь покрыто прихотливыми рельефными узорами. Нерукотворная работа – мраморную поверхность превратили в кружево специально запрограммированные автоматы. Окна ярко светились. У входа дежурил музейный работник. Норберт поздоровался с ним, тот хмуро кивнул в ответ. Для сотрудников чантеомских музеев каждое нашествие губернатора с гостями равнялось стихийному бедствию.

Накрытые столы стояли в Круглом зале, обманчиво просторном из-за стрельчатых окон, соединявших его с соседними помещениями. Сверкала драгоценная старинная посуда, переливались инкрустации на спинках знаменитых императорских кресел, на потолке пульсировали в свете скрытых лазеров серебряные арабески. Народу собралось много – одни взрослые, приближенные отца. Ровесников Илси не было. Пожилой мужчина в музейной униформе, примостившийся на стуле в дальнем углу, смотрел на это столпотворение с выражением тихого ужаса. Илси бродила среди гостей с непривычно независимым видом. Когда вошел Норберт, ее миниатюрное треугольное личико озарилось радостной улыбкой.

– Нор, как здорово, что ты приехал! Карен тоже здесь.

– Это тебе. – Он протянул шоколадку.

– Спасибо.

– Потратился на подарок для сестры, ничего не скажешь, молодец! – криво усмехнулась Лионелла, выглянув из ближайшего стрельчатого окошка. – Раскошелился!

«Когда-нибудь я тетку пришибу», – подумал Норберт. Он знал, что ему вряд ли представится случай это сделать, но помечтать было так приятно! Тетка с детства была для него ходячим воплощением зла – не абстрактного, а вполне реального, того самого, которое исподволь делает людей больными и несчастными, порождает ссоры, нервные срывы и самоубийства. Лионеллу и ей подобных надо держать за решеткой, наравне с уголовниками. Норберт был твердо в этом убежден, хоть и признавал, что, попробуй он отстоять эту идею в споре, его сочтут чокнутым.

– Карен, иди сюда! – повернувшись в сторону, позвала Илси. – Это мой брат!

Лионелла исчезла из поля зрения, а за секунду до этого ее лицо стало испуганным и кислым – как мгновенно свернувшееся молоко.

– Вы – Норберт? Очень приятно. – Голос у Карен был низкий, мелодичный.

– Взаимно.

Он с любопытством ее рассматривал: правильный овал лица, немодно короткие рыжевато-каштановые волосы, крепкая загорелая шея, красивая грудь. На ней было облегающее черное платье с вырезом почти до пояса и длинными пышными рукавами – на Валене таких не носят.

– Карен – археолог с Шелконы, – представила Илси.

Ну, тогда ясно: она причесана и одета по моде своего мира. Подошел отец, его губы кривила ироническая усмешка.

– Надеюсь, отпрыск, в этот раз ты не притащил с собой ничего смертоубийственного?

– Не притащил. – Норберт с трудом отвел взгляд от выреза.

– Хоть иногда меня слушаешься, – с наигранным терпением вздохнул губернатор.

– Папа, есть разговор.

– Только быстренько, мне с тобой возиться некогда.

Они отошли в сторону.

– Илси уже пятнадцать, разреши ей жить у меня, – торопливо заговорил Норберт. – У тети Лионеллы проблемы с головой... Сегодня она двери с петель сняла, завтра потолок проломит. Я обещаю, что смогу позаботиться о сестре.

– И на какие гроши ты будешь ее содержать? – вклинилась в разговор тетка. – Это у тебя проблемы с головой, сопливый неудачник! А двери мы убрали для блага Илси, не понял, так помалкивай!

– Тихо! – Губернатор нахмурился. – Вокруг люди! Нор, я хотел бы знать, у тебя деньги есть?

– Ну... сейчас пока нету. Но если ты будешь давать Илси на расходы, а поселится она у меня...

– Надо же, какой ловкий! – Тетка всплеснула руками. – Еще бы, ты ведь у нас бизнесмен! На родной сестре готов наживаться, чтоб побольше денежек загрести, все вы, торгаши, такие! И не стыдно?

Норберт открыл рот, но губернатор не дал ему произнести ни слова:

– Не валяй дурака, отпрыск. Девчонка должна жить дома. А ты сначала зарабатывать научись, потом вылазь.

Его захлестнула злость:

– Папа, ты поднял налог на прибыль до восьмидесяти пяти процентов – какого черта можно заработать при таких условиях?

– Ну, вот это уже меня не касается. – Губернатор развел руками и ухмыльнулся, потом добавил наставительным тоном: – Дыру в бюджете надо латать! Ладно, отпрыск, не путайся под ногами, я занят.

Он отошел к группе гостей. Молча обогнув сияющую, как трехъярусная люстра, Лионеллу, Норберт пересек зал, остановился у проема, за которым находился зал поменьше, отделанный полированным дымчатым камнем с хрустальными прожилками. Во втором зале окна были настоящие, за ними сгущались прохладные мутно-сиреневые сумерки. Двое гостей, устроившись на древнем диванчике, вполголоса беседовали, при этом один из них рассеянно скреб подлокотник, а похожий на изваяние служащий музея наблюдал за его действиями с мученической гримасой. Понемногу Норберту удалось унять злость: он должен найти выход, не поддаваясь эмоциям.

– Дамы и господа, прошу всех к столу! – позвал губернатор.

Гости встали, служащий испустил вздох облегчения.

Норберту удалось занять место рядом с сестрой. Слева от него уселся отец, дальше – Карен, справа от Илси – тетка. Гости было десятка три. Иные из них сдержанно ахали, разглядывая и осторожно трогая тяжелые тарелки из чистого золота или усыпанные драгоценными камнями столовые приборы, но для Норберта императорская посуда была не в новинку.

– С тарелками поосторожней! – весело предупредил губернатор. – Обратите внимание на их края – острейшие, как бритва! Они символизируют непобедимость Империи. Этот сервиз был изготовлен две тысячи лет назад, по личному заказу императора Тердольта Второго, в честь победы над бекрами. А мы с вами – законные наследники древних императоров, хе-хе, вот и пользуемся!

Он рассмеялся, гости тоже засмеялись. Пронзительный голос Лионеллы перекрыл общий гомон:

– Прислуга! Замените тарелку для Илси – дайте девочке обыкновенную посуду, фарфоровую! Да вы о чем думали?! Она ведь у нас неловкая и слабенькая, обязательно порежется!

– Тетя, пожалуйста, не надо! – шепнула Илси.

– Молчи, я знаю, что для тебя лучше, – отмахнулась Лионелла. – Прислуга, шевелитесь побыстрее! Совсем о девочке не позаботились!

Илси опустила лицо, ее щеки горели, на глазах блеснули слезы. Норберт сочувственно пожал ей руку под столом.

– И не плачь, как маленькая, ведь я о тебе же пекусь! – все так же громко выкрикнула Лионелла.

Золотую тарелку перед Илси заменили на белую, с цветочками по бордюру. Гости приступили к еде.

– А почему вон того человека не угостили? – тихо спросила сестра у Норберта.

– Это музейный работник. Присматривает, чтобы кто-нибудь не спер ценный экспонат.

– Все равно, стоило пригласить его за стол, раз он здесь...

– Ну вы посмотрите, какая она у нас наивная! – умильным шепотом обратилась Лионелла к соседу справа. – Не то что всякие там современные девицы... Глупенькая, зато не знает, чего не надо!

Илси ссутулилась, глядя в тарелку.

«Тетку мало убить», – опять подумал Норберт. Его угнетало тошнотворное сознание собственного бессилия.

День рождения почти взрослой дочери – это отличный повод собрать в неофициальной обстановке своих приближенных, повнимательней присмотреться к ним и попытаться вычислить: кто же против тебя работает? А в том, что кто-то метит на его место, губернатор больше не сомневался. Он разгадал план неизвестного конкурента: специально нанятый профессиональный убийца, прошедший обучение в Тренажере, должен совершить в столице Чантеомы серию преступлений, что, во-первых, скомпрометирует Харо Костанге-

приоса в глазах Премьер-Губернатора (показав, что он якобы не контролирует обстановку в своей области), а во-вторых, снизит его рейтинг (в народе уже начали циркулировать слухи: мол, у простых венедийцев появился неуловимый защитник, который расправляется с бандитами, в то время как губернатор для этого палец о палец не ударит). Безусловно, убийцу кто-то информирует. В ночь полицейской операции тот затаился, позапрошлой ночью прикончил шесть человек, прошлой – еще одиннадцать, но не в центре города, наводненном усиленными патрулями, а на окраине. Жертвы – хулиганы со стажем, завсегдатаи полицейских участков. Складывалось впечатление, что убийца попросту издевается над губернатором! Кто-то его информирует, в этом сомневаться не приходилось. Вопрос – кто?

Играя роль радушного хозяина, губернатор исподтишка наблюдал за гостями. Иногда тайный враг может выдать себя взглядом, жестом, случайной обмолвкой... Он собрал здесь тех, кто с наибольшей вероятностью мог претендовать на пост правителя Чантеомы (при условии, что Харо Костангериос окажется в слабой позиции). Все они не слишком умны, рано или поздно враг себя обнаружит. Кое-кто начинал нервничать под пристальным взглядом губернатора, но это еще не показатель... В таком деле лучше знать наверняка – чтобы раздавить именно того, кого надо.

– Как тебе нравятся императорские покои? – повернулся он к Карен.

– Типичная для императорских покоев обстановка.

М-да, он-то рассчитывал поразить ее воображение... Не прекращая зорко следить за физиономиями гостей (иные чувствовали себя стесненно – хороший признак), объявил:

– А сейчас будет жаркое!

Жаркое не несли, и он нахмурился: не любил, когда прислуга проявляла нерасторопность. Гости с фальшивым оживлением переговаривались. Из соседнего помещения донесся резкий звук, словно что-то уронили, топот, вскрик... Да что там происходит?... Дверь распахнулась, и через несколько секунд все голоса смолкли, а губернатор ощутил внезапную дурноту – потому что вместо лакея в проеме стоял Мехтобий Гусл. С топором.

Психопат был грязен и небрит, его большое, младенчески-розовое лицо лоснилось в свете кристаллообразных плафонов, на вывернутых губах темнели болячки. Он тупо огляделся и наморщил лоб. Новый министр финансов, сидевший к нему ближе всех, выронил одиноко звякнувшую вилку.

– Порублю... – гнусаво произнес Мехтобий, качнувшись вперед. – Порублю кого-то...

– Нор, пистолет есть? – тихо спросил губернатор.

– Нет, – так же тихо отозвался сын.

На этого оболтуса ни в чем нельзя положиться: когда не надо, таскает оружие с собой, а когда надо – забывает дома. И куда смотрит охрана?! Он всех разгильдяев повышибает с работы... если останется жив. Мехтобий морщил лоб и озирался – выбирал, с кого начать. «Он не должен меня убивать, – все еще противясь парализующему страху, подумал губернатор, – ведь это же я спас его от суда... Он меня не убьет... Нет, не убьет...»

– Посмотрите на эту тарелку! – услышал он рядом голос Карен. – Из чистого золота, хотите такую?

Мехтобий медленно повернулся в ее сторону.

– Нет-нет, что вы делаете? – в отчаянии крикнул из своего угла сотрудник музея. – Это же уникальный бесценный экспонат, не смейте отдавать!

Теперь Мехтобий уставился на него, задумчиво взвешивая в руке топор.

– Вот именно, бесценный экспонат! – подхватила Карен, вставая; скрипнуло отодвигаемое кресло. – Видите, как блестит! Возьмите ее, а нас не трогайте!

Тарелка со свистом рассекла воздух, срезала голову Мехтобия Гусла и завершила свой путь в соседнем зале, ударившись о колонну. Тело с глухим стуком свалилось на пол. Забрыз-

ганный кровью министр финансов склонился над столом: его рвало. Большинство гостей дружно последовало его примеру.

– Харо, меня не посадят в тюрьму? – опустившись в кресло, спросила Карен. – Я так испугалась...

– Нет, – выдохнул губернатор.

Пусть он чувствовал себя неважно – это не мешало думать и просчитывать варианты. Если наружу просочится информация о том, что Мехтобий пробрался на банкет и охрана оплошала, а потом его случайно убила перепуганная инопланетная туристка, Харо Костангериос окажется в дурацком положении. Это будет на руку его врагам, да и туристы занервничают... Решат, что Чантеома – неподходящее для отдыха место.

– Охрана! – рявкнул он.

Прошла минута, другая, третья, наконец в дверях появился офицер. Глянув вниз, замер на месте. За его спиной столпились охранники.

– Я не спрашиваю, чем вы занимались, – губернатор зловеще свел брови к переносице, – это вы мне потом объясните! Главное, что вы все-таки среагировали и уничтожили злоумышленника. Убрать его отсюда, живо!

После недолгой заминки охранники подхватили тело Мехтобия и поволокли прочь. Из обрубка шеи капала кровь. Губернатор скрипнул зубами: чертов debil, нашел как отплатить своему благодетелю!

– А где голова? – спросил молодой охранник.

Офицер молча указал под столик, сделанный из цельного куска ишарванского янтаря. Кое-кого из гостей опять начало рвать.

– Не бойся, я все уладил, – взглянув сбоку на Карен, шепнул губернатор (пусть думает, что он сделал это ради нее). И громко добавил: – Все закончилось благополучно, дамы и господа! Я надеюсь, никто не сомневается в том, что я контролирую ситуацию?

В последней фразе содержалась скрытая угроза, и гости это поняли. Среди них нет никого, кто мог бы тягаться с Харо Костангериосом! Завтра утром его пресс-секретарь сообщит журналистам, что на семейное торжество к губернатору проник убийца, остановленный телохранителями; завязалась драка, в ходе которой один из последних убил преступника его же топором. Заодно успокоятся те, кто требовал расправы над Мехтобием Гуслом... При такой трактовке репутация губернатора не пострадает.

Бледные гости вставали со своих мест, потерянно озираясь. В соседних помещениях маячили угрюмые охранники. Заблеванный стол выглядел омерзительно, и губернатор отошел в сторону, брезгливо кривя губы, потом, позеленев, кинулся к выходу. По крайней мере, на людях его не вырвало – он лишний раз продемонстрировал подчиненным свое превосходство.

Тщательно вытерев губы перед зеркалом, вернулся в зал.

– Какое варварство! – сокрушенно пробормотал старик в униформе, мимо которого он прошел. – Тут ведь музей!

– Что делать, – снисходительно обронил губернатор, – у моих изнеженных подчиненных желудки не очень-то...

Карен стояла рядом с Норбертом и Илси, обнимая за талию вредную девчонку.

– Ты успокоилась, моя милая? – Губернатор властно взял ее под руку. – С этими тарелками надо поосторожней... В прошлом году у нас был такой же несчастный случай – мой советник по вопросам животноводства порезал палец. – Он расмеялся, но никто его не поддерживал.

– Харо, по твоему городу шатается чересчур много субъектов вроде этого, а ты до сих пор ни черта не сделал.

Боже, до чего глупо она рассуждает!

– Милая Карен, управление государством – это дело, в котором ты ничегошеньки не смыслишь. – Губернатор усмехнулся. – Всегда есть некоторый процент правонарушителей... А Мехтобий Гусл – часть этого процента. Живое свидетельство... – Он чуть не добавил по привычке: «гуманности нашей социальной системы», но вовремя спохватился. – Живое свидетельство того, к чему приводит пьяное зачатие, его родители – хронические алкоголики в третьем поколении. Вот так-то! Не хочешь выпить ликилы? Бутылки целы, и бокалы тоже. Пойдем!

Ему не нравилось выражение ее лица – слишком уж смахивает на иронию... Скорее всего это от нервов. Чтобы так швырнуть тяжелую тарелку, надо не просто испугаться, а впасть в панику! Он, Харо Костангериос, единственный из всех не утратил самообладания, и Карен должна это оценить. Не обращая внимания на остальных, он налил ей и себе ликилы. Сделал несколько глотков, смакуя вино, оглядел пребывающих в замешательстве гостей. Не исключено, что Мехтобий появился здесь не случайно; это вполне мог подстроить тот, кто играет против губернатора... Он завтра же проведет служебное расследование и накроет мерзавца.

– Нор, я законченное ничтожество, – не глядя на брата, прошептала Илси.

– Да ничего подобного, – буркнул Норберт. – Успокойся.

– Я просто оцепенела, хотя передо мной лежал нож, а я о нем даже не подумала... Так противно быть беззащитной!

– Илси, деточка, ты и должна быть беззащитной! – проворковала тетка – она стояла в нескольких шагах от них, бледная, в испачканном платье, и механически обмахивалась салфеткой. – Ты ведь девушка, а не парень. Очень хорошо, что ты беззащитная!

– Нор, пойдем отсюда? – слабым голосом попросила сестра.

– Пошли.

Они обогнули стол, и тут Илси замерла, увидав возле двери громадную алую лужу, перекрывающую выход. Ее глаза расширились.

– Я не могу на это наступить...

Норберт молча подхватил ее на руки, прошел по луже, пересек зал, мельком оглянувшись на цепочку своих кровавых следов – тут его опять затошнило, и он ускорил шаги. Подошвы липли к полу. Никто из понурых охранников не пытался остановить детей губернатора. Снаружи совсем стемнело, вдоль аллеи сияли фонари – грозди шаров на тонких стержнях, которые тоже слабо светились.

– Отвезти тебя домой?

– Да... У тебя есть машина?

– Арендованная.

До выхода из парка он донес ее на руках – сестра весила даже меньше, чем он думал. У ворот стояли два фургона с включенными мигалками и «Скорая помощь», в небе висел полицейский магнитоплан. Кто-то направил на Норберта с Илси слепящий белый луч, но, узнав, не стал задавать вопросов. Отыскав среди скопища автомобилей свой «Хезнар», Норберт распахнул дверцу.

– Забирайся.

– Спасибо. – Она попыталась улыбнуться.

Когда парк и пульсирующие огни исчезли за поворотом, Норберт посоветовал:

– Расслабься. Отец в одном прав – все обошлось. Я вот не переживаю, хотя потерял больше всех.

– Почему? – удивилась Илси.

– Рассчитывал, что наемся на сутки вперед, а теперь ни черта в желудке не осталось.

– Тебе нечего есть? Я не знала... Зря ты раньше не сказал. Я могу давать тебе продукты из нашего холодильника.

– Влетит.

– Не влетит. Скажу, что я сама все это съела.

Сокьянский парк находился неподалеку от губернаторской резиденции, на дорогу ушло около пяти минут.

– Подожди здесь, – шепнула Илси в вестибюле.

На серовато-зеленом, с разводами, полированном камне блестели неподвижные блики; залитый ярким светом плафонов вестибюль походил на внутренность тщательно сработанной нефритовой шкатулки. Засунув руки в карманы, Норберт прислонился к прохладной круглой колонне.

– Что, праздник кончился? – спросил охранник.

– Ага.

Подумав о «празднике», Норберт криво усмехнулся. Потом его мысли вновь вернулись к сравнению дома, где живет сестра, с декоративной шкатулкой. Обеспеченное, но невеселое существование Илси имело еще один минус: невозможность наблюдать реальную жизнь, сопоставлять, анализировать – и, как следствие, отсутствие жизненного опыта. Кое-какие вещи, очевидные для Норберта, от нее ускользали. Например, Карен, чьей добротой Илси так восхищалась, вовсе не была доброй. Норберт отметил и уверенно-властное выражение, мелькавшее порой на ее лице, и насмешливые интонации (когда Карен разговаривала с губернатором), и то, что ее, одну из немногих, не вырвало. Она отлично владела собой. У Норберта возникло подозрение, что ей и раньше случалось убивать людей.

Послышались легкие шаги.

– Вот. – Сестра протянула пластиковый пакет – там много чего лежало, включая палку копченой колбасы с чесноком, которую Норберт очень любил. – Еле дотащила... Спрячь, а то тетя нас наругает.

– Спасибо. Я мигом.

Убрав пакет в багажник «Хезнара», он вернулся в дом. Илси ждала около лестницы.

– А охранники тетке не скажут? – спросил Норберт, когда поднялись на второй этаж.

– Нет. Она кричит на них. Говори мне, когда у тебя кончается еда, – для меня это нетрудно, честное слово.

Они устроились в маленьком кабинете с письменным столом и стеллажами, Илси включила бра. Пустой проем без двери неуютно чернел; девочка уселась к нему спиной, передвинув кресло.

– Не грусти, – подмигнул Норберт.

– Нор, я не знаю, что мне делать. Я ничего не могу сама... У меня совсем нет гордости, я неполноценная.

– Да кто тебе все это сказал?

– Харо. – Секунду спустя на ее лице появилось недоуменное выражение. – То есть папа. Не знаю, почему я вдруг назвала его по имени.

– Илси, они с теткой тебе внушают, что ты не такая, как на самом деле. Есть сам человек – и то, каким представляют его окружающие, понимаешь? Пожалуйста, будь собой! Не кем-то другим, внушенным, а собой.

Илси внимательно смотрела на брата, словно мысленно взвешивала его слова, и вдруг ее бледное миниатюрное личико сморщилось.

– Нор, извини... У меня голова заболела, и еще плечо... Так сильно, как будто ударили. Наверное, это потому, что я на банкете испугалась. Сейчас... – не переставая морщиться, она выдвинула ящик стола, достала флакон с таблетками, проглотила сразу две штуки. Взяв с подоконника пластиковую бутылку с водой, запила, судорожно глотая.

– Сильная хреновина, – заметил Норберт, взглянув на этикетку.
– Это тетя принесла, она все время дает мне лекарства. Скоро подействует.
– Лекарства – отравы, с ними лучше не связываться.
– Я тоже такое читала. Если бы я смогла попасть в Тренажер... Там есть специальные процедуры, чтоб из тела человека вышли все яды. Здорово, правда?
– Илси, у нас нет денег на Тренажер. Пожалуйста, не принимай лекарства без необходимости – особенно те, которые дает тебе тетка. Ты ведь не больная.

Илси кивнула.

– Проходит...

Он взглянул на часы.

– Какой сегодня день?

– Сто тридцать шестой.

– Что?.. – Норберт озадаченно заморгал.

– Ой, не знаю, почему я это ляпнула... Какая-то глупость. Сегодня пятница, восемнадцатое.

– Пятница всегда считалась паршивым днем. По-твоему, Карен – добрая?

– Очень добрая!

– А в чем проявляется ее доброта?

– Ну... во всем. – Илси вдруг смутилась, даже уши покраснели. – Нор, она ведет себя со мной так, как будто я не неполноценная... И она всех спасла от того типа с топором.

– Да уж, удачно испугалась.

– Она совсем не испугалась. Нор, у меня «отлично» по физике. Для того чтобы так получилось, бросок должен быть очень сильным и точным.

– Думаешь, она его сознательно убила?

– Чтобы всех спасти. Только никому не говори, ладно? А то ее арестуют.

– Илси, с такими людьми надо поосторожней. Я никому не скажу о твоей догадке... но не забывай, что высоковольтный провод может шарахнуть насмерть кого угодно, в том числе тебя. Между прочим, это тоже из физики.

– Нор, она хорошая! – убежденно возразила девочка.

Домой Норберт вернулся в мрачноватом настроении. Гестен уже спал, директор «Антираспада» смотрела стереовизор в гостиной. Норберт предложил ей переночевать здесь – было поздно, в такое время по венецийским улицам лучше не ходить.

– Аманда, помните, вы говорили, что кто-то из ваших старых друзей мог бы по знакомству пустить меня в Тренажер?

– Говорила, – та устало посмотрела на него, – и что?

– Это надо устроить не для меня, для другого человека. Это очень важно.

– Нор, он трепался. – Аманда вздохнула. – Он там бухгалтером работает, это от него не зависит. В Тренажер не войдешь, если не заплатишь полтора миллиона империалов, за этим специально следят, а то бы все пользовались. Я расспросила подробней, и он объяснил. Славный человек, хотя любит прихвастнуть. Мы с ним в школе вместе учились.

Ясно... Итак, этот вариант отпадает. Норберт поднял пакет с продуктами и поплелся на кухню. Он чувствовал, что сестра в опасности, но не знал, как ее вытащить.

Зеруат запер дверь своей комнаты, проверил, заперта ли дверь в лоджию, нажал на кнопку. С потолка опустились жалюзи с абстрактным рисунком – во всю стену, от пола до потолка. Он прислушался: тихо. Расстегнув куртку, извлек из внутреннего кармана металлическую коробку с зондом Нуль-Излучателя. Зеруат ни на секунду не расставался с ней, даже спал, не снимая верхней одежды, – несмотря на то что от граней коробки на боку появились кровоподтеки. Святая цель того стоила. Скоро в этой Галактике не останется ни одного

агрессивного существа, и мирные раглоссиане смогут вздохнуть спокойно. Открыв коробку, вынул листок – тончайший пластик, схема нанесена специальными несмываемыми чернилами. Зеруат колебался: не стоит ли скопировать этот документ? Некогда он обладал неплохой зрительной памятью, но теперь, когда его жизнь близится к закату... Схема исключительно важна, так как содержит скорее всего информацию о местонахождении пульта. Без него зонд бесполезен. Однако если копия попадет в чужие руки... Зеруат невольно напрягся, положил листок обратно, со щелчком захлопнул крышку. Мудрая раглоссианская пословица гласит: «Никогда не усугубляйте риск». Пусть схема останется в единственном экземпляре.

В ходе расследования было установлено, что Мехтобий Гусл проник в Императорский Павильон через черный ход; охранники в это время находились в зале, где стоял древний музейный компьютер. Играли, мерзавцы! А если бы кто-нибудь организовал покушение на губернатора?! Харо Костангериос лишний раз убедился в том, что его подчиненные – те еще бестолочи.

Илси, которую он утром по настоянию Лионеллы подвез до школы, всю дорогу хмурилась, забившись в угол на заднем сиденье. Губернатор был взбешен. Он такой день рождения ей устроил: в императорских покоях, с высокопоставленными гостями, драгоценной посудой и редкими изысканными блюдами (между прочим, общая стоимость последних равнялась годовой зарплате директора школы, где эта мерзавка учится) – а она недовольна! Даже «спасибо» не сказала. На нее не угодишь, все дело в дрянном характере.

Были и другие неприятности. Два десятка стариков из затопленного Паркуана добрались до Венеды и теперь торчали перед зданием правительства Чантеомы с плакатами: «Мы потеряли все, что имели!», «Мы по горло сыты обещаниями!», «Где материальная помощь?» и т. п. Неужели сами не понимают, что губернатору сейчас не до них? И разогнать нельзя, пикеты уже привлекли внимание любопытных инопланетян. Завтра утром – официальное открытие весеннего карнавала, публичные репрессивные меры могут спугнуть туристов. Скрепя сердце (у правительства нет денег на незапланированные расходы!), губернатор велел секретарю сунуть каждому паркуанцу по пятьдесят валедоров и уговорить их убраться восвояси, а сам поехал домой. Он настроился решительно объясниться с Карен – и сломать ее. Давно пора.

Предчувствуя, что объяснение будет бурным, губернатор приказал охране и прислуге не реагировать на шум и вообще не подниматься на третий этаж. Устроился на диванчике в небольшом холле с громадной золотисто-коричневой шкурой тигонского кахарына на полу, взглянул на часы: половина седьмого. Когда Карен привезет Илси с прогулки, ей скажут, что Харо Костангериос ждет ее, чтоб обсудить один важный вопрос. Она придет сюда и окажется в западне: дверь в этом холле непростая – электронный замок реагирует только на команды пульта, спрятанного у губернатора в кармане.

Ждать пришлось долго, Карен появилась около восьми. Губернатор к этому времени успел до предела разозлиться.

– Пожаловала! – произнес он, постаравшись вложить в интонацию как можно больше угрозы, и одновременно нажал на кнопку пульта. – Нам пора поговорить начистоту! Ты сегодня же станешь моей, поняла?! Никто сюда не прибежит, я отослал охрану!

– Далеко отослал? – с проблеском интереса спросила Карен.

– Далеко. Нам никто не помешает! – Губернатор поднялся с диванчика, с раздражением отметив, что она ведет себя не по задуманному сценарию: должна была испугаться, а вместо этого, наоборот, оживилась, в глазах вспыхнули насмешливые искры. Ничего, сейчас он поставит ее на место. – Ты что о себе возомнила? Ты просто шлюха с дипломом археолога, я знаю, как ты заработала свой диплом! В постели у профессора! Ты законченное ничтожество...

Мир взорвался и погрузился во тьму. Потом губернатор обнаружил, что лежит на спине и смотрит на подернутый туманом потолок. Тупая боль в затылке, во рту солоноватый привкус крови. Значит, резиденцию заминировали, но он остался жив... Надо позвать на помощь. С трудом приподняв голову, увидел, что помещение не пострадало, а в кресле напротив удобно расположилась Карен.

– Что случилось? – прохрипел он.

– Ты только что получил по морде.

Это утверждение показалось ему абсурдным: губернаторы по морде не получают.

– Каким образом?..

– От меня.

Он сел, опершись о скользкий волнистый мех, потрогал левую скулу – странное ощущение.

– Ты... ты хочешь сказать, что ты посмела меня ударить?..

– Я мечтала об этом еще с того вечера в «Бескане».

– Да кто ты такая? – Губернатор с трудом встал на ноги. – Ты всего лишь ассистент... У себя дома ты бы даже не пикнула!

Поднявшись, Карен толкнула его пальцами в грудь, и он тяжело ударился задом об пол.

– Харо, у себя дома я бы тебя по стенке размазала. Скажи спасибо, что мы на Валене.

– Сейчас придет охрана, – глядя на нее снизу вверх, предупредил губернатор. – Знаешь, что я с тобой сделаю?

– Ты отослал охрану, – спокойно напомнила Карен. – Ничего ты мне не сделаешь. Вот, послушай. – Она достала из кармана небольшую коробочку, щелкнула кнопкой.

«Премьер – смирный старикан, он в мои дела не суется, – услышал губернатор подозрительно знакомый голос. – Между нами, он выжил из ума, потому я его и терплю... Он хронический импотент, поняла? (Смех.) Не ездь в Соледад, там красивым женщинам делать нечего».

– Разумеется, это не единственный экземпляр, – выключив звук, безжалостно улыбнулась Карен. – Есть еще. Если со мной что-нибудь случится, Премьер-Губернатор в два счета получит копию.

– Это была просто шутка... – Его бросило в жар.

– А ваш Премьер понимает такие шутки?

Шуток старик не понимал. И очень не любил, когда кто-нибудь говорил вслух о его слабостях.

– Это шантаж!

– Ты угадал. Харо, я проведу в Чантеоме столько времени, сколько захочу. И ты не будешь лезть в мои дела, а также не будешь мешать мне встречаться с Илси. Сейчас я уйду, ты малоинтересный собеседник.

Она пересекла холл, дернула дверь. Губернатор с ненавистью смотрел на ее затылок.

– Ты отопрешь дверь или я должна ее выломать? – осведомилась Карен, полуобернувшись.

– Посмотрю я, как ты ее выломаешь! – процедил губернатор – несмотря на поражение, ему хотелось сохранить лицо.

– Посмотри.

К изумлению губернатора, она вышибла дверь умело, с первой попытки. Быстрые шаги затихли в коридоре. «Хорошо, что ушла...» – с облегчением вздохнул Харо Костангериос. Потом его охватила ярость: где охрана?! Неужели никто не слышал шума? Он добрался, пошатываясь, до лестницы, спустился на первый этаж. Охранники замороженно уставились на него, словно увидели привидение.

– Господин Костангериос, что с вами? – робко спросил кто-то.

Проклятые олухи! Их босса чуть не убили, а им хоть бы что!

– Всех вас гнать надо, сукины дети! – прошипел губернатор. – У вас форма грязная! Мне такие телохранители не нужны! Я устрою, что вас теперь никто на работу не возьмет! Я вам устрою...

Он пошел обратно и на лестничной площадке наткнулся на Илси. Девчонка замерла, широко раскрыв глаза.

– Ты дрянь, – брезгливо бросил губернатор. – Шляешься с кем попало по всяким при-
тонам! Марш в комнату!

Илси исчезла, зато из коридора вынырнула Лионелла. Когда она взглянула на брата, ее рот приоткрылся, а выщипанные брови поползли вверх.

– Ну, что за невидаль увидела? – грубо осведомился губернатор.

– Харо, тебя избили?

– С чего ты взяла? – Он с недоумением покачал головой и коротко рассмеялся, желая показать, что ее предположение неуместно. – Что ты несешь, кто бы осмелился меня избить? Думать надо!

Сверхъестественная проницательность Лионеллы его испугала, даже ярости поубавилось. Ни одна живая душа не должна узнать о том, что произошло в холле на третьем этаже! Поднявшись к себе, он связался с прислугой и велел подавать ужин в кабинет. Лакей, вка-
тивший сервированный столик, тоже посмотрел на него странно. Неужели кто-то из домо-
чадцев шпионил за ним, невзирая на запрет? Ладно, он с ними разберется... Без аппетита
глотая пищу, губернатор размышлял о том, что теперь делать. Карен опасна. У нее в руках
компромат, и, кроме того, она может его убить – так же, как убила несчастного Мехтобия. На
охрану полагаться нельзя. Обратиться к спецам из Валенийской Службы Безопасности? Гм,
если сказать им, что был анонимный телефонный звонок и его предупредили о возможном
покушении... Харо Костангериос не любил связываться с ВСБ – та подчинялась непосред-
ственно Премьер-Губернатору; именно благодаря этой организации Премьер контролировал
всю планету, а губернаторы областей находились у власти лишь до тех пор, пока были для
него удобны. Надо действовать с умом, чтобы старик не усомнился в лояльности губерна-
тора Чантеомы. Ни слова про Карен... Некто ему угрожает, его жизнь в опасности, и все.

Кончив есть, губернатор раздраженно оттолкнул столик, отъехавший на середину каби-
нета. Рассеянно взглянул в зеркало: лицо около левого глаза испачкано чем-то темным.
Подойдя ближе, застыл на месте. Только этого не хватало... Ведь ему завтра выступать на
церемонии открытия карнавала при громадном стечении народа! «Мерзавка, – прошептал
он в отчаянии. – Паршивая шлюха, стерва, шантажистка...»

Губернатор с фингалом – это нонсенс. Придется теперь всем объяснять, что он упал
с лестницы.

Глава 6

Издалека доносилась бравурная музыка, по улице то парами, то небольшими группами проходили люди в масках, с нашитыми на одежду разноцветными лентами. Карнавал. Раглосса не знает таких варварски красочных праздников. Зеруат колебался: с одной стороны, лучше бы остаться дома, но с другой – скоро этот мир исчезнет, и тогда он будет единственным выжившим очевидцем. Его тянуло в город. Хотелось лишний раз убедиться в том, что Валена – агрессивная планета, население которой заслуживает кары. Собственно, Зеруат в этом не сомневался, но в последнее время его все чаще одолевало навязчивое желание получить как можно больше доказательств своей правоты. Поэтому он позволил сотрудникам «Антираспада» уговорить себя. Остальные эмиссары ни о чем не подозревают, это будет безопасная прогулка. Норберт сел за руль, плотный круглолицый компьютерщик занял место рядом с ним. Зеруат и чернокожая женщина-директор устроились на заднем сиденье. Зеруат отметил, что кобуру надела женщина – значит, сегодня охранять его будет она. Ничего, она тоже выглядит энергичной и решительной... Когда машина выехала на улицу, он увидел на тротуаре слева двух плохо одетых краснолицых мужчин – те стояли друг против друга и, похоже, ссорились. Губы Зеруата тронула грустная мудрая усмешка: да, это безнадежно испорченный мир. Приговор отмене не подлежит.

Норберт затормозил у ворот Омунсонского парка на набережной Чанта. Машин тут стояло много, он с трудом отыскал свободное место для «Хезнара». Не будь арендованный «Антираспадом» электромобиль малолитражным (что бы это древнее слово ни означало), нипочем не удалось бы втиснуть его между эллипсовидным четырехместным магнитопланом и престижным паровым лимузином с позолоченными ручками на дверцах.

Омунсонскому парку было больше тысячи лет. Причудливые полупрозрачные строения, видневшиеся за серыми, лишенными листвы деревьями, помнили целый сонм императоров. Казалось, они изваяны из льда – голубоватого, красного, молочно-белого. Сейчас там располагались игровые автоматы, выставки и недорогие кафе – последнее обстоятельство и привело сюда сотрудников «Антираспада». По случаю праздника Аманда выдала Норберту с Олегом по десять валедоров, сама тоже взяла некоторую сумму, и вся компания отправилась развлекаться. Гестен, увидав сквозь решетку, сколько народу толпится в аллеях парка, непроизвольно попятился к машине, однако Аманда подхватила его под руку и обворожительно улыбнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.